

**ИНГУШСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ГУМАНИТАРНЫХ НАУК им. Ч.Э. АХРИЕВА**

ВЕСТНИК
Ингушского научно-исследовательского
института гуманитарных наук
им. Ч.Э. Ахриева

№ 1 – 2016

Научный журнал
Выходит два раза в год

РЕДКОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Бархоева Нина Мустафаевна, доктор филологических наук, профессор, директор Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Дзарахова Зейнеп Магомет-Тагировна, доктор исторических наук, заместитель директора Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

Жеребило Татьяна Васильевна, доктор педагогических наук, профессор

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель редакционного совета:

Матиев Магометбашир Адамович – кандидат филологических наук, заведующий отделом ингушского фольклора Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева;

Члены редакционного совета:

Агиева Лемка Тугановна – кандидат философских наук, Ученый секретарь Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева;

Киева Зуфира Хаджибикаровна – кандидат филологических наук, заведующий отделом ингушского языка Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева;

Кодзоев Нурдин Даутович – заведующий отделом истории Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева;

Накостоев Хаваш Алиевич – редактор Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева;

Харсиев Борис Магомед-Гиреевич – кандидат философских наук, заведующий отделом этнологии Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева;

Ялхороева Марем Ахметовна – кандидат филологических наук, заведующий отделом ингушской литературы Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Аккиева Светлана Исмаиловна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований (Кабардино-Балкарская Республика);

Албакова Фатима Юсуповна, доктор философских наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова;

Албогачиева Макка Султан-Гиреевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнографии народов Кавказа МАЭ РАН (Кунсткамера);

Али Аскер, доктор юридических наук, доцент Карабюкского университета (Турция);

Алиева Севиндж Исравил-газы, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела «История Кавказа», Институт Истории Национальной Академии наук Азербайджана (Азербайджан);

Биттирова Тамара Шамсудиновна, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Кабардино-балкарского института гуманитарных исследований;

Габунна Зинаида Михайловна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и общего языкознания Кабардино-Балкарского государственного университета;

Гутов Адам Мухамедович, доктор филологических наук, заведующий сектором адыгского фольклора Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований;

Джапуа Зураб Джотович, доктор филологических наук, профессор (Республика Абхазия);

Долгиева Марем Белановна, кандидат исторических наук, доцент ИнГГУ, ведущий научный сотрудник отдела истории Ингушетии Ингушского НИИ гуманитарных наук имени Ч.Э. Ахриева.

Казиева Альмира Магометовна, доктор филологических наук, профессор, директор Северо-Кавказского НИИ филологии, Пятигорский государственный лингвистический университет (г. Пятигорск);

Магомедханов Магомедхан Магомедович, доктор исторических наук, заведующий отделом этнографии Института истории, археологии и этнографии (Республика Дагестан);

Маргазанов Арсамак Магомедович, доктор филологических наук, профессор, ректор Ингушского Государственного университета;

Султыгова Марифа Магомедовна, доктор филологических наук, старший научный сотрудник отдела ингушского языка, Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева;

Танкиева Лидия Хусеновна, доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела ингушского фольклора и этнографии, Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева;

Цороева Марет Гайсултановна, доктор этнологии, доктор истории религий (Франция).

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ	4
Дударов А-М. М. Закон и беззаконие (К 25-летию принятия «Закона о реабилитации репрессированных народов»)	4
Кодзоев Н.Д. О местонахождении «славного ясского города» Деякова	8
Дударов А-М.М. О предках кавказских алан – нахских махелонах	20
Хайров Б.А. Соляные ключи и соляной промысел Ингушетии	31
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	38
Танкиева Л.Х. Ваха ираз хиланзар цун	38
Танкиева Л.Х. Нарты в волшебной сказке ингушей	44
Тариева Л.У. Субъект модуса с эпистемическим статусом	49
Мациев А.Д. О некоторых особенностях аланской письменности и ранних источников про алан	53
Хайрова Р.Р. Г1алг1ай метта табрахъдешайи ц1ерметтдешайи конверсивни белгалонаш	57
Костоева Ф.М. Этимологический и словообразовательный анализ терминов ингушского языка, обозначающих хозяйственные постройки	59
ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ	62
Акиева Х.М. Гармония эстетических ценностей традиционной культуры ингушей (по материалам экспозиции «Ингушское подворье»)	62
ПЕДАГОГИКА	68
Танкиев В-Г.Х. Особенности обучения и воспитания детей в Японии	68
ПЕРСОНАЛИИ	77
Кодзоев Н.Д. Грузины из ингушского селения Базоркино	77
Кодзоев Н.Д. Представители рода Ужаховых – участники Второй мировой войны	80
РЕЦЕНЗИИ	87
Танкиев В.-Г.Х. Рецензия на монографию Т.Х. Матиева «Малгобекская оборонительная операция (сентябрь-октябрь 1942 г.). Ход, этапы, значение»	87
К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ	89

Журнал

«Вестник Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева» включён в базу данных РИНЦ.

<http://www.elibrary.ru> Номер договора: 71-02/2016 Дата договора: 17/2/2016

ИСТОРИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

ЗАКОН И БЕЗЗАКОНИЕ

*(К 25-летию принятия «Закона
о реабилитации репрессированных народов»)*

Дударов А-М.М.

Ингушский научно-исследовательский институт
гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева

*«Строгость российских законов смягчается
необязательностью их исполнения».*

*«Самые плохие законы – в России, но этот недостаток
компенсируется тем, что их никто не выполняет».*

М.Е. Салтыков-Щедрин

Аннотация: *в статье проводится анализ исполнения «Закона о реабилитации репрессированных народов», исследованы причины и последствия противодействия политико-правовой и территориальной реабилитации ингушей, как депортированного народа.*

Ключевые слова: *ингушский народ, депортация, репрессии, закон, беженцы, равноправие, не-осталинизм, реинкарнация, депутат, очаг, комиссия, политико-правовое поле, повторное изгнание.*

Среди современной политической и научной элиты России мы находим достаточное количество противников справедливого решения территориального вопроса ингушей – возвращения незаконно отторгнутых земель в период депортации ингушского народа и реализации в полном объеме Закона Российской Федерации «О реабилитации репрессированных народов», принятого под бурную овацию депутатов в Верховном Совете РСФСР ровно 25 лет назад – 26 апреля 1991 года.

«Долгие десятилетия прошли, прежде чем Россия, Москва... признали свою вину перед лишенными родины, морально и физически истощенными народами. По словам участников и гостей той сессии Верховного Совета России, 26 апреля 1991 года принятие закона зал приветствовал стоя, под бурные аплодисменты» [Патиев, 2011:3]. Признавая гуманность данного законодательного акта, называя его справедливым, Председатель Комитета Конституционного надзора Северной Осетии К.Я. Фидаров сказал, что все замечания надо было давать до принятия документа, и предложил искать решение вопроса в сложившейся ситуации [Патиев, 2011:3].

Репрессивные действия со стороны государства, совершавшиеся в отношении ингушей, всегда игнорировали всякое право и закон, вы-

ливались в массовые гонения. Этим можно объяснить депортацию и территориальные переделы на протяжении всего XX века ингушских земель: лишение народа его столицы Буру – г. Владикавказ, лишение Пригородного района после возвращения из Казахстана, изгнание ингушского населения из г. Владикавказ и Пригородного района в 1992 г. и т.д. В.А. Шнирельман замечает, что в период восстановления ЧИАССР «ингуши настоятельно просили оставить им Пригородный район, отмечая, что вместе с историческим центром в с. Ангушт он являлся их древней родиной, где, собственно, и сформировался ингушский народ. Они напоминали, что там в момент депортации обитали 40% всех ингушей, там же концентрировались все промышленные предприятия, с которыми был связан ингушский рабочий класс, там лежали и самые богатые ингушские земли. В передаче Пригородного района и г. Орджоникидзе в безраздельное владение осетин ингуши видели беззаконие и притеснение ингушского народа. Однако все это не помогло... Власти Дагестана и Грузии нашли в себе силы отступить (возвратив земли чеченцев и ингушей. – *Авт.*), и лишь представитель Северной Осетии оставался непреклонен. Так Пригородный район и очутился в составе Северной Осетии» [Шнирельман, 2007: 245-246].

В России привыкли, что в стране многие законы пишутся, слушаются, принимаются, но, к сожалению, не выполняются. То же самое случилось и с «Законом о реабилитации репрессированных народов». Тем не менее, вера народа в историческую справедливость – реализацию в полном объеме данного законодательного акта до сих пор жива. Ингуши должны знать, что дальнейшее откладывание реализации данного закона, особенно в части территориальной реабилитации, невыполнение «Закона века», как его окрестили интеллектуалы России – является беззаконием по отношению не только к ингушскому народу, но и ко всему Закону и Праву в России. Я. Патиев называет два центра, откуда в основном исходит сопротивление Закону – Москва и Владикавказ [Патиев, 2011:35].

Несмотря на сильное лобби именно Москве, как федеральному центру, необходимо проявить настойчивость в полной реализации принятого 25 лет назад федерального Закона, который выдержал массивные атаки на себя, начиная с самых высоких эшелонов власти российского государства. Не хотелось бы думать, что и сегодня в высшей власти России идет деление народов по этническому и конфессиональному признаку. Как писал Е.Марков «опереться на почву народа гораздо вернее и справедливее... Ничем невозможно так привязать к себе покоренную страну, как честным, решительным устранением зла, накопившегося в ней в течение веков. Произвол победителя, как вообще всякий деспотизм, должен сколько-нибудь оправдать себя, по крайней мере, своею способностью достигнуть одним резким ударом таких результатов, которые, при мирном и законном развитии страны, потребовали бы для своего осуществления веков борьбы» [Марков, 1887:49].

Схожие с депортацией 1944 г. действия со стороны властей по отношению к себе ингуши наблюдали и в первое время после конфликта в Пригородном районе и г. Владикавказ в 1992 году, когда дома ингушей еще стояли целыми. Затем своей нерешительностью с заселением беженцев в свои дома федеральный центр способствовал уничтожению абсолютного большинства домовладений и других строений, включая мечети ингушских сел Пригородного района. Творилось данное беззаконие на глазах у местной республиканской власти, и это было сделано для реализации принципа «некуда возвращаться». Ситуация с неисполнением «Закона о реабилитации репрессированных народов» и нежелание власти ликвидировать последствия событий

октября-ноября 1992 года не дают уверенности в равноправии граждан РФ вне зависимости от национальности [Патиев, 2011:49] и вероисповедания.

Непонятно, как же руководство огромной страны может ставить ингушский народ так часто вне закона, игнорируя претворение в жизнь самого гуманного и справедливого акта, принятого когда-либо в нашей стране, хотя на протяжении нескольких столетий данный народ является одним из составляющих огромного Российского государства и, если не самим оплотом, то, во всяком случае, несет на себе груз определенной его части безропотно!

Сегодняшнее расползание неосталинизма дает повод ко многим размышлениям. Возможно, это связано с ностальгией по тоталитарному порядку, с полным государственным контролем общественной жизни, возможно с экономическими проблемами и т.д., однако реинкарнация имени «дьявола» Сталина приводит к изменению имиджа России как правового государства и, как следствие, возможности не только игнорирования уже принятых законов, но и повторения ошибок предыдущих. Когда не унимаются националисты других профессий не так страшно. Но когда ложь и сплошная фальсификация становятся знаменем для научных деятелей и влиятельных политиков страны – есть боязнь повторения «обоснований» новых депортаций, геноцидов, этнических чисток, гражданских войн и бесчеловечных жестокостей со стороны государства.

Россия – богатая страна со своим большим этническим и этнокультурным разнообразием. Больно констатировать факт, что с уст ни одного депутата ни на федеральном, ни на региональном уровнях, какие бы партии и какие бы идеи они не проводили, ни слова не говорится сегодня о претворении в жизнь «Закона о реабилитации репрессированных народов». Данная ситуация показывает до сих пор существующее разделение российских народов, особенно на Кавказе, на «своих» и «чужих», на «благонадежных» и «неблагонадежных». Если судить по той политике, которую проводит российское руководство в отношении ингушей на протяжении последних десятилетий, игнорируя полное претворение данного Закона – преданность ингушского народа не является поводом для российской правящей элиты в обязательности сохранения этнической территории проживания ингушей с их самобытной тысячелетней историей. Ведь именно на своей родной земле ингуши не раз оставались

раньше (и остаются сегодня) в правовом смысле изгоями. Пример тому – невозможность заселиться депортированному в 1992 году населению в свои дома в течение 24 лет, сегодня проживающему в пределах нескольких километров от родного очага.

Хотелось бы привести здесь часть текста «Заключения Комиссии для рассмотрения обращений ингушского населения, созданной Советом Национальностей Верховного Совета СССР, и решения комиссии по национальной политике, межнациональным отношениям» от 28 декабря 1990 года под №6–1/415 за подписью Председателя Комиссии А.М. Белякова и других ее членов, направленного Б.Н. Ельцину. Стоит заметить, что Комиссия на государственном уровне имела возможность ознакомиться с любыми историческими архивными материалами (в том числе и с секретными), а также со всеми научными работами ученых по данной теме с привлечением необходимых исследователей в нужный момент. И, что самое главное, это был момент, когда впервые заговорили правдиво о трагедии ингушского народа и других депортированных этносов России на весь мир.

«...Значительная часть территории нынешнего Пригородного района, расположенная на правом берегу реки Терек, с 1924 года вплоть до 1944 года входила в состав Ингушской автономной области, а затем Чечено-Ингушской АССР. До 1944 года численность населения Пригородного района Чечено-Ингушетии составляла более 34 тысяч человек, из них 31 тысяча человек – ингуши. А ныне на территории прежнего Пригородного района проживает около 40 тысяч человек, в том числе прописано 17,5 тысяч ингушей. В ряде сел этой части района (Чермен, Тарское, Майское, Куртат) ингуши составляют от 50 до 80 процентов всего населения.

При восстановлении Чечено-Ингушской АССР в 1957 году Пригородный район без учета возможных последствий для межнациональных отношений был оставлен в составе Северо-Осетинской АССР. В 1963 году его территория была значительно расширена за счет присоединения к нему земель Северной Осетии по левому берегу реки Терек.

Ингушское население Чечено-Ингушской АССР и Пригородного района Северо-Осетинской АССР остро ставит вопрос возвращения Пригородного района в его прежних границах (до 1944 года) в Чечено-Ингушскую АССР. Ингуши в своих обращениях указывают, что эта часть Пригородного района Северо-Осетинской АССР исторически и этнически является ингушской землей. Многие ингуши, проживающие в настоящее время

в Чечено-Ингушской АССР, стремятся возвратиться в села Пригородного района, откуда их семьи были выселены в 1944 году. Но из-за ограничения прописки и купли-продажи жилых домов, установленного постановлением Совета Министров СССР №183 от 6 марта 1982 года «Об ограничении прописки граждан в Пригородном районе Северо-Осетинской АССР», эти вопросы не решаются. Многие прежние названия ингушских сел в Пригородном районе заменены новыми. Все это вызывает справедливое недовольство ингушского народа.

Город Владикавказ был основан российской администрацией в 1784 году вблизи ингушского селения Заур как военная крепость, которая в 1861 году была преобразована в город, ставший центром Терской области. После установления Советской власти на Северном Кавказе, в 1921-1924 годах Владикавказ был центром Автономной Горской АССР.

С 1924 по 1933 год в городе располагались руководящие органы Северо-Осетинской, Ингушской автономных областей, Сунженского автономного округа и самого города, который в течение всего этого времени сохранял статус самостоятельной административной единицы РСФСР. Между ними были поделены находившиеся в городе административные здания, предприятия местной промышленности, учебные заведения и другие учреждения.

В июне 1933 года город Владикавказ постановлением ВЦИК был включен в состав Северо-Осетинской автономной области, а с 1936 года стал столицей Северо-Осетинской автономной республики.

В результате проведенной работы Комиссия Совета Национальностей Верховного Совета СССР пришла к следующему заключению:

Политическая реабилитация ингушей, чеченцев и других народов, репрессированных и депортированных в годы Великой Отечественной войны, осуществлена 14 ноября 1989 года Декларацией Верховного Совета СССР «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав».

Однако юридическая реабилитации ингушского и других репрессированных народов практически до сих пор не осуществлена.

Верховному Совету необходимо определить принципиальные подходы к решению вопросов восстановления прав всех народов, подвергшихся насильственному переселению.

... Следует также Верховному Совету РСФСР рассмотреть вопросы отмены или изме-

нения соответствующих республиканских актов.

...

Учитывая просьбы ингушского народа и Верховного Совета Чечено-Ингушской АССР о восстановлении автономии ингушского народа, Комиссия вносит предложение рекомендовать рассмотреть этот вопрос Верховному Совету РСФСР.

Комиссия считает, что требования ингушского населения о возвращении Чечено-Ингушской АССР Пригородного района в его границах до 1944 года и других территорий, ранее входивших в состав Чечено-Ингушской АССР, имеют основания и подлежат рассмотрению Верховным Советом РСФСР. ...

Комиссия пришла к выводу, что Постановление Совета Министров СССР от 5 марта 1982 года «Об ограничении прописки граждан в Пригородном районе Северо-Осетинской АССР» следует отменить.

Комиссия считает, что предложения об установлении столицы ингушской автономии в правобережной части города Владикавказа не могут быть реализованы в силу существующих социально-политических, демографических и экономических реальностей. ...

Комиссия считает необходимым рекомендовать Совету Министров Чечено-Ингушской АССР разработать и внести на рассмотрение Совета Министров СССР и Совета Министров РСФСР меры по экономическому и социальному развитию автономной республики...» [Лагаш 1991:4-6].

Каким же образом Комиссия пришла к подобным заключениям? «Во время пребывания в Чечено-Ингушской и Северо-Осетинской автономных республиках члены Комиссии имели многочисленные встречи с населением Назрановского, Малгобекского, Сунженского, Ачхой-Мартановского районов Чечено-Ингушской АССР, Пригородного района Северо-Осетинской АССР, с трудящимися ряда предприятий, ветеранами войны и труда, а также с интеллигенцией в городах Грозном, Владикавказе (Орджоникидзе). Комиссия проанализи-

ровала также статистические, архивные и исторические документы и материалы» [Лагаш, 1991:3]. Для решения задачи государственной важности Комиссией, как мы видим, было подвергнуто анализу практически все.

Если до сих пор не выполняется столь гуманный Закон, если государство не делает даже видимости в ее разрешении перед пострадавшим ингушским народом и перед всеми остальными народами, населяющими Россию, то вывод из этого может быть только один – полная (территориальная) реабилитация ингушского народа в политико-правовом поле современной России никак не представлена. Именно поэтому вопрос полумиллионного ингушского народа остается нерешенным, хотя все основания для законного его решения были и есть.

«Весной 1990 г. в Чечено-Ингушетии и Северной Осетии находилась специальная комиссия, сформированная ВС СССР под руководством А. Белякова для выработки приемлемого решения ингушского вопроса. По итогам своей работы она рекомендовала восстановить Ингушскую Республику, включить в нее Пригородный район...» [Шнирельман, 2007:306].

Сегодняшним господам законодателям и чиновникам любого ранга есть над чем задуматься и у кого брать пример. Если бы вопрос после принятия Закона «О реабилитации репрессированных народов» решился бы четко и быстро, то не было бы повторного изгнания в 1992 году ингушей, вернувшихся на родину в Пригородный район и г. Владикавказ после депортации. Таким образом, само государство в данном вопросе стало на сторону несправедливости, и невыполнение Центром в течение четверти века Государственного Закона является не чем иным, как политикой двойных стандартов. Высший законодательный орган России в 1991 году его принятием определил единственный путь к решению справедливого вопроса территориальной реабилитации ингушского народа – претворение Закона в жизнь, которого 25 лет ждет ингушский народ.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Патиев Я. 20 лет бездействия закона. Назрань, 2011.
2. Шнирельман В.А. Быть аланами: интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. М., 2007.
3. Марков Е. Очерки Кавказа. М. 1887.
4. Лагаш. Грозный, 1991.

О МЕСТОНАХОЖДЕНИИ «СЛАВНОГО ЯССКОГО ГОРОДА» ДЕДЯКОВА

Кодзоев Н.Д.

Ингушский научно-исследовательский институт
гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева

Краткая аннотация: в статье рассматриваются вопросы названия и местонахождения средневекового аланского города Дедякова. Дедяков известен по русским летописям XIII-XIV вв. В русских летописях приводятся ориентиры его местонахождения. Автор соотносит эти ориентиры с ориентирами, находящимися на территории Ингушетии. Автор приходит к выводу, что «славный ясский город» Дедяков, известный по русским летописям, находился на территории Назрановского района Ингушетии, в междуречье Сунжи и Назранки, в местности, отвечающей всем ориентирам, приводимым в русских летописях, и с ним можно отождествить Гамурзиевское городище.

Ключевые слова: аланы, город, Дедяков, местонахождение, летописи, ориентир, Сунжа, Ингушетия.

Средневековый аланский город Дедяков известен по русским летописям XIII-XIV вв. Но, вполне вероятно, что Дедяков упоминается и в более ранних источниках. Так, сирийский автор VI в. Захарий Митиленский в своей хронике сообщает, что за Дербентскими воротами живут аланы, у которых пять городов. И далее продолжает: «Из пределов Даду живут в горах, у них есть крепости» [41, с. 114]. Возможно, что под названием «Даду» имеется ввиду Дедяков. На Северном Кавказе не известен другой топоним, который можно было бы соотнести с «Даду». Крепостями автор мог назвать замковые комплексы горной Ингушетии.

Исследователь Е.Г. Пчелина приводит четыре варианта названия Дедякова из русских летописей: «В разных изводах летописи его называют Титяковым, Тетяковым, Дедяковым и Дадаковым» [47, с. 153]. В.А. Кучкин приводит еще два варианта названия города – Тютяков и Дедеяков [32, с. 171].

Во всех вариантах название делится на две части: 1) Дада / Дея / Дедея / Тютя / Тетя / Титя и 2) ков.

Первая часть названия города связана с ингушским словом «дада // дади» – «отец», «хозяин», «владелец», «глава». Появление вариантов на «т» – Тютяков, Тетяков, Титяков – вероятно связано с искажением иноязычными (русскими) летописцами незнакомого им слова, или, если допустить, что им было известно значение этого слова, заменой ингушского слова «дада», близкому к нему по звучанию и идентичному по смысловому значению русским словом «тятя» – «отец», «папа». Или же это может быть личным именем «Дада / Дади».

Возможно, что верным является перевод названия города Дедякова как «город главы (вождя, царя)»: «Необходимо добавить, что в фольклоре слово дада обычно выступает в значении “отец”, “владелец”, “глава”, приближаясь к таким социальным терминам, как “вождь”, “князь”. Возможно, в самом названии ясского города Дедякова подчеркивалось, что это место пребывания вождя ясов, их военно-политический центр» [7, с. 21]. В древних обществах бытовали представления о царе и царстве, согласно которым каждый домохозяин был в некоторой степени и царем, а царь – домохозяином.

Необходимо отметить, что личные имена «Дада / Дади» известны с глубокой древности на Кавказе и Закавказье, где в древности проживало хуррито-урартское население, говорившее на языках, близких к ингушскому языку.

В ингушской ономастике отмечено имя Дади [60, с. 45]. В научных публикациях отмечено тождество шумерского и ингушского имени Дада [58, с. 193-194]. Также при описании похода ассирийского войска на урартскую провинцию Хубушкиа в 781 г. до н.э. упоминается правитель этой провинции по имени Дади [4, с. 167, 171]. При описании похода ассирийцев против Урарту в 821 г. вновь упоминается Дади в качестве «царя Хубушкии» [4, с. 111]. Возможно, что это один и тот же человек, возглавлявший в течение сорока лет область Хубушкиа. Но можно допустить, что словом «Дади» в области «Хубушкиа» обозначали правителей.

С древних времен на Кавказе зафиксированы топонимы, в которых имеется слово «Дади». Известно чеченское село Дади-Юрт, уничтоженное по приказу генерала А.П. Ермолова в сентя-

бре 1819 г. Топоним Dadi-kai в армянской огласовке (Дади-ванк / Дадойи ванк) упоминается в «Словаре топонимов Армении...» [3, с. 160]. В истории Армении в событиях, происходивших в 821 г., упоминается монастырь Дади в Арцахе [54, с. 136]. В древнем государстве Урарту (IX-VI вв. до н.э.) существовал топоним Dadi-kai. Этот топоним упоминается в Хорхорской летописи, выбитой на Ванской скале [4, с. 167].

Вторая часть названия города – «ков» многими исследователями этимологизируется как осетинское «кау» («хъау») – «селение». Еще В.Ф. Миллер выделил в названии Деякова осетинское, по его мнению, слово «ков» («хъау») [39, с. 69]. Вслед за В.Ф. Миллером и некоторые другие исследователи считают это слово иранским (осетинским) [11, с. 194; 38, с. 86; и др.]

Осетинское «кау» В.Ф. Миллер выводит из санскритского «gavyam» – «пастбище», «стадо», «становище скота». По его мнению, «такое происхождение названия селенья указывало бы на кочевой пастушеский быт» [39, с. 146].

В.И. Абаев считает это слово иранским и возводит его к «... *gava- или *gavya- с исходным значением “скот”, “скотоводческое стойбище”». В.И. Абаев отмечает: «Слово унаследовано, стало быть, от кочевого быта, когда “селение” было равнозначно временному кочевому стойбищу» [2, с. 299-300].

Трудно поверить в то, что кавказцы, являющиеся с древнейших времен оседлыми жителями, могли заимствовать слова, обозначающие понятия «селение», «двор», «ворота», у кочевников, у которых не было ни селений, ни постоянных домов, ни дворов, ни ворот.

По нашему мнению, слово «хъау» в осетинском языке является заимствованием из ингушского. В.И. Абаев отмечал многочисленные заимствования в осетинский язык из «вайнахских» языков [1, с. 112-114].

То, что данное слово является исконно ингушским, свидетельствует его наличие в II-I тыс. до н.э. в близком к ингушскому языку урартском и шумерском языках: «Возвращаясь к приведенному выше шумерскому понятию *ká-silim-ma-bi* “ворота благоденствия”, мы не можем обойти стороной факт лексического и семантического тождества шумерского *ká-* «ворота» и инг. *ков* (*коу*) “двор”, “поселение” (появление фонемы [в] является фонетическим процессом, когда долгие гласные [o] и [y] посредством звука [в]) трансформируются в дифтонги), восходящее к понятию “ворота”... Ингушское *ков* как двор с домом есть метонимия от *ков* - “ворота”. В урарт-

ском *KÁ* (-li) означает “ворота”. Кроме того, по сведениям Меликишвили Г.А., под *KÁ* “ворота” того или иного бога подразумевается посвященный этому богу храм: например, *Haldinili KÁ-li* – “Халдовы ворота”, т.е. посвященное богу Халду культовое сооружение [Ср. *картвельское кари* “ворота”]. Наличие этого термина в шумерском, и тем более в родственном урартском языке, говорит о бесспорности нашего доказательства в пользу принадлежности этого термина к исконной нахской лексике» [59, с. 65-66].

Таким образом, из всего вышесказанного следует однозначный вывод: этимология топонима Деяков (Дади-ков) прозрачная, имеет ингушское происхождение и сам топоним достаточно древнего происхождения.

При определении места, где находился Деяков, исследователи опираются на данные в русских летописях довольно конкретные географические ориентиры его местонахождения. Но разброс локализации города исследователями очень велик – от Южного Дагестана до Молдавии.

Деяков упоминается в летописях в связи с двумя событиями: 1) восстанием жителей Деякова в 1277-1278 гг. и участием в его разорении русских князей со своими дружинами, и 2) убийство под Деяковым в 1318 г. ханом Золотой Орды Узбеком Великого князя Михаила Тверского.

В 1277 г. жители Деякова восстали против ордынского гнета. Хан Менгу-Тимур выступил в поход против Деякова. По его приказу в походе приняли участие русские князья со своими дружинами. После долгой осады, по сообщению Симеоновской летописи, Деяков был взят и сожжен 8 февраля 1278 г. Как сообщает летописец, русские князья «полон и богатства много взяша, а иных смерти предаша, а град их сжгоша» [45, с. 525].

В этом походе участвовали русские князья Андрей Городецкий, Глеб Ростовский с сыном и племянником, Федор Ярославский и др. со своими дружинами [53, с. 277]. По мнению В.Л. Егорова «это было, несомненно, самое значительное участие русских отрядов в военных кампаниях золотоордынских ханов; память о нем сохранилась даже в песенном фольклоре» [17, с. 158].

Первое упоминание об этом походе содержится в Симеоновской летописи: «В лето 6785 (1277 г.; – Авт.) поидоша князи в Татары, князь Борис с княгиней и детми, князь Глеб Ростовский с сыном с Михаилом, князь Федор, князь Андреи и инии князи мнози. Князь же Борис

Василкович разболеса в орде, тамо и предста-вися месяца сентября в 16 день, на память свя-тые мученици Еуфимии. Князь же Глеб плакася веями по брате своем. Княгини же Марья, взявши тело князя своего, с сыном Дмитрием повезе на Русь, и привезе в Ростов, и епископ Игнати с игумены и попы, пев над ним, положища и в церкви святыя Богородица соборной, на левой стороне, месяц ноября в 13, на память святого отца Иоанна Златоустого, и плакася по нем весь град. Князь же Ростовский Глеб Василькович с братаничем своим князем Костянтином, князь Федор Ростиславичь, князь Андрей Алексан-дрович и инии князи мнози с бояры и слугами поехаша на воину с царем Менгутемером, и по-може бог князем русским, взяша славный град Ясьский Дедяков зиме месяца февраля в 8, на память святого пророка Захарии, и полон и ко-рысть велику взяша, а супротивных без числа оружием избища, а град их огнем пожгоша. Царь же, почтив добре князей русских и похва-лив велми и одарив, отпусти в свояси с многуо честью, каждо в свою отчину» [44, с. 75].

Вероятно, большая добыча, полученная рус-скими князьями при взятии города, послужила тому, что в летописях по отношению к Дедякову стали применять эпитет «славный», т.е. «богатый».

**Взятие русскими дружинами Дедякова.
Миниатюра из русской летописи XVI в.**

Географические ориентиры местонахож-дения Дедякова даются в русских летописях в

связи с другим событием – убийством князя Ми-хаила Тверского в ставке хана Узбека 22 ноября 1318 года.

В 1304 году, после смерти великого князя Андрея Александровича (1294-1304 гг.), сына Александра Невского, началась борьба за пре-стол великого князя между Михаилом Тверским (1271-1318) и его племянником Юрием (Геор-гием) Даниловичем Московским. Борьба шла с переменным успехом, но в конце концов победу одержал Юрий Данилович. Михаил Тверской был вызван в ставку хана, судим по навету со-перника и казнен 22 ноября 1318 г.

«Повесть о Михаиле Тверском», написанная в 1329-1320 гг. свидетелем описанных событий, сообщает: «Когда же истекло двадцать шесть дней, как блаженный был в том неопишемом томлении и тяготе, за рекою Тереком, на речке Севенце, под городом Тетяковым, миновав все высокие горы Яские и Черкасские, близ Ворот железных» [42, с. 163].

В Симеоновской летописи упоминается река Ная: «Того же лета убил царь Озбек в Орде вели-кого князя Михаила Ярославича Тферского, на реце Наи у города Дедякова, и привезоша его из Орды в Москву» [44, с. 89].

В Никоновской летописи говорится: Михаил «пребысть в той нужи двадесят и шесть дней за рекою Теркою. Под великими горами под Яски-ми и Черкасскими, у града Титякова, на реце Си-винце, близ Врат Железных, у болвана медяна-го златья главы, у Темиревы, у богатыревы мо-гиль» [43, с. 184].

Те же ориентиры даются в Воскресенской летописи: «за рекою Терком на реце Севенце, под городом под Тетяковым, минувши горы вы-сокия, яския и черкаския, близ ворот Железных» [39, с. 69].

В «Повести о Михаиле Тверском» дается еще один, очень важный, на наш взгляд, ориен-тир. Когда бояре возвращались с телом убитого князя в Тверь, на пути из ханской ставки из-под Дедякова в Маджары, находившегося «на левом берегу р. Куры при впадении в нее р. Буйволицы» [32, с. 177], они перешли речку Адж, про которую летописец сообщает, что она зовется «Горестью», и добавляет: «ибо горесть ныне, братья, и есть...» [42, с. 163].

В большинстве случаев на основании выше-приведенных отрывков из русских летописей и строят исследователи свои предположения о ме-стонахождении города Дедякова на протяжении более двухсот лет.

Впервые мнение о местонахождении Дедя-

кова было высказано М.М. Щербатовым. Он, считая, что Дедяков, упоминаемый в летописях в связи походом русских князей в 1277-1278 гг., и Титяков, упоминаемый в летописях в связи с гибелью в Орде Михаила Тверского, разные города, локализовал Дедяков в Молдавии (считая, что под ясами, против которых в 1277-1278 гг. русские князья ходили в поход, имеются в виду язы, жившие на Днестре), а Титяков локализовал в Южном Дагестане, около Дербента [63, с. 138-139].

Историк Н.М. Карамзин, отождествляя «Врата Железные» с Дербендским проходом, локализовал Дедяков в Южном Дагестане, что с ним можно отождествить существовавшие в то время дагестанские аулы Дедух или Дивен [20, с. 119-120, 174-175, 355, 404]. В Дагестане локализовал Дедяков и А.Г. Криштопа [26, с. 102].

Против локализации Дедякова в Дагестане возражал В.Ф. Миллер, считавший, что нет необходимости разумеать под «Железными воротами» Дербент, так как этот город не единственное место, носившее название «Железных ворот». В.Ф. Миллер писал: «Последнее название дается некоторым другим укрепленным проходам Кавказского хребта и именно Дарьяльским воротам» [39, с. 69-70].

В.Ф. Миллер предлагал искать Дедяков вблизи Владикавказа: «так город Дедяков, лежащий за Тереком близ Сунджи и Дариальских ворот, «минувши горы высокие, яские и черкасские», должен был находиться приблизительно там, где был основан Владикавказ, в местности соединяющей все эти условия, так как она лежит за Тереком и в нескольких милях на западе от Сунджи и на север от Дариала» [39, с. 70].

Б.В. Скитский считал, что на месте расположения современного Владикавказа в X в. находилась аланская крепость, упоминаемая Масуди (вероятно, имеется в виду Магас), а в XIII в. – ясский город Дедяков (Тетяков) [52]. Это предположение, со ссылкой на Б.В. Скитского, повторил Л.П. Семенов [51, с. 6].

Ю.С. Гаглойты также отождествил Дедяков с Владикавказом, считая тождественными названия Дедяков и Дзауджихъау (осетинское название Владикавказа), и сделал вывод, что Владикавказ имеет семисотлетнюю историю существования [11, с. 138-194].

В Северной Осетии в Куртатинском ущелье на р. Фиагдон локализовали Дедяков П.Г. Бутков [6, с. 262], В.Б. Пфаф [46, с. 43-44], Ф.С. Гребенец (Панкратов) [15, с. 71] и М.А. Караулов [21, с. 247]. Как место гибели Михаила Тверского

определили осетинское село Заманкул В.А. Кузнецов [29, с. 59-61] и Г.И. Кусов [31, с. 14-15].

Кабардинский исследователь И.М. Чеченов отождествил с Дедяковым Нижне-Джулатское городище в Кабардино-Балкарии [62, с. 192-227]. С ним согласился О.Л. Опрышко [40, с. 5-16].

П.Г. Бутков, также в неопубликованной рукописи, по сообщению З.Н. Ванеева, отождествил Дедяков с Татартупом – городищем Верхний Джулат у современного селения Эльхотово в Северной Осетии [8, с. 177]. Мысль об отождествлении Дедякова с Татартупом была высказана и известным этнографом Кавказа Л.И. Лавровым [33, с. 169; 34, с. 26].

В 60-х годах, в результате раскопок, проведенных под руководством В.А. Кузнецова, здесь действительно было обнаружено городище, имеющее слой XIII-XIV вв. [28, с. 160], хотя «слой пожарищ 1278 г. пока не обнаружен» [18, с. 133]. В более поздней работе В.А. Кузнецов, отождествляя Дедяков с Верхним Джулатом, пытается все-таки обнаружить этот слой пожарищ, хотя бы под одной малой мечетью: «В наиболее серьезном исследовании о местоположении Дедякова, принадлежащем В.А. Кучкину, сформировано второе обязательное требование к археологическому отождествлению Дедякова – наличие слоя пожарища 1278 г., оставшегося после штурма этого города. Наиболее выразительный слой угля выявлен О. В. Милорадович при раскопках малой (квартальной) мечети в 1958 г. Стратиграфически он отделял аланский культурный слой X-XII вв. от золотоордынского слоя XIV в., и это указывает на то, что угольная прослойка соответствует времени затухания жизни на аланском городище и ее возрождение в XIV в. Не исключено, что угольный слой, подстилающий малую мечеть, связан с пожаром Дедякова в феврале 1278 г., и стратиграфия дает основания это предполагать. Но сопутствующий археологический материал, прежде всего керамика, оснований для столь точной даты не дает, типология и хронология позднеаланской городищенской керамики детально не разработана, и мы не можем еще дифференцировать керамику XII в. и керамику XIII в. Поэтому место для скепсиса безусловно остается. Тем не менее, слой пожарища под малой мечетью в настоящее время с известной долей вероятности может быть отнесен к концу XIII века» [30, с. 31-32]. На месте полностью сожженного «славного града Ясского Дедякова» слой пожарищ должен быть обнаружен на территории всего города, а не только по одной квартальной мечетью.

В.А. Кучкин также пришел к выводу, что «свидетельства рассмотренных письменных источников не препятствуют отождествлению средневекового яского городища в районе Тартупа с древним Тютяковым» [32, с. 183]. Данная точка зрения была поддержана и многими другими исследователями, в том числе Е.И. Крупновым [27, с. 291-297], М.Г. Сафаргалиевым [49, с. 128-136], А.В. Гадло [12, с. 181], и др. В.Б. Виноградов считает, что с Деяковым можно отождествить Верхний или Нижний Джулат [9, с. 69-70].

На наш взгляд местоположение и Верхнего и Нижнего Джулата не соответствует ориентирам, данным в русских летописях.

Обосновывая свою точку зрения об отождествлении Деякова с Верхним Джулатом, В.А. Кузнецов считает, что «сообщение летописи “под Деяковым” не следует понимать буквально. В “Повести о Михаиле Тверском” наряду с абсолютно конкретным и точным географическими ориентирами, каковыми можно считать реки Терек, Севенец и Адеж (их видел сам автор “Повести”), имеются и такие в известной мере обобщенные наименования, как горы Яские и Черкасские (Кавказский хребет), или Врата Железные и Деяков – последние, очевидно, наиболее известные и приметные объекты в данной местности (возможно, известные автору “Повести” со слов). Поэтому мы вправе искать Деяков вне долины Сунжи, но в прилегающих к ней районах Предкавказья» [28, с. 159-160]. В другой работе то же сообщение летописи о том, что убийство Михаила Тверского произошло под Деяковым, В.А. Кузнецов уже понимает буквально [30, с. 25-37].

В.Б. Виноградов также считал, что источники не дают оснований для отождествления места убийства Михаила Тверского с Деяковым, считая, что появление названия города в рассказе о гибели Михаила Тверского, прежде всего, было связано с тем, что это был единственный в центральной части Северного Кавказа город, известный русским источникам как аланский еще с 1278 г. [9, с. 62-70]. Это мнение поддержал и археолог Х.М. Мамаев [36, с. 113; 37, с. 80].

Подобными рассуждениями В.А. Кузнецов и другие исследователи, пытаются подогнать сведения источников под свои построения. Согласно летописям, чтобы попасть в Деяков, необходимо перейти реку Терек, а потом «горы Яские и Черкасские». А чтобы попасть из Руси в Верхний Джулат нет необходимости вообще переходить какие-то ни было горы. Верхний Джулат

лежит на берегу Терека, стоит только ее перейти, и на расстоянии более чем 50 километров от долины реки Сунжи. К тому же, название Джулат зафиксировано на серебряных монетах Золотой Орды, чеканенных еще в 1293 или 1296/1297 гг. [57, с. 5]. Упоминается Джулат в «Книге побед» Низм-ад-дина Шами и в «Книге побед» Шереф ад-дина Йезди, в рассказе о походе Тимура на Северный Кавказ в 1395 г. [55, с. 119, 175]. Т. о., Джулат имел свое название и существовал в тот же период, что и Деяков, и даже после разрушения Деякова в 1278 г. Не было никакой необходимости для русских летописцев вместо Джулата в летописях писать Деяков.

Категорически не согласна с отождествлением Деякова с Джулатом Е.Г. Пчелина, посвятившая определению местонахождения Деякова обстоятельную статью: «Отождествление Верхнего Джулата–Тартупа с Деяковым, на мой взгляд, так же сомнительно, как и предыдущие гипотезы. Тартуп не стоял за Терек, а на самом его берегу, р. Сунжа поблизости не протекала, Железных ворот в Тартупе не существовало, что же касается Дарьяльских, то они от Тартупа отстояли далеко» [47, с. 155].

Е.Г. Пчелина считала, что Деяков находился на реке Сунже: «Деяков и Верхний Джулат были двумя разными городами, издревле стоявшими на одном и том же военно-торговом пути, проходившем по предкавказской равнине от Черного до Каспийского моря. Причем Джулаты как Верхний, так и Нижний, стояли на Терек, а Деяков – за Терек, на р. Сунже» [47, с. 154].

На р. Сунже локализуют Деяков В.О. Ключевский [25, с. 71] и Н.Ф. Яковлев [64, с. 13].

В.А. Кучкин вообще усомнился в правильности отождествления Севенца с Сунжой, считая, что русские называли позднее Сунжу «Суншой», но не Севенцем [32, с. 175-176]. В ответ В.А. Кузнецов писал, что с В.А. Кучкиным трудно согласиться: «В русских документах XVI века встречается название Сунжи и в форме Сеунч, что фонетически очень близко к Севенч-Севенц. Поэтому возражения В.А. Кучкина представляются неубедительными: летописный Севенец следует идентифицировать именно с Сунжей» [28, с. 157]. В одной из последующих работ В.А. Кузнецов отказался от этой точки зрения. По его мнению, под названием «Севенец» в русских летописях могла обозначаться река Камбилеевка: «В таком случае рекой Севенец могла быть не Сунжа, как это казалось многим историкам, а современная р. Камбилеевка» [30, с. 28].

Не согласился с В.А. Кучкиным по вопросу

о р. Севенце и В.Б. Виноградов: «Мне представляется неоправданным отрицание В.А. Кучкиным сходства в названиях Севенец и Сунжа. Как бы там ни было, а летописное название Севенец (Сивинец, Севенча) близко напоминает варианты наименования Сунжи в персидских источниках начала XV века... Вспомним к слову, что в грузинской летописи XI века Сунжа упоминается под названием “Сэвиндж” [22, с. 36]» [9, с. 63].

Река Сунжа под названием «Севендж» впервые упоминается в грузинском источнике XIII в. [23, с. 40]. Персидские хронисты XV в. Шереф-ад-дин Йезди и Низам-ад-дин Шами называют Сунжу Сундж, Сивендж, Суюндж, Сунундж [55, с. 119-175]. В форме «Сеунч» встречается название Сунжи и в русских документах XIII в. [23, с. 40]. Персидские хронисты XV в. Шереф-ад-дин Йезди и Низам-ад-дин Шами называют Сунжу Сундж, Сивендж, Суюндж, Сунундж [55, с. 119-175]. В форме «Сеунч» встречается название Сунжи и в русских документах XVI в. [19, с. 47]. Черкесы, по свидетельству просветителя XIX в. Хан-Гирея, называли Сунжу Сунтчь [61, с. 51]. Ингуши называют Сунжу – Шолжа, чеченцы – Соьлжа.

Город Деяков Я.С. Вагапов предлагает искать у современного города Грозного, вблизи которого Сунженский хребет соединяется с Терским хребтом [7, с. 23]. В.И. Марковин и Х.Д. Ошаев также локализуют Деяков вблизи г. Грозного, отождествляя его с Алхан-Калинским городищем [38, с. 90]. Эту точку зрения подверг критике Х.М. Мамаев [36, с. 112-120].

Но местоположение г. Грозного и Алхан-Калинского городища слишком отдалено от «Врат Железных», какой бы пункт (Дербент или Дарьял) не понимался бы под ним. К тому же на Алхан-Калинском городище отсутствует археологический слой XIII-XIV вв. [28, с. 160].

Более соответствует ориентирам русских летописей местность, определенная В.Б. Виноградовым, как место убийства Михаила Тверского. «В движении Орды от низовий Дона местность за рекой Тереком, под горами Яскими (Осетинскими) и Черкасскими (хребет по правому берегу Терека до сих пор зовется у чеченцев Черкесским хребтом), близ Дарьяльского прохода (Железные ворота), на правом притоке Терека – реке Сунже (летописный Сивинец) соответствует какой-то части плоскостной территории современной Чечено-Ингушской АССР» [10, с. 95]. Находит В.Б. Виноградов и «речку Адъж», упоминаемую в «Повести о Михаиле Тверском». Исследователи искали эту речку по всему Кавказу и не мог-

ли убедительно отождествить ее с какой-либо рекой. В.Б. Виноградов отождествляет ее с речкой Ачалуки, протекающей по территории Малгобекского района Ингушетии. «Как это иногда случается, оказалось, что объект многолетних поисков, охвативших весь Кавказ, находится совсем рядом – в той же самой западной части Терско-Сунженского междуречья, по соседству со всеми летописными ориентирами и, главное, рядом с Сунжей, к северо-западу от ее верхнего течения (в районе выхода на плоскость). Эта небольшая река ныне называется Ачалуки, и в ее имени легко угадывается тюркское «аччлык» («аджалык») – горечь. В данном гидрониме значимая основа «ачча» (диалектное – аджа) – горький, а «лык» – типичный тюркский словообразовательный суффикс, то есть название реки Аччалык (Аджалык) есть полный эквивалент летописной Адъжи, которая «еже речется Горесть, горесть бо и бе братие». Если даже последние слова о горечи – аллегория летописца, безмерно опечаленного гибелью князя, то все равно факт остается фактом: Адъж (Горесть) – горькая река. И это действительно так: в речку впадают минеральные источники и ее вода горьковатая... Географическое положение Ачалуков (реки с тремя одноименными селениями на ней) полностью соответствует летописной Адъжи. Она течет параллельно Сунже и отстоит от последней всего лишь на 10-12 километров. Реки разделены достаточно холмистым Сунженским хребтом. Но от современных присунженских селений Плиево и Карабулак к минеральным источникам селения Средние Ачалуки ведет глубокая и просторная балка (лощина), прорезающая возвышенность насквозь и испокон веков использовавшаяся как единственный в этом районе путь через Сунженский хребет... Именно через Ачалуки прямо на север лежит дорога к Маджарам, и это, пожалуй, самый верный путь от Сунжи к ордынскому городу» [9, с. 65].

Речку Адъж действительно можно соотносить с р. Ачалуки, тем более, что она имеет приток Къахь-хий (инг. «Горькая речка»), который протекает с востока на запад чуть севернее места расположения мавзолея Борга-Каш и впадает в речку Ачалуки [14, с. 156].

Из ханской ставки, находившейся вблизи Деякова, бояре с телом Михаила Тверского возвращались в Тверь через Маджары [32, с. 177]. Прямая дорога от Сунжи на Маджары идет через Ачалуцкий проход (где протекают речки Ачалуки (Адъж) и впадающая в нее Къахь-хи [инг. «Горькая речка»]). Из района же Заманкула – по

Камбилеевке, а потом по Тереку, через Эльхотовские ворота – дорога сворачивает на запад, и чтобы попасть в Маджары, боярам пришлось бы сделать большой круг.

Б.М. Клосс доказал, что время создания Никоновской летописи относится к 20-30 гг. XVI в. [24, с. 327]. В таком случае вставка «у болвана медяного златыя главы, у Темиревы, у богатыревы могилы», которая отсутствует в других летописях, является более поздней. Ориентиры «болван медяной златыя главы» и «Темирева, богатырева могила», т. о., не существовали в XIII-XIV вв.

Ориентир «Темирева богатырева могила», внесенный в летопись редактором XVI в., по мнению В.Б. Виноградова, соответствует мавзолю Борга-Каш у с. Плиево: «Между селениями Карабулак и Плиево, на одном из холмов Сунженского хребта (гора Шейха), прямо у дороги от Сунжи к Средним Ачалукам, в 7-8 километрах от последних стоит единственный в своем роде в Предкавказье (исключая несохранившиеся ныне маджарские гробницы) великолепный белокаменный мусульманский мавзолей Борга-Каш – усыпальница некоего Бек-Султана, сына Худанада» [9, с. 67].

Данный ориентир (Темирева богатырева могила) считает позднейшей вставкой в летопись и В.А. Кучкин: «Редакция памятника в Никоновской летописи является одной из самых поздних летописных обработок рассказа, соединившей целый ряд текстов. Редакция изобилует вставками, повторяемыми и различного рода противоречиями. В частности, слова из приведенного текста о Тютякове “у болвана медяного, у златыя главы, у Темиревы, у богатыревы могилы” являются позднейшей вставкой. Их нет ни в одной другой более ранней редакции Повести о Михаиле» [32, с. 172].

В XVI в. мавзолей Борга-Каш уже существовал – построен он был в 1405-1406 гг. [35, с. 163]. Именно здесь, по мнению В.Б. Виноградова, на левобережье Сунжи разбивали не раз свои ставки ордынские ханы. «Погребальные мавзолеи строились на случайном месте. И если на берегу Сунжи поднялась гробница ордынского владельца, то для этого были веские основания, среди них главное – здесь был традиционный район татарских кочевий, где неоднократно разбивали свои шатры и сам Бексултан и его сановные предки. Археолог Т.М. Мунчаева, обследовав пойму Сунжи, зафиксировала тут несколько золотоордынских стоянок. Местный фольклор, тщательно изученный профессором Л.П. Семе-

новым [50] и М.М. Базоркиным [5, с. 130-163], дал основание для вывода: резиденция монголо-татар одно время располагалась на левобережье Сунжи, именно там, где стоит Борга-Каш» [10, с. 97].

Различные мнения высказывают исследователи и о «болване медяном», упоминаемом в Никоновской летописи [43, с. 184]. Вероятней всего, что права Н.Г. Пчелина, которая считает, что слова «златыя главы» относятся к «болвану медяному»: «у болвана медяного златыя главы» [47, с. 158] – т.е. медная статуя имело «светлое лицо». «О существовании в древние и средние века на Северном Кавказе идолов говорят и археологические находки. ... На р. Ассе, притоке Сунже, была найдена металлическая маска богини Тушоли. Она являлась частью идола, имевшего светлое лицо, т.е. освещавшегося изнутри свечой. Маска была надета на идола, вырубленного из соснового полена» [47, с. 158].

Немного северо-западнее хребта Дяха-Дук (Дяьха-Дукъ), на левом берегу р. Назранки, прямо напротив Гамурзиевского городища, в с. Барсуки Назрановского района находится небольшая гора (наивысшая точка в этом районе) – гора Тушоли, на которой, по рассказам местных старожилов, находилось место моления ингушей-язычников богине Тушоли. Эти моления проходили здесь и в XIX в., даже после принятия ингушами ислама. О праздновании в XIX в. на этой горе праздника Тушоли-цѐй (инг. «цѐй» – «праздник») сообщает краевед XIX в. Албаст Тутаев, присутствовавший на празднике: «В 1881 году я случайно попал на празднование Тушоли-цѐй в селение Барсуки... Старики рассказывали молодежи, что кто справляет праздник Тушоли-цѐй, у тех семьи целый год будут здоровы, не будет ни холеры, ни оспы. Кто хочет жениться, тот получит успех и благополучие... После продолжительных танцев, цѐув (инг. «жрец»; – Н.К.), как и прежде, читал дула (араб. «молитва»; – Н.К.): «Уроди нам хлеб, размножай скот, дай благополучия семьям, спаси нас от чумы, холеры и оспы, спаси от града и от утопа». Когда цѐув читал эту молитву, все люди повторяли: «Амин, Очи дяла!» Вообще Тушоли цѐй называют женским праздником, и к этому празднику девушки ждут себе женихов» [56, с. 234-235].

Возможно, что именно на этом месте находился в XVI в. (время создания Никоновской летописи) «болван медяной златыя глава».

Михаил Ярославич вместе с ордой хана Узбека прибыл под Деяков с устья Дона [42, с. 161]. При движении с устья Дона к ставке хана

на р. Сунже, ориентиры, указанные в русских летописях, располагаются в следующем порядке:

1. Река Терек.

2. Горы Черкасские – видимо, имеется в виду Терский хребет, который по сей день называется ингушами и чеченцами Черкесским хребтом – «Черсий аргI» (инг.), «Черксойн рагIнаш» (чеч.). «Горы Черкесские» отождествляют с Терским хребтом В.Б. Виноградов [10, с. 95], В.И. Марковин и Х.Д. Ошаев [38, с. 90].

3. Горы Ясские – вероятно, имеется ввиду Сунженский хребет, так как при движении с северо-запада от устья Дона до долины Сунжи нет других возвышенностей, под которыми можно было бы подразумевать «горы Ясские и Черкасские» кроме Терского и Сунженского хребтов. Перейдя Терек, необходимо перейти Терский и Сунженский хребты, чтобы дойти до р. Сунжи. В начале XIV в. предгорные равнины за Сунженским хребтом еще продолжали населять аланы (ясы русских летописей). Необходимо отметить, что после перехода р. Терек на Северном Кавказе нет других двух параллельно идущих хребтов, которые можно было бы соотнести с горами Яскими и Черкасскими.

4. Река Севенец – р. Сунжа. Если относительно вышеназванных топонимов в летописях говорится, что нужно их перейти («за рекою Терком... минуя горы высокие Ясские Черкасские»), то относительно Сунжи, сообщается, что событие произошло на ее берегу (переходить ее не нужно). Т. о. г. Деяков должен находиться на левобережья Сунжи.

5. Врата Железные – Дарьяльский проход. Этот ориентир выбран летописцами как наиболее известный на Руси объект, расположенный в данном районе.

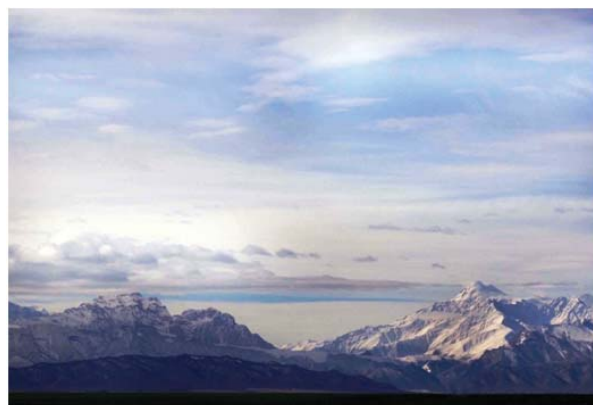
В.А. Кузнецов замечает: «Однако, расстояние от Дарьяльского ущелья до современного с. Назрань, где Сунжа покидает предгорья и течет по плоскости, даже по прямой составляет 60 км от места казни. Приведенный пример показывает, что сообщение летописи “под Деяковым” не следует понимать буквально» [28, с. 159]. Основываясь на подобных рассуждениях, В.А. Кузнецов предлагает «искать Деяков вне долины Сунжи, но в прилегающих к ней районах Предкавказья» [28, с. 159-160].

Для русского летописца XIV в. событие, происшедшее на Сунже, произошло все-таки близ Железных Ворот – Дарьяла. Е.Г. Пчелина отмечает, что «историки искали этот город в различных местах, не всегда считаясь с указанием летописи. Между тем, только из нее и были из-

вестны название и ориентиры местоположения этого города» [47, с. 152]. Исследовав тексты древнерусских летописей, Е.Г. Пчелина пришла к выводу, что Деяков необходимо искать за Терком, «вблизи центральной части Главного Кавказского хребта», на реке Сунже, «близ врат железных, т.е. аланских проходов в центральной части Главного Кавказского хребта, где двери таможенных застав обивались железом» [47, с. 157-158].

Тому, что железо добывалось местным населением в горах и в предгорьях Ингушетии, имеются документальные подтверждения. Специалисты по горному делу С. Вонявин и И. Князев, исследовавшие верховья рек Камбилеевки и Сунжи, в докладной записке в Берг-коллегию от 13 сентября 1768 г. сообщали, что имеется ««довольно известное... по речке Кунделеи (Камбилеевка. – *Авт.*) унгушевское железо» [48, с. 186], и, что «крепчайшей и упругой металл железо находится в жилищах... называемых Унгушах (Ангушт. – *Авт.*)» [48, с. 189].

Необходимо также отметить, что Дарьяльское ущелье очень хорошо видно из Назрани.

Дарьяльский проход. Вид из Назрани, с места предполагаемого местонахождения Деякова

И, вопреки В.А. Кузнецову, полагающему, что Деяков вместе с Железными Воротами являлись наиболее известными и приметными объектами в данной местности [28, с. 159], нет никаких данных, что Деяков был широко известен на Руси.

В.Б. Виноградов также считает, что в 1318 г. и в последующее время город все еще существовал: «Он оправился после разорения 1278 года, по-прежнему играл важную роль в Предкавказье и был широко известен на далекой Руси. Нет никаких оснований считать, что после событий 1318 года славный яский город вдруг внезапно исчез» [9, с. 68].

Деяков стал известен русским летописцам

лишь потому, что в его разгроме в 1278 г. принимали участие русские князья. А в 1318 г. близ уже известного русским летописцам города, или, вернее всего, его развалин, произошло еще одно событие, имевшее отношение к Руси – убийство Михаила Тверского. Т. о., попытки В.А. Кузнецова, В.Б. Виноградова и других исследователей отделить местонахождение Дедякова от места убийства князя Михаила Тверского, неубедительны. Если бы город Дедяков сохранился после погрома 1278 г., то он мог просуществовать до похода на Северный Кавказ Тимура Хромого в 1395 г. Но в хрониках, рассказывающих о походе Тимура, этот топоним не приводится.

Иное название реки – Ная, которое дается в Симеоновской летописи, В.А. Кузнецов считает более древним названием Сунжи [28, с. 159], а в другой работе – более древним названием Камбилеевки: «Наконец заметим, что гидроним Ная этимологически восходит к осетинскому «най-ан» – место купания, купальня, что соответствует достаточно спокойному течению Камбилеевки, как и любой равнинной реки. Видимо, это аланское (дотюркское) название реки» [30, с. 28].

Название реки Камбилеевки не является тюркским. В оригинале (на ингушском языке) это название звучит как «ГПалми» («GhalmI»). Через кабардинский язык это название попало в русский язык в форме «Комбулей, Кунбелей, Камбилеевка». Этимологизируется это слово как «Оленья», от ингушского слова «ГГал» – «оленья».

В.Б. Виноградов о названии реки Ная пишет, что оно, «конечно, не сопоставимо с алано-тюркско-персидскими именами Сунжи» и «вполне возможно, что донесенное до нас тверским летописцем начала XIV века название реки – Ная – и есть одно из многих утерянных в веках туземных названий реки Сунжи» [9, с. 63-64]. В.Б. Виноградов предлагает несколько «вайнахских» вариантов значений названия реки Ная – от инг. «ний», чеч. «ной» (корыто для водопоя скота); инг. «нув», чеч. «нуй» (веник, метла из прутьев) [9, с. 64].

Вряд ли русский летописец знал бы более древнее, чем известное в то время на Руси, название Сунжи. Река Ная – это, возможно, речка Нясар (русс. Назранка), протекающая по Назрановской долине с юго-запада на северо-восток параллельно Сунже и впадающая в нее у селения Барсуки. Название речки «Ная» может происходить от слова «на» – «мать», от которого, возможно, происходит название речки Нясар («Материнская») [32, с. 171]. В ингушском языке

слово «отец» имеет два варианта: двусложное слово «дада» и односложное «да». Можно допустить, что в более ранние времена и слово «нана» – «мать» имело вариант – «на». Долину Назранки ингуши называют до сих пор «Матерью-Назранью» (Нана-Наьсар).

В междуречье Сунжи и Назранки на хребте Дяха-Дук (Дяьха-Дукь;) находится Гамурзиевское городище. На территории городища находится русская крепость Назрань XIX в. и проходит федеральная автотрасса «Кавказ».

Данное городище находится на перекрестке торговых путей, которые шли с запада на восток и с севера на юг. Дарьяльское ущелье находится прямо на юге и прекрасно видно с городища. Речка Ачалуки протекает в 10-12 км к северу. Недалеко – в 3-4 км – находится мавзолей Борга-Каш. «...Отсюда действительно наиболее короткий путь на север к Маджару шел через Ачалукское ущелье, где один из притоков реки Ачалук носит название «Къахь-хий», что значит “Горькая вода”» [13, с. 37].

При обследовании летом 2000 г. научными сотрудниками Археологического центра при Министерстве культуры Республики Ингушетия территории, прилегающей к Назрановской крепости в Гамурзиевском округе г. Назрань, обнаружен культурный слой X-XIII вв., представляющий собой землю, смешанную с пеплом, имеющий в некоторых местах высоту до 2,5-3 метров. В этом слое обнаружены многочисленные фрагменты керамики X-XIII вв., кости животных, фрагменты каменных зернотерок. Культурный слой обнаружен в двух местах: на территории, прилегающей к крепости XIX в. с северо-востока и, примерно, в 3-х км к юго-западу от этого места, в центре Гамурзиево, на территории частного земельного участка, где, в результате строительных работ, был снят верхний слой земли. Раскопки городища не проводились [16, с. 74-76].

Несомненно, на этой территории находилось крупное городище аланского времени, уничтоженное в период монгольского нашествия. Берега Сунжи и Назранки, которые имеют в некоторых местах высоту более 40 м, представляют собой укрепленные оборонительные рубежи, с многочисленными искусственными рвами и, по всей видимости, в древности эти берега были укреплены оборонительными стенами. Размеры городища не определены, но, по всей видимости, это было довольно крупным городищем. Основная территория городища застроена жилыми постройками.

Данные летописей убедительно свидетельствуют, как показал В.А. Кучкин, что «речка Адж» протекала вблизи ордынского стана: «После убийства Михаила, его труп перевезли за реку Адеж, “еже речется Горесть”... Река Адеж протекала рядом с татарским кочевием. Двое из слуг князя Юрия Московского, отправленные за реку сторожить тело убитого Михаила, ночью испугались и убежали “въ станы”» [32, с. 175].

Хан Узбек находился под городом Деяковым со стотысячным войском, готовясь к походу в Закавказье, которое находилось под властью монгольской династии хулагидов. Персидский хронист Вассаф свидетельствует, что в середине зимы 718 года Хиджры (5 марта 1318 – 21 февраля 1319г.) хан Узбек «с огромным и бесчисленным войском» вторгся в Закавказье через Дербентский проход [55, с. 86-89]. Т. о. стоянка многочисленного войска хана Узбека могла занимать территорию от хребта «Даъха Дукъ» до мавзолея Борга-Каш и до р. Ачалуки. В этом районе имеются довольно обширные пастбища, на которых могли пастись многочисленные лошади татаро-монгольского войска.

В летописях упоминается, что вблизи Деякова находился торг: «...близь (*шатра Михаила*; – *Н.К.*) бо бяше в торгу, яко камнем доврещи» [32, с. 174]. В древности по пойме Сунжи с запада на восток проходил торговый путь. Е.Г. Пчелина отмечает: «Деяков находился на трассе военно-торгового пути, пролегавшего по равнинной

части Северного Кавказа и связывавшего бассейны Черного и Каспийского морей. Этим путем в конце 1318 – начале 1319 г. от Сурожского (Азовского) моря прошел князь Михаил Тверской вместе со ставкой хана Узбека» [47, с. 158]. На этом пути существование торгового пути естественно.

В 2014 г. в Твери вышла работа исследователя Г.Н. Пономарева «Да поклонимся месту, где святой Михаил Тверской отдал жизнь за други своя», в которой автор подержал нашу точку зрения по локализации средневекового Деякова. Исследование Г.Н. Пономарева посвящено определению места гибели Михаила Тверского. И он приходит к единственно правильному, на наш взгляд, выводу, и определяет место гибели Михаила Тверского как территорию, прилегающую к речке Ачалуки. Необходимо отметить, что в процессе работы по определению места гибели князя Г.Н. Пономарев несколько раз посетил Республику Ингушетию, пешком прошел по всем местам, соотносимым исследователями с ориентирами места гибели Михаила Тверского, испил «горькой воды» из «Горькой речки».

Т. о., приведенные выше доводы позволяют, по нашему мнению, сделать вывод, что «славный яский город» Деяков, известный по русским летописям, находился на территории Назрановского района Ингушетии, в междуречье Сунжи и Назранки, в местности, отвечающей всем ориентирам, приводимым в русских летописях, и с ним можно отождествить Гамурзиевское городище.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Абаев В.И. Осетино-вайнахские лексические параллели // Известия ЧИНИИЯЛ. – Т. 1. – Вып. 2. – Грозный, 1959.
2. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. – Т. 2. – Л., 1973.
3. Акопян А.А., Галстян А.П., Карапетян М.М. Рецензия: Акопян Т.Х., Мелик-Бахшян С.Т., Барсебян О.Х. Словарь топонимов Армении и прилегающих областей. Т 1. Ереван, 1986, XXXI+991 с. (на арм. яз.) // СЭ. – № 3. – 1988.
4. Арутюнян Н.В. Биайнили-Урарту. Военно-политическая история и вопросы топонимики. – СПб., 2006.
5. Базоркин М.М. Борганы в Присунженской долине // Известия ЧИРМК. – Вып. 10. – Грозный, 1961.
6. Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа. – Т. 2. – СПб., 1869.
7. Вагапов Я.С. Лингвистические данные о местоположении и происхождении названия аланских городов Ма'Ванеев З.Н. Средневековая Алания. – Сталинир, 1959.
8. Виноградов В.Б. Еще раз о месте убийства Михаила Тверского, речке «Горесть» и «славном граде яском Деякове» // УЗ ЧИГПИ. – Вып. 26. – Грозный, 1968.
9. Виноградов В.Б. Через хребты веков. – Грозный, 1970.
10. Гаглойты Ю.С. Аланы и вопросы этногенеза осетин. – Цхинвали, 1966.
11. Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа X-XIII вв. – СПб., 1994.
12. Газиков Б.Д. Взгляд в прошлое. Статьи по истории Ингушетии. – Назрань, 2002.
13. Геологическая карта западной оконечности Сунженского хребта. Сост. В.А. Долицкий // Нефтяное хозяйство. – № 3. – М., 1932.

14. Гребенец Ф.С. Могильники Куртагинского ущелья // СМОМПК. – Вып. 44. – Тифлис, 1915.
15. Дзауров М.А. Гамурзиевское городище // Вестник Археологического центра. – Вып. 1. – Назрань, 2001.
16. Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды. – М., 1985.
17. История Северо-Осетинской АССР. – Т. 1. – Орджоникидзе, 1987.
18. Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв. – Т.1. – М., 1957.
19. Карамзин Н.М. История государства Российского. – Т. 4. – СПб., 1817.
20. Караулов М.А. Терское казачество в прошлом и настоящем. – Владикавказ, 1912.
21. Картлис цховреба. – Т.2. – Тбилиси, 1959.
22. Кекелидзе К.С. История и восхваление венценосцев. – Тбилиси, 1954.
23. Клосс Б.М. Деятельность митрополичьей мастерской в 20-30 годах XVI в. и происхождение Никоновской летописи // Древнерусское искусство. Рукописная книга. – М., 1972.
24. Ключевский В.О. Древнерусские жития святых. – М., 1871.
25. Криштопа А.Е. Дагестан XIII-XIV вв. по сообщениям восточных авторов // ВИЭД. – Вып. 4. – Махачкала, 1974.
26. Крупнов Е.И. Еще раз о местонахождении города Деякова // Славяне и Русь: Сб. статей. – М., 1968.
27. Кузнецов В.А. Алания в X-XIII вв. – Орджоникидзе, 1971.
28. Кузнецов В.А. Путешествие в древний Иристон. – М., 1974.
29. Кузнецов В.А. Эльхотовские ворота в X-XV вв. – Владикавказ, 2003.
30. Кусов Г.И. Поиски краеведа. – Орджоникидзе, 1975.
31. Кучкин В.А. Где искать яский город Тютяков? // Известия СОНИИ. – Т.2. – Орджоникидзе, 1966.
32. Лавров Л.И. Обезы русских летописей // СЭ. – 1946. – № 4.
33. Лавров Л.И. Происхождение кабардинцев и заселения ими нынешней территории // СЭ. – № 1. – 1955.
34. Лавров Л.И. Надписи мавзолея Борга-Каш // Известия ЧИНИИ. – Т.V. – Вып. 1. – Грозный, 1964.
35. Мамаев Х.М. О городе Деякове и Алхан-Калинском городище // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. – Грозный, 1979.
36. Мамаев Х.М. Из истории изучения средневековых городов Центрального Кавказа. // Поселения и жилища народов Чечено-Ингушетии. – Грозный, 1984.
37. Марковин В.И., Ошаев Х.Д. О местоположении города Деякова (по следам археологических исследований) // СА. – № 1. – 1978.
38. Миллер В.Ф. Осетинские этюды. – Ч. III. – М., 1887.
39. Опрышко О.Л. По тропам истории. – Нальчик, 1976.
40. Пигулевская Н.В. Сирийский источник VI в. о народах Кавказа // ВДИ. – 1939. – № 1.
41. Повесть о Михаиле Ярославиче Тверском // Тверская классика. – Тверь, 2005.
42. Полное собрание русских летописей. – Т. X. – СПб., 1885.
43. Полное собрание русских летописей. – Т. XVIII. – СПб., 1913.
44. Полное собрание русских летописей. – Т. 1. – Вып. 1. – Л., 1926.
45. Пфаф В.Б. Материалы для истории Осетии // ССКГ. – Вып. V. – Тифлис, 1871.
46. Пчелина Е.Г. О местонахождении яского города Деякова. по русским летописям и исторической литературе // МИА. – № 114. – М., 1963.
47. Русско-осетинские отношения в XVIII в. – Т. II. – Орджоникидзе, 1984.
48. Сафаргалиев М.Г. Где находился золотоордынский город Деяков // Ученые записки Мордовского педагогического института. – Вып. 4. – Саранск, 1950.
49. Семенов Л.П. Мавзолей Борга-Каш. – Владикавказ, 1928.
50. Семенов Л.П. Из истории города Дзауджикау. – Дзауджикау, 1947.
51. Скитский Б.В. Из прошлого города Дзауджикау // Газ. «Социалистическая Осетия». – 1944 г.
52. Соловьев С.М. Сочинения. – Т. III. – Кн. 2. – М., 1993.
53. Тер-Гевондян А.Н. Армения и Арабский халифат. – Ереван, 1977.
54. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. –Т. 2. – М.-Л., 1941.

55. Тутаев А. Галгаевский календарь // Ингушетия и ингуши. – Назрань-Москва, 1999.
56. Френ Х.М. Монеты ханов улуса Джучиева, или Золотой Орды. – СПб., 1832.
57. Хайров Б. Некоторые страницы истории ингушей (на инг. яз.) // Вопросы истории Ингушетии. – Вып. 8. – Магас, 2011.
58. Хайров Б.А. К вопросу ингушко-шумерских лексических соответствий // История и культура Ингушетии. – Вып. 1. – Назрань, 2013.
59. Хамчиев С.А. Ингушские личные имена. – Магас, 2003.
60. Хан-Гирей. Записки о Черкесии. – Нальчик, 1978.
61. Чеченов И.М. Раскопки городища Нижний Джулат в 1966 году // УЗ КБНИИ. – № 25. – Нальчик, 1967.
62. Щербатов М.М. История Российская. – Кн. 3. – СПб., 1774.
63. Яковлев Н.Ф. Вопросы изучения чеченцев и ингушей. – Грозный, 1927.

Сокращения:

- ВДИ – Вестник древней истории.
ВИЭД – Вопросы истории и этнографии Дагестана.
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР.
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей.
СА – Советская археология.
СМИЗО – Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов по истории Золотой Орды.
СМОМПК – Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа.
СОНИИ – Северо-Осетинский научно-исследовательский институт.
ССКГ – Сборник сведений о кавказских горцах.
СЭ – Советская этнография.
УЗ КБНИИ – Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института.
УЗ ЧИГПИ – Ученые записки Чечено-Ингушского государственного педагогического института.
ЧИНИИ – Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт.
ЧИНИИИЯЛ – Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы.
ЧИРМК – Чечено-Ингушский Республиканский музей краеведения.
-
-

О ПРЕДКАХ КАВКАЗСКИХ АЛАН – НАХСКИХ МАХЕЛОНАХ

Дударов А-М.М.

Ингушский научно-исследовательский институт
гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева

Ключевые слова: *кавказоведение, самобытные культуры, этнокультурный массив, нартский эпос, ономастика, древневосточные источники, протохеттские племена, Ванское озеро, махли/махелоны, страна Мана, гениохи, царство Серир.*

Аннотация: *в работе представлен анализ некоторых сторон политической истории древних кавказских махли/махелонов, а также их этногенетических связей с другими народами Кавказа*

Древняя и средневековая история Кавказа изобилует многочисленными научными вопросами, ответы на которые кавказоведы находят только сегодня. Связано это с расширением информационного пространства и новыми возможностями, когда по тем или иным существенным проблемам истории обнаруживается большое количество неизученного или слабоизученного материала. Они служат разрушению многих ошибочных концепций, принятых за аксиомы в разных направлениях исторической науки, в нашем случае – в кавказоведении.

Кавказ издревле служил границей между Азией и Европой. Являясь перекрестком древнейших торговых путей, этот регион становился очагом возникновения самобытных культур народов, родственных по происхождению, однако сегодня уже разноголосых. Кавказ является объектом объединения всех проживающих здесь ныне народов под одним именем – кавказцы. Древний же период Кавказа говорит о едином антропологическом и этнокультурном массиве региона [1:1964].

В 1951 году, когда часть кавказских народов находилась в депортации, Е.И. Крупнов писал: «Кавказ... некогда жил более интенсивной жизнью, по сравнению со многими областями нашей страны и Европы. Он был одной из культурнейших областей нашей Родины, жившей своей собственной созидательной жизнью не в отрыве от достижений более передовой культуры тех времен, а в живой, органической связи с ней и в непосредственном общении с соседними очагами древнего культурного мира» [2:1951, с.11].

При анализе вопросов, связанных с изучением таких фундаментальных направлений в кавказоведении, как кобанская культура, нартский эпос или аланское наследие, абсолютное большинство отечественных и зарубежных кавказо-

ведов в своих исследованиях обходят стороной многие изыскания представителей местных научных кругов. Подобное отношение создает тенденцию игнорирования исследований местных ученых со стороны ведущих центров страны, а также зарубежья. Чаще всего это касается репрессированных в 40-е годы XX в. народов Кавказа, история которых в годы депортации или искажалась, или вовсе замалчивалась.

Тысячелетиями на Кавказе появлялись и рождались многие народы и государства. Бурные политические процессы, происходившие здесь в разные исторические периоды, становились причиной изменения этнонимов некоторых народов или их исчезновения. «Введенные в научный оборот, они (этнонимы – Авт.) вызывают оживленные дискуссии. Однако некоторые из них по тем или иным причинам до сих пор находятся вне поля зрения исследователей» [3:1988, с. 27].

Этнический состав населения Кавказа в древности был сложным и на сегодняшний день он остается не до конца изученным. Это обусловлено скудностью материалов по этому вопросу. «Основным среди них все еще остается этнонимический, топонимический и ономастический материал, дошедший до нас в древневосточных (ассирийских и урартских), греко-римских, а также древнеармянских и древнегрузинских источниках». Не ощущается чувствительной помощи «в выявлении отдельных этнических групп» и со стороны археологии [4:1959, с. 62]. Вместе с этим, ряд исследователей на основе вышеупомянутых топонимо-этнонимических и ономастических данных отмечает наличие отдельных протохеттских племен, прямо указывая их близость к носителям «абхазо-адыгейских и бацбийско-кистинских» языков в части областей вокруг «Ванского озера» [4:1959, с.77].

Одним из таких полузабытых этнонимов пе-

риода кобанской культуры на Кавказе является *махли//махелон* - племя, упоминаемое Лукианом Самосатским (II в. н.э.) в рассказе «Токсарис или дружба» и Клавдием Элианом (II-III вв. н.э.) вместе со скифами и савроматами [3:1988, с. 27]. Скрупулезное исследование древних источников позволило Г. Д. Гумбе определить роль махелонов в политической истории Кавказа, а также территорию их проживания во второй половине I тыс. до н.э.

Племя махелонов имело свое политическое образование – царство Махли. Этноним махалы/махли/махелоны, как мы увидим далее, был распространен в разных географических областях Кавказа, а также и дальше, к югу от него. Это объясняется распространением в древности «адыгейско-чечено-лезгинских племен» «не только к северу, но и к югу от него, в Закавказье и еще южнее», где встречается «ряд названий, обнаруживающих поразительную близость к названиям, засвидетельствованным позднее в адыгейско-чечено-лезгинской среде» [4:1959, с.120]. Так, например, название одного из «городов», расположенного в стране Мана, рядом с Урмийским озером – Дурдукка «почти полностью идентично названию “Дурдзук”». Подобные «параллели с северокавказским миром обнаруживаются и в топонимике района Севанского озера» [4:1959, с.121]. Флавий Арриан (правитель Каппадокии в 131-137 гг., совершивший инспекционную поездку вдоль колхидского побережья Черного моря) указывает к юго-востоку «от Трапезунта» на «Царство махелонов и гениохов» во главе с Анхиалом, дворец которого находился на р. Пританисе [4:1959, с.353]. Ряд других авторов также отмечает у махелонов и гениохов общее «княжество» [4:1959, с. 91].

Об одном из царей махелонов – «Адирмахе, правителе земли махлиев», мы узнаем при описании обычая сватовства в Боспорском царстве. «В Боспоре есть обычай, чтобы женихи за обедом сватались за девушек и объявляли, кто они такие и почему просят быть принятыми в брачное свойство. Так и на этом обеде случилось много женихов, царей и царевичей: был Тиграпат, властитель лазов, Адирмах, правитель земли махлиев, и многие другие. Каждый из женихов по окончании же обеда должен потребовать чашу, сделать возлияние на стол и свататься за девушку, осыпая себя при этом похвалами, насколько каждый может похвастаться или благородством происхождения, или богатством, или могуществом» [3:1988, с. 29]

Надо сказать, что данный вид сватовства с

осыпанием «себя при этом похвалами» аналогичен сохранившемуся среди ингушей обряду шуточного сватовства – «зоахалол». И.А. Дахкильгов о данном виде сватовства пишет: «Ингушское шуточное сватовство предстает уникальным народным обычаем. До сего дня он сохранился и бытует в народе, но не в такой активной форме, как в прошлом. Этот обряд способствовал не только веселому времяпрепровождению молодежи на вечеринках, но также знакомству юношей и девушек. Шуточное сватовство имело две цели: первая – заключение этого самого сватовства в шуточной форме; вторая – возможность... показать... свою красноречивость и остроту ума. Нередко шуточное сватовство становилось как бы прелюдией к настоящему сватовству» [5:2003, с. 256]. Хотя в ингушской среде оно сегодня имеет шуточную форму, надо полагать, что в древние времена данная форма проведения сватовства была реальностью, как в случае с правителем Махли Адирмахом.

История расцвета Боспорского царства со столицей Пантикапеей, которая имела «серьезное влияние на скифов..., савроматов-сарматов» [6:2001, с. 121], приходится на V-IV вв. до н.э.

Если взглянуть на состав войск, участвующих в войне со скифами, разразившейся из-за убийства боспорского царя Левканора, который отказался выдать свою дочь за их посла Арсакома, то обнаруживается союз махлийцев, савроматов и алан. Противостоящая сторона, в лице скифов, как замечает В. Миллер, также не была однородной. «В это время *скифы* было понятие географическое, а не этническое и могло обнимать, помимо той народности, к которой принадлежали *древнейшие* скифы... другие народности» [7:1881, с. 594]. Этнонимы «Скифы» и «киммерийцы» у древних греков имели собирательное значение населения Северного Кавказа и Южно-русских степей. Данные названия «не обозначали этнически однородного населения». «Абхазо-адыгейские, бацбийско-кистинские и дагестанские племена» по своей материальной культуре были тесно связаны с населением Южного Кавказа». Близость материальной культуры древнего населения Кабарды и Северной Осетии «с синхроничной материальной культурой Колхиды» «столь поразительна, что исследователи раньше даже объединяли эти культуры под названием “кобанской” или “колхидо-кобанской” культуры» [4:1959, с. 220].

Г.Д. Гумба считает, что «Левканор» – «общее династическое имя боспорских царей» [3:1988, с. 31], Свидетельство о том, что боспорский царь

в период наивысшего расцвета своего государства (IV-II вв. до н.э.) заключает династический брак с правителем махелонов Адирмахом говорит о существенной политической роли царства Махли в жизни Кавказа. «...Царство махлиев представляло собой крупное политическое образование. Боспорский царь из женихов своей дочери предпочтению отдает именно правителю махлиев – Адирмаху, который превзошел своих соперников, в том числе и “колхидского” царя...» [3:1988, с. 32-33]. Таким образом, женитьба Адирмаха на дочери царя Левканора был равнозначным династическим браком царских особ, что подтверждает военно-политическую значимость царства Махли на тот период.

И.А. Джавахишвили отмечал, что в древности, как и другие народности, «северо-кавказские племена» «были распространены на большом пространстве в Северном Кавказе и Крыму, свидетельством чего является наличие в древней топонимике этих областей северокавказских элементов» [8:1939]. Возможно, что это была одной из причин особого статуса у Левканора царя Махелонии Адирмаха. Левканор был, скорее всего, представителем боспорских царей из династии Спартокидов, правившей в V-II вв. до н.э., которые до III в. до н.э. именовались «архонтами Пантикапея и царями местных покоренных племен». Рабовладельческая знать Боспорского царства состояла как из греков, так и «из местной племенной аристократии, в культурном отношении сильно эллинизированной» [4:1959, с. 244].

Вместе с махелонами в боспорско-скифской войне против последних выступали и савроматы. Большинство исследователей считает савроматов и сарматов одним племенем. Чеченский исследователь Я.С. Вагапов, различая этнонимы «савромат» и «сармат», объясняет их этимологию посредством нахского языка. «...Савромат – сложное слово, состоящее из двух частей савро- и мат в... значении “язык”, “племя”... Савро, очевидно, есть вайнахское слово... Так называется кожа с характерным естественным рисунком (мерея), который остается после ее отделки... Напрашивается вывод, что савромат – сложное слово со значением кожаное племя» [9:2008, с. 105-106]. Здесь можно привести и бытующее до сих пор у ингушей сочетание «*совра пазат*», в значении «кожаный чулок». Согласуется с выводом чеченского лингвиста и сообщение епископа Кирского Феодорита (V в. н.э.) о том, что у савроматов было сильно развито кожевенное производство [10:1948].

Этноним *сармат* у Я.С. Вагапова связан с

нахским *шаъра мат*, в значении «гладкое, ровное место» [9:2008, с. 84-85]. В истории существуют примеры, когда этнонимы народам соседствующими племенами давались в зависимости от географической территории проживания, либо согласно теониму верховного божества, либо хозяйственной деятельности и т.д. Поэтому, достаточно велика вероятность, что этноним савроматы возник на основе их хозяйственной деятельности – «кожаное племя», а сарматы – связан с особенностью территории проживания – «гладкого//ровного места», т.е. плоскости, равнины, степи. И сегодня у ингушей находится в употреблении термин *шаъре*, в значении «равнина», «плоскость» и сочетание *шаъра аре* («ровная степь»).

Ведущая роль в боспорской коалиции против скифов принадлежала махелонам. Союз мог быть как на основе этнического единства, так и на основе близкого расположения государств. Подобная мысль имеет право на существование и в связи с отсутствием в хронике упоминания у боспорского царя на приеме собственных правителей как алан, так и савроматов.

Этимология этнонима *махал* на нахских языках дает значение «солнечный/божественный/пламенный алан (правитель)». «Махал» состоит из двух нахских морфем: *мах/малх* – солнце и *ал* – бог, царь, правитель, огонь со значением, вполне соответствующим древним эпитетам царских особ. Вероятно, что античный правитель махелонов/махлиев «божественный царь, правитель» Адирмах представлял перед боспорским царем Левканором не только отдельно махелонов, но и весь антискифский политический союз из алан и савроматов//сарматов.

Смеем предположить, что махли/махелоны и аланы – один и тот же народ. Название махли (с нахским суффиксом лица мн. ч. – «и») несло в себе династическое имя правителей махелонов в значении «народ (люди) божественных правителей». Н.Д. Кодзоев в обозначении племен кобанской культуры приводит этноним *махли/махалы*, образованный посредством ингушского языка со значением «люди бога солнца» [11:2002, с. 32-33, 97].

Аммиан Марцеллин (IV в. н.э.), упоминая аланов, называл их *Halani* [7:1881, с. 540], при этом этноним алан был получен из-за потери протетического звука *h*. Н.Д. Кодзоев считает, что когда «бог солнца Махал (Мах1ал) стал называться Хал (Х1ал) («бог»), то этноним «махал» («махалон»), образованный от теонима «Махал», также превратился в хал / х1ал («х1алон»), а при

потере протетического звука «х1» / «h» – «алан» («алон») [11:2002, с. 97].

Этноним «макхал» присутствует и у А.Н. Генко в названии гудамакар. «Мы рассматриваем это название как составное из 1) *gudan* и 2) *maghar*. Вторая часть представляется слегка измененной формой интересующего нас термина...», т.е. макхал [12:1930, с.709-710; 13:1996, с.481]. Таким образом, этноним ингушей «макхал» был известен в древности и в названиях части населения современной горной Грузии.

Нельзя согласиться с утверждением Г.А. Меликишвили о том, что «сообщение о поселении “кавказианов” царем Саурмагом в горных областях Картли и Кахети (“в Мтиулету от Дидоети до Эгриси, который суть Суанети и т.д.”) отражает представление о путях появления северокавказского населения на южных склонах Кавказа» [4:1959, с.40], ибо по многочисленным историческим и археологическим данным обширные территории исторической Грузии кавказианами были заселены задолго до образования Картлийского царства, в том числе и махалами/махелонами, как минимум с начала второй половины I тыс. до н.э. Родственные северокавказским народам племена, проживавшие в древности в районе Восточного Причерноморья, Г.А. Меликишвили представляются как «проникшие сюда частично из северных горных областей Колхиды и Северного Кавказа, частично же из горных областей Юго-восточного Причерноморья», которые постепенно захватили «гегемонию» на территории исторической Колхиды. Имея в ряде случаев общие этнические корни с местным населением, они стали «во главе новых крупных политических образований («царства» махелонов и гениохов, лазов, апшилов, абасгов и санинов)» [4:1959, с.366]. В другом случае Г.А. Меликишвили говорит о вероятности возникновения царства махелонов на рубеже I в. до н.э. – I в. н.э. «из западногрузинского населения» «Юго-восточного Причерноморья» - чанских и халдских племен, которые по Страбону являются теми же *макронами* [4:1959, с.373].

Л.Ю. Маргошвили пишет: «В Тушети есть такие топонимы, этимологизация которых возможна только с помощью данных вайнахских... языков... На основании сохранившихся в Хевсуретии топонимов, Т. Очаури отмечает: территория сегодняшней Пирикитской Хевсуретии в определенный промежуток времени находилась во владении народа чечено-ингушского происхождения... Данные дают основание заключить, что племена, говорившие на языке вайнахов

(дзурдзуки, глигвы, кисты, двалы), населяли обширные грузинские территории» [14:1990, с. 38-39], и что «к концу старой эры нахо-кобанцы довольно четко делились на различные племенные группы и народности при сохранении своей этноязыковой и культурной общности» [6:2001, с. 140], а также и политического единства.

Н.Я. Марр считал, что «за осетинами собственно иронами ученые поторопились закрепить название кавказских аланов» и что осетин нельзя отождествлять с аланами. Он писал, что этноним «алан, как теперь выяснилось, есть одна из форм множественного числа *коренного кавказского этнического термина* (курсив наш–Авт.), в основе звучащего “ал” или, с сохранением спиранта “хал”» [15:1916, с. 1395]. Ю.С. Галлойты назвал данное высказывание Н.Я. Марра «мимоходным замечанием? не имеющим ничего общего с фактическим положением вещей...» [16:1966, с. 27].

Один из ведущих исследователей нахских языков Ю.Д. Дешериев основу «ал» («владыка») также возводил к древнейшей нахской глагольной основе «ал» - «сказать», «повелевать». [17:1963, с. 46-47]

Интересны в этой связи и высказывания осетинского ученого Г.А. Кокиева, утверждающего, что до иронов и карачаево-балкарцев территория этих этносов была заселена «древнейшим населением», которое называлось аланами: «Надо думать, однако, что термин «алан» на нынешней территории балкаро-карачаевцев существует с древнейших времен, во всяком случае задолго до появления на данной территории последовательно сменявших друг друга осетин и балкаро-карачаевцев. Имя древнейшего населения современной территории балкаро-карачаевцев могло перейти к позднейшим насельникам страны – осетинам, а за ними к балкарцам и карачаевцам. Переход этнического названия первоначальных жителей определенной территории на другое племя – явление обычное» [18:2005, с. 222]. В этом вопросе осетинский исследователь опирается на мнение Н.Я. Марра о том, что «в те или иные районы внедрялись иноплеменные народы, и новые этнические образования получали как бы наследственно, по заселенной ими стране, этническое название первых ее насельников» [19:1922, с. 12].

Ю. Клапрот еще в начале XIX в. отмечал, что «согласно собственным преданиям, этот народ (имеется в виду осетины) не жил постоянно на Кавказе...» [20:1967, с. 109]. Во второй половине того же столетия данная версия была пре-

валирующей над противоположной. Н. Ходнев в 1867 г. также считал, что «мы должны совершенно исключить осетин из числа алан и из числа асов...» [21:1867]. Судя по этим утверждениям, забытым сегодняшними кавказоведами, к современным осетинам не имеет отношения не только этноним *алан*, но и этноним «овс», который также был получен «наследственно, по заселенной ими» позднее «стране» – Центральному Кавказу [22:2015, с.35-44].

В «Истории Дагестана...» Кавказская Албания и Махли//Махелония упоминаются, как соседствующие государства, которые в древности имели общую границу. «По надписи III в. персидского царя Шапура I (242 – 272. – Авт.) на Кааба-и-Зардушт Кавказская Албания упоминается рядом с Махелонией (осетинское название Ингушетии), находящейся по обе стороны Главного Кавказского хребта, рядом с тушинами» [20:2004, с. 129]. Таким образом, авторы прямо пишут, что Махелония – это название Ингушетии. Г.А. Меликишвили видит в Махелонии, значащейся в надписи Шапура I среди перечисленных стран и народов, «платящих ему дань», «именно то политическое образование, которое известно в римских источниках под названием «Царства махелон и гениохов» и считает, что она при «перечислении подвластных народов», упоминается между Иберией и Албанией [4:1959, с. 389] (Персида, Парфия, Хузистан, Мешан, Ассирия, Адиабена, Арабия, Атрупаткан, Армения, Иберия, Махелония, Албания, Баласкан до Капских гор и Албанских ворот [4:1959, с. 392]). Интересно, что вопреки приведенных в надписи Аланских ворот Г.А. Меликишвили поправляет их на Албанские ворота, ошибочно считая смешивание в римских источниках названия алан и албан [4:1959, с.392].

Власть над Махелонией Сасанидской державой была потеряна после смерти Шапура I, когда они потерпели серию неудач в борьбе с Римом [4:1959, с. 390]. Таким образом, мы видим широту использования в древних, абсолютно независимых друг от друга источниках, названия политического объединения Махелонии // Царства махелон, что говорит о более широком его понятии в географическом плане.

В названии Кавказской Албании мы также находим морфему *ал* с той лишь разницей, что здесь он сложился вместе с нахским классным показателем – *ба* («есть»), в значении «быть аланом». Само название Албании звучит как «(государство), являющееся аланским» [23:2011, с. 96]. Здесь необходимо напомнить, что, по

мнению части ученых один из народов, населяющих Кавказскую Албанию – гаргареи – этнически родственное нахам племя. «Часть кобанцев, проживавших на равнине (плоскости) в бассейне рек Терека и Сунжи, Страбон называет гаргареями. Этноним “гаргарей” многие исследователи выводят из ингушского слова “гаргар” – “близкий”, “родственный”. Слово “гар” также в ингушском языке означает “род, ответвление рода”» [11:2002, с. 33]. В связи с этим интересно отметить, что «албанский алфавит», открытый И.В. Абуладзе, дает основание предполагать в «албанском языке» один из языков «северокавказской группы», «богатого гортанными звуками», которые характеризуют языки «северокавказской группы» (нахо-дагестанской группы. – Авт.) [4:1959, с.122].

«Вайнахский этнос устойчиво фиксируется в горах Центрального Кавказа и на равнинах Предкавказья с I тыс. до н.э. Хронологически раннему периоду местной истории соответствует кобанская культура I тыс. до н.э., признается автохтонность кобанцев и их возможная принадлежность к вайнахской этнической общности. Ранние письменные известия об общих предках ингушей и чеченцев относятся к первому тыс. до н.э. В «Географии» Страбона упоминается этноним «гаргареи», что является производным от нахского «гаргара» («герга») близкий, родственный, родственник. Гаргареи у Страбона локализованы в малых предгорьях и равнинах Центрального Кавказа, местах распространения части кобанцев, жителей равнины. Описываемые Страбоном события принято датировать кобанским временем. По данным грузинского историка Леонтия Мровели (XI в.) древние нахи периода скифских походов через Кавказ (VII в. до н.э.) расселяются в Предкавказье, их родоначальник носит имя Кавкас» [25:1996, с. 86-87].

Отнесение гаргар к ингушам – вполне обоснованное в науке мнение, как и определение территории их проживания в древности. «В послевоенные годы рядом исследователей было высказано предположение об отождествлении древнего этнонима «гаргареи с современным самоназванием ингушей – «галгаи». Специально занявшись этим вопросом, я пришел к выводу – пишет Е.И. Крупнов, – что правомерность отождествления страбоновских «гаргареев» с ингушским племенным самоназванием «галгаи» может быть признана вполне обоснованной» [26:2008, с. 32]. Ряд античных и древнеармянских авторов не видят разницы в этнонимах *алан* и *албан* [27:1949; 7:1881, с. 545].

Таким образом, есть основание полагать, что основное этническое составляющее трех политических образований, существовавших на Кавказе в разные периоды – Махли/Махелонии, Кавказской Албании и Алании могло быть в основном протонахским, не исключая некоторые вкрапления близкородственных нахскому этносу аборигенных народов Кавказа. «Обозначение *северо-кавказских народов*, и в том числе оссов, *именем аланов* - пишет В. Миллер, - следует видеть в известии, сообщаемом о походе аланов Дионом Кассием» (II в. н.э.) [7:1881, с. 547]. Здесь имеется в виду провоцирование Фарасманом, царем Иберским, аланов напасть на владения парфян, которых он планировал пропустить через свои земли. Аланы были настолько сильны, что парфянским царям не раз приходилось откупаться от них дарами [7:1881, с. 548].

Кавказ издревле являлся первым рубежом противостояния кочевому миру. Самым ярким свидетельством этого противостояния являются исторические свидетельства, связанные с аланами. Доктор В.Б. Пфаф писал о значимости высокогорья для алан: «История алан – это постоянная война или кровавая борьба с наступающими на них племенами. В этой борьбе, на плоскости, они по несколько раз были поражаемы и потом спасали свое существование в глубоких ущельях Кавказа. Борьба эта довела алан до крайних пределов естественного состояния. Мужчины знали одну только войну, случалось даже, что и женщины в ней участвовали... Потерпевшие поражение на одной стороне Кавказа, они переходили на другую сторону, но во всяком случае они старались до крайности защитить ущелья, расположенные в среднем (т.е. Центральном) Кавказе, служившие им надежным убежищем на крайний случай» [28:1870, с. 12]. Таким образом, наличие политических образований в географически разных местах Кавказа – будь то юго-восточная, центральная или западная его части, служила необходимостью в сопротивлении постоянным угрозам извне и в поиске себе политических союзников для противостояния. Это служит и дополнительным аргументом к версии об этнической принадлежности алан к автохтонам Кавказа. Общеизвестно, что нахские племена, наряду с абхазо-адыгскими и лезгинскими, были распространены как к северу от Главного Кавказского хребта, так и «в Закавказье и еще южнее», где «мы встречаем ряд названий, обнаруживающих поразительную близость к названиям, засвидетельствованным позднее в (их. – Авт.) среде» [29:1959, с. 20]. Часто современ-

ные исследователи пытаются обвинить древних авторов (как, например, Г.А. Меликишвили, в случае с сообщением биографа римского правителя Адриана (117-138) Элия Спартиана [4:1959, с. 358]) в неверном употреблении ими этнонима *алан* в отношении к древним *албанам* Кавказа. Это делается для дальнейшего постулирования идеи выведения алан из орбиты автохтонных народов Кавказа и придания им иранских кочевнических корней.

Заметим, что этноним *махелоны* древних авторов иногда современные издатели исправляют на *макроны* [4:1959, с.107]. Подобное пренебрежительное отношение к древним текстам по истории Кавказа, где каждый этноним имеет свою историю происхождения, мы наблюдаем иногда и в других случаях.

В. Миллер не раз указывал на то, что нельзя ставить знак равенства между предками современных осетин и аланами. Он старался «показать, что под этим именем (алан. – Авт.), столь же расплывчатым, как имя сарматов, должны были в числе других племен скрываться и иранцы, предки осетин» [7:1881, с. 593]. Из этого следует, что выводы многих кавказоведов об идентичности осов (как предков современных осетин) с аланами со ссылкой на В. Миллера неправомерны. Употребление В. Миллером собирательного термина «иранцы» говорит об ираноязычных племенах только как отдельной составляющей части в истории алан и Алании.

Более того, основываясь на часть данных средневековой хроники, В. Миллер писал: «Подобно тому, как у Прокопия (500-565 гг. – Авт.) название аланов прилагается ко всем северокавказским народам, так что аланы занимают на востоке территорию до каспийских врат, так и у арабов аланами называются не только народности на западном Кавказе, но и воинственные племена Дагестана и вообще северо-восточного Кавказа, может быть, предки нынешних народов Дагестана и Чечни» [7:1881, с. 543]. В другом месте он прямо указывает на то, что «едва ли осами (предками нынешних осетин. – Авт.) можно отождествлять тех аланов, о которых Масуди (ок. 896 – ок. 956 гг. – Авт.) сообщает, что их царство граничит с Сериром (Дагестаном), что их цари носят титул Керкандадж, что столица их страны называется Маас и что царь аланский породнился с царем Серира» [7:1881, с. 544]. О языковой же принадлежности алан В. Миллер говорит, что «мы ничего не говорили о языке аланов, в виду того, что свидетельства об этом языке крайне скудны». Стараясь дать объ-

яснение некоторым аланским именам из текстов латинских и византийских писателей с помощью осетинского языка, он приходит к выводу, что часть из них не поддается не только осетинской, но даже иранской этимологии, так как «под аланами могли скрываться народы разного происхождения» [7:1881, с. 594].

Таким образом, аланы, упоминаемые у Прокопия и Масуди, предки в основном нахских народов; царь аланский, роднящийся в династическом браке с царем Серира, не имеет ничего общего с предками современных осетин; правитель аланов, имея титул Керкандадж, абсолютно независим, а столица Алании – «Маас», находится на территории проживания предков нахов. Сопоставляя данные разных средневековых авторов – Прокопия Кесарийского (VI в.) и Масуди (X в.), В. Миллер делает аргументированный вывод: «Таким образом, арабския, как и западня, свидетельства об аланах только отчасти касаются оссов (предков современных осетин. – Авт.), а частью могут относиться к другим племенам Северного Кавказа» [7:1881, с. 545].

В ряду кавказских названий народов/племен/обществ с древненахской морфемой *ал* в значении «владение» (инг.: *доал*) стоит и этноним *двал*, состоящий из *оалал* («правление») + классный показатель нахского языка «д» со значением «есть». Г.А. Меликишвили приводит название двалов, как *дуали* [29:1965, с. 202], где точно также, как и в этнониме «махли», в конце присутствует нахский суффикс лица во мн.ч. **-и**. Буквальный перевод с ингушского языка этнонима *дуали* дает значение – «владетели».

Имя царя махелонев и ганахов *Анхила* также со второй основой – **ал** [11:2002, с. 90]. В данном случае **ал** показывает на царскую особу в значении – *царь Анхи*, и означает «житель, владетель плоскости». Звук *х* здесь выступает суффиксом лица единственного числа, которое имеет в ингушском языке большое употребление, например *Іаддарх* (лучник), *Іаннарх* (стражник крепости), *бІухо* (воин), *довхо* (враг) и т.д.

А. Алемань, приводя форму этнонима **двал** как *Duelli*, признается в том, что этимология его до сих пор неизвестна и допускает, что часть аланов (имеется в виду предков иронов. – Авт.) могла жить «по соседству с кавказским народом *Dval-*, и заимствовала его название» [30:2003, с. 39-40]. Но ряд других авторов прямо признают двалов частью нахского этноса. «Двалы – особая народность – коренное кавказское племя, родственное дзурдукам» [31:1957]. Названия из «бацбийско-кистинских языков» сохранились в

«западных горных областях Вост. Грузии (Юго-Осетия и соседние места)». «В связи с исследованием вопроса об этнической принадлежности двалов и истории Двалети (одна из областей Центрального Кавказа от Дарьяльского ущелья до Мамисонского перевала и к северу от этой линии) ряд интересных фактов выявил В.Н. Гамрекели. Он, в частности, обратил внимание на то, что в топонимике древней Двалети мы часто встречаемся с чечено-ингушскими (бацбийско-кистинскими) элементами» [4:1959, с.124].

В.А. Шнирельман пишет: «На самом деле этническая принадлежность двалов до сих пор вызывает разногласия у специалистов... Но наиболее обоснованной считается идея об их принадлежности вайнахам» [32:2007, с. 189]. О том, что проживавшие в Двалетии «дурдзуки» входили не в состав Грузии, а в состав Алании, пишет и А.И. Шавхелишвили: «...Надо полагать, что в их (аланов) союз входили... и часть проживавших на территории Двалетии дурдзуков...» [33:1963, с. 65]. Такое мнение обоснованно и логически вписывается с утверждением авторов «Истории Северо-Осетинской АССР», где говорится, что переселения осетин в Двалетию приняли массовый характер лишь в XVI-XVII вв., когда Двалетия вошла в Картлийское царство [32:2007, с. 155].

Ингушский историк М.М. Базоркин был уверен, что нартский эпос был создан народами Центрального Кавказа – двалами (инг.: доалой). В свое время, по мнению автора, ироны, начавшие заселение Двалетии в XVII-XVIII вв., заимствовали его у остававшегося на данной территории двалов [34:2002].

Одним из фактов вхождения в нахскую культурную общность Двалетии говорит и единая, согласующаяся и по стилю, и по общим признакам башенная, храмовая, склеповая архитектура, а также единая система практически всех оборонительных сооружений Центрального Кавказа. Н.Ф. Яковлев писал: «...Целый ряд указаний заставляет искать следов ингушских поселений и языка к югу от границы Терской области» [35:2009, с. 90].

Таким образом, нахская морфема **ал** присутствует в образовании, как названий кавказских государств древности (Махли/Махелония, Алания, Албания), обществ (Двалетия), так и этнонимов некоторых древних народов, племен и родов, имеющих прямое отношение к протонахам на Кавказе (махелоны, аланы, албаны, двалы и т.д.)

О политической значимости в свое время

Царства махелонгов говорят его отношения с Римской империей в событиях 58 г. н.э., когда царя Махелонии, Анхиала, Рим называл своим «союзником» и «другом». Подобные союзнические отношения между ними складывались и на протяжении всего II в. [4:1959, с. 372]. Заметим здесь, что Г.А. Меликишвили называет имя «правителя «Царства махелонгов и гениохов» – Анхиала – греческим [4:1959, с.367]. Мы склонны считать имя царя Анхиала, распадающимся на три нахские языковые основы – «ан» (горизонт/часть неба на горизонте), «хи» (вода), «аьл» (царь, правитель, бог) со значением «небесный правитель воды/моря».

О военной экипировке махелонгов известно, что они вооружались «щитами и копьями, а вместо панциря надевали волосяные плащи, типа ингушских бурок» [11:2002, с. 89]. Л.А. Ельницкий допускает «возможность сопоставления махлиев Лукиана с махелонами Арриана» и локализацию их в «Закавказье (на севере Колхиды)». [36:1948, с. 310] Г.Д. Гумба локализует махлиев Лукиана «в местах юго-восточнее Ставропольской возвышенности, в западных районах Центрального Кавказа» [3:1988, с.38]. У другого античного автора, Клавдия Элиана, также упоминается о «варварском» племени махли. «Некто по имени Дионисий, по занятию купец, часто совершавший из-за корыстолюбия многие отдаленные плавания и поднявшийся далеко от Меотиды, купил там колхидскую девушку, которую похитили махли, одно из тамошних варварских племен» [37:1893-1900, с. 223]

Г.Д. Гумба считает, что территория проживания махлиев у Клавдия Элиана вполне согласуется с локализацией махлиев у Лукиана Самосатского. «...Сведения Лукиана Самосатского и Клавдия Элиана дают нам достаточные основания, чтобы прийти к выводу о том, что племя или племена, известные у античных авторов под названием «махли», населяли западные районы центральной части Северного Кавказа... Название “махли” Лукиана и Элиана находит свое реальное подтверждение в топонимии и этнонимии центральной части Северного Предкавказья» [3:1988, с. 40]. Гидроним Малка, находящийся на территории Кабардино-Балкарии, принявший «вследствие метатезы форму махл (малх)» «не поддается истолкованию на адыгской языковой почве, как и на балкарской» [38:1974, с. 145-146].

Локализация политического образования Махли на Кавказе и территориально, и по времени соответствует с ареалом распространения кобанской культуры. В древнегрузинской хронике

кобанцы предстают под этнонимами кавкасион и дзурдзук. В свою очередь, кавкасионы и дзурдзуки «в научной литературе признаны находящимися» [11:2002, с.33]. На сегодняшний день признание кавкасион и дзурдзуков находящимися не подлежит сомнению, так как территория распространения кобанской культуры отличается большим количеством нахских топонимов и гидронимов. «Граница расселения кавкасионгов и дзурдзуков, согласно грузинским источникам, определяется от Андийского хребта на востоке до мест проживания адыгских племен и соответствует границам расселения носителей кобанской культуры» [11:2002, с.33].

Здесь надо признать неверным утверждение Л.Ю. Маргошвили о том, «что в языках вайнахов нет... слова маккалон, которым осетины называют ингушей...» [14:1990, с. 11] Поселения, созвучные с древнеингушским этнонимом **махал**, сегодня можно найти во многих местах Центрального Кавказа. В горной Ингушетии есть замок *Мохал* на границе Галгаевского и Цоринского обществ рода *Махлой*, Н.Г. Волкова на территории Балкарии приводит два селения с подобными названиями – *Мохал* и *Мохалул* [39:1974, с.158]. Упоминаемый Гюльденштедтом кистинский (ингушский) «округ» Макал также является производным от махли//махелон. Этноним *махелон* используется на Кавказе в осетинском языке как название ингушей.

Для более ясного представления происхождения древнего ингушского этнонима махал/махелон, употребляемого иронами при названии ингушей, приведем данные Г.Д. Гумбы. «Этноним “малх” присутствует и в осетинском названии ингушей “махал” (маехъаел). Осетинское название ингушей “махъал”, “макхал” более правомерно... возводить к этнониму малх, превратившемуся в осетинском вследствие метатезы (малх – махл – махал – махал-он) в форму “махъалон”. Как известно, чеченцы, ингуши и бацбийцы – близкородственные народы, “они произошли от одного и того же пранарода – нахского народа”. Несмотря на современное этническое различие, при общении чеченцы и ингуши называют друг друга “Ты нашего народа” (т.е. вайнах – букв. “наш (вай) народ (нах)”), в котором отражается древнее этническое единство этих народов» [3:1988, с. 44-46]. Таким образом, термин малх//махл, употребляемый в осетинском языке «в собирательном значении, общим наименованием протовайнахов, впоследствии перешел в название одного из вайнахских народов, непосредственно соседствовавших с ними – ингушей. А

также соответственно и на реку (Махьалдон – в значении «Река ингушей». - Авт.)» [3:1988, с. 46]. К началу новой эры от махал остался его второй корень – *ал*, который обозначал потомков тех же кавкасион/дзурдзуков/махелонов. Звук *-н* в этнониме *алан* – суффикс род. пад. в нахских языках, с помощью которого мы получаем значение «из алан» или «аланский».

О том, что махли//малхи не могут быть отнесены ни к каким другим этносам, кроме как к нахскому, со всей определенностью пишет Г.Д. Гумба. Исследователь, ссылаясь на Ш.Х. Салакая и Ш.Д. Инал-Ипа, связывает этноним «малх» с абхазским «малхуз» из нартского эпоса абхазов. «Этноним “малх” присутствует в абхазских нартских сказаниях, относимых к древним слоям. В своих международных отношениях абхазские нарты непрерывно сталкиваются с каким-то племенным объединением, выступающим под названием “малхуз”... В адыгском фольклоре среди имен, обозначающих народы, но впоследствии трансформировавшихся в “героев”... наличествует имя Малх. Надо полагать, что племенная группа с именем “малх” непосредственно граничила как с древнеабхазскими, так и с древнеадыгскими племенами, в фольклоре которых до настоящего времени сохранились отголоски их названия “малх” (инг.: солнце. – Авт.)». [3:1988, с. 43]. Надо заметить, что и в религиозных представлениях куро-аракских племен ведущая роль принадлежала солнцу [6:2001, с. 67].

Племя *махли* приводится у автора «Ашхарацуйц», при описании племен Азиатской Сарматии [3:1988, с. 46], что также может служить как подтверждение ее протонахскому составяющему. О проживании в прошлом нахских племен на южных склонах Главного Кавказского хребта свидетельствуют работы таких ученых, как Н.Я. Марр, И.А. Джавахишвили, Ф. Утургаидзе, А.Н. Генко, Н.Г. Волкова, В.Н. Гамрекели А.П. Новосельцев, Т.А. Очиаури, Г.А. Меликишвили, Л.Ю. Маргошвили и др.

Таким образом, этнонимом махли в древности покрывались практически все нахские племена. Государство Махли//Махелония было политическим образованием всех нахов, а не отдельно одного племени или общества данного этноса. Протонахское политическое образование, которое известно в грузинской средневековой хронике как Дзурдзукетия и способствовавшая первоначальному возникновению Грузинского государства, не что иное, как царство Махли из древнеармянской географии Ашхарацуйц. Махелоны/дзурдзуки – это народ, который создал ве-

ликую кобанскую культуру.

Г.Д. Гумба указывает на то, что махелоны проживали на территории распространения «позднекобанской культуры (VI в. до н.э. – III в до н.э.), которая покрывала всю центральную часть Северного Кавказа – от Приэльбрусья до Андийского хребта и междуречья рек Сунжа и Аргун...» [3:1988, с. 46]. «...Поселения нахо-кобанцев располагались в пространстве между Бокковым и Кавказским хребтом, а также на его южных склонах, например, в районах... Тушетия, Хевсуретия, Пшавия и Двалетия. При... Фарнавазе ареал распространения картвелов на север, на склоны Большого Кавказа, был еще невелик. Мцхета с прилегающей округой была, пожалуй, самой северной окраиной картвельского этноса. Но процесс картвелизации кавкасиан, живущих на южных склонах Большого Кавказа, начался весьма рано, получив позже дополнительный импульс в эпоху раннего средневековья под влиянием христианизации Грузии» [6:2001, с. 129].

О распространенности в древности культа солнца махл/малх среди нахских народов писали многие исследователи, в том числе Е.И. Крупнов, У.Б. Далгат, А.П. Берже и др. И.Ю. Алироев видит в названии «малх» «верховного бога нахов» [40:1976, с. 210-224]. Ч. Ахриев возводит к «малх» имя ингушского родоначальника легендарного Маго [41:1875]. К «малх» в значении «солнце» возводит имя родоначальника чеченцев Малкх из предания и И.А. Дахкильгов [42:1978, с.15-16]. Это подтверждает и Я.З. Ахмадов, который пишет о «мифическом первопредке» «некоем Молкх или Малкху, жившем в эпоху появления среди людей лука и стрел» [6:2001, с. 63].

Г.Д. Гумба приводит сообщение М.Х. Ошавова, где говорится, как «информатор-чеченец считал себя потомком Махло, а о том, что осетины называют ингушей “махьалон”, он не знал» [3:1988, с. 52]. Одним из компонентов имени царя Махли Адирмаха «малх», где «а» – «сила», «мощь», «величие»; «дар» – «владеющий», «обладающий»; «ма-х» - «солнце». Звук «х» Г.Д. Гумба здесь считает, ссылаясь на К.З. Чокаева, «“нахским суффиксом” лица». Таким образом, исследователь выводит значение имени «Адирмаха» на ингушском языке «“Обладатель мощи солнца”, т.е. “Верховный солнечник” (“малх”), имя, характерное для царских особ древности» [3:1988, с. 53].

Сообщения античных источников о махлиях//махелонах Северного Кавказа «находят свое реальное подтверждение в лице нахов». Основываясь на данные топонимии, Г.Д. Гумба за-

ключает, что народ махли проживал в районах центральной части Предкавказья: «от берегов реки Малка (Малх) на западе до устья рек Сунжа и Аргун на востоке. Т.е. на той же территории, что нахчматеаны древнеармянского и кавкасы, дурдзуки древнегрузинского источников... Полное совпадение сообщений независимых друг от друга письменных источников (античных, древнеармянского и древнегрузинского) о проживании нахских племен на вышеуказанной территории во второй половине I тыс. до н.э. оставляет мало места для сомнений. Вместе с тем полная уверенность в нашей правоте могла бы показаться преждевременной, не будь у нас под рукой других веских доказательств, подтверждающих сказанное. Таковыми являются топонимика, язык, археология, антропология и фольклор» [3:1988, с. 53-54].

Таким образом, кавказские народы махал/махелон, албан, алан, двал, имеющие в своей основе морфему «ал», проживали на той же территории (иногда шире), что и кавкасы, и дурдзуки, т.е. на местах расселения протонахских племен. Наличие именно на Центральном Кавказе этнонимов, имеющих в своей основе данный корень, не случайное явление. Игнорируя аборигенное население нахского этноса и других кавказских народов, однозначное закрепление этнонима алан за ираноязычными представителями на Кавказе, а также приписывание кобанской культуры наследникам кочевых племен, часто выходит за рамки объективного научного исследования.

Анализ многих античных, средневековых письменных источников, древнеармянской и древнегрузинской хроник, а также полузабытых современными алановедами научных изысканий XIX-XX вв., или беспристрастная трактовка общеизвестных и часто цитируемых работ других авторов свидетельствуют о том, что племена махлиев/алан/албан/двалов покрывали ареал распространения кобанской и родственной ей других культур Кавказа, как в античный, так и в средневековый период.

Часть ученых прямо называют «мифом», «постулируемым в качестве бесспорной исторической истины» и «голословным утверждением» выводы некоторых исследователей о том, что «индоевропейские племена... создали самобытную Кобанскую культуру, датируемую XVI – IX веками до новой эры» и о том, что «...не стоит видеть этнических различий между скифами и кобанцами» [43:2010, с.50]. «После такого заявления напрашивается вывод об идентичности кобанцев скифам, то есть о распространении кобанской культуры на все Северное Причерноморье. Подобные построения, – как пишет об этом А. Ю Скаков, – не имеют ничего общего с исторической наукой».[43:2010, с.50] И не случаен вывод Ю.Ю. Карпова, характеризующего подобных исследователей, как авторов «чрезвычайно больших по объему и тенденциозных по содержанию (в научной, а равно и околополитической части) сочинений» [44:2010, с. 13].

ЛИТЕРАТУРА

1. Крупнов Е.И. Древнейшая культура Кавказа и кавказская этническая общность //СА. 1964. №1.
2. Крупнов Е.И. Материалы и исследования по археологии СССР, №23. М.-Л. 1951.
3. Гумба Г.Д. Расселение вайнахских племен по «Ашхарацуйцу» (Армянская география VII века). Рукопись дисс. канд. ист. наук. Ереван, 1988.
4. Меликишвили Г.А. К истории древней Грузии. Тбилиси. 1959.
5. Антология ингушского фольклора. Нальчик. 2003. Т. I.
6. Ахмадов Я.З. История Чечни с древнейших времен до конца XVIII века. М. 2001.
7. Миллер В. Осетинские этюды. М. 1881.
8. Джавахишвили И.А. Основные историко-этнологические проблемы истории Грузии, Кавказа и Ближнего Востока древнейшей эпохи. ВДИ, 1939. №4.
9. Вагапов Я.С. Вайнахи и сарматы. Чеченский архив, т. I. Грозный. 2008.
10. Феодорит, епископ Кирский. Речь о вере I (ML XXXIII, 792) // ВДИ, 1948. №3.
11. Кодзоев Н.Д. История ингушского народа. Магас. 2002.
12. Генко А.Н. Из культурного прошлого ингушей //Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР. Т. 5. Л. 1930.
13. Генко А.Н. Из культурного прошлого ингушей //Ингуши. Саратов. 1996.
14. Маргошвили. Л.Ю. Культурно-этнические взаимоотношения между Грузией и Чечено-Ингушетией. Тбилиси. 1990.

15. *Март Н.Я.* К истории передвижения яфетических народов с юга на север Кавказа // Известия Императорской Академии наук. VI серия. Пгд., 1916. № 15.
  16. *Гаглойти Ю.С.* Аланы и вопросы этногенеза осетин. Тбилиси. 1966.
  17. *Дешериев Ю.Д.* Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских народов. Грозный. 1963.
  18. История Кабардино-Балкарии в трудах Г.А. Кокиева. Нальчик. 2005.
  19. *Март Н.Я.* Кавказские племенные названия и местные параллели. Петроград. 1922.
  20. *Кларот Ю.* Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807-1808 гг. // Осетины глазами русских и иностранных путешественников. Орджоникидзе. 1967.
  21. *Ходнев Н.* Заметки о древних названиях кавказских народов. П. Ясы // Газ. «Кавказ», №68. 1867.
  22. См.: *Дударов А.-М.М., Акиева П.Х.* Овсы в древней и средневековой истории Кавказа // Известия Ингушского научно-исследовательского института им. Ч. Ахриева. 1 (4) – 2015. С. 35-44.
  23. История Дагестана с древнейших времен до наших дней. Т. I. М., 2004.
  24. *Дударов А.-М.М.* Вопросы расселения древних ингушей и наличия у них собственной государственности // Дударов А.-М.М., Кодзоев Н. К древней и средневековой истории ингушей. Нальчик. 2011.
  25. *Мужухоев М.Б.* Нарты, аланы, вайнахи. Назрань. 1996.
  26. *Крупнов Е.И.* Средневековая Ингушетия. Магас. 2008.
  27. *Моммзен Т.* История Рима. М. 1949.
  28. *Пфаф В.Б.* Материалы для древней истории осетин // Сборник сведений о Кавказских горах. Вып. IV. Тифлис 1870.
  29. *Меликишвили Г.А.* К вопросу о древнейшем населении Грузии, Кавказа и Ближнего Востока. Тбилиси. 1965.
  30. *Алемань Агустин.* Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М. 2003.
  31. См.: *Гамрекели В.Н.* О племени двалов // Труды для этнографии Кавказа. Тбилиси. 1957. Т. 9.
  32. *Шнирельман В.А.* Быть аланами: интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. М. 2007. (сноска 93).
  33. *Шавхелишвили А.И.* Из истории взаимоотношений между грузинским и чечено-ингушским народами. Грозный. 1963.
  34. *Базоркин М.М.* История происхождения ингушей. Нальчик. 2002.
  35. *Яковлев Н.* Ингуши и переживания родового быта среди них // Сборник сведений об ингушах. Сост.-ль: Б.Д. Газиков Назрань. 2009.
  36. *Ельницкий Л.А.* Комментарий к переводу В.В. Латышева. ВДИ, 1948. №1. Прим. 4.
  37. *Латышев В.В.* Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. СПб. 1893-1900 гг. Т. I. Вып 1-3.
  38. *Коков Дж.Н.* Адыгская (черкесская) топонимия. Нальчик 1974.
  39. *Волкова Н.Г.* Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века. М. 1974.
  40. *Алироев И.Ю.* Астрономическая терминология в вайнахских языках. АЭС. Т. IV. Грозный. 1976.
  41. *Ахриев Ч.* Ингуши (их предания, верования и поверья) // ССКГ. Вып. 5. Тифлис. 1875.
  42. *Дахкильгов И.А.* Исторический фольклор чеченцев и ингушей. Грозный. 1978.
  43. *Скаков А.Ю.* К вопросу о выделении археологических культур в Западном Закавказье // Традиции народов Кавказа в меняющемся мире. СПб. 2010.
  44. *Карпов Ю.Ю.* Леонид Иванович Лавров – ученый и гражданин // Традиции народов Кавказа в меняющемся мире. СПб. 2010. Прим. 5.
-

СОЛЯНЫЕ КЛЮЧИ И СОЛЯНОЙ ПРОМЫСЕЛ ИНГУШЕТИИ

(По сведениям российских и советских исследователей XIX-XX вв.)

Хайров Б.А.

Ингушский научно-исследовательский институт
гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева

Аннотация. В статье говорится о том, что особое место в природном богатстве недр Ингушетии всегда занимали источники пищи вой соли, как одного из древнейших стратегических продуктов жизнедеятельности человека.

Ключевые слова: полезные ископаемые Ингушетии, геологическая разведка, с. Верхний Даттых, с. Нижний Даттых, Мерджой-берем, р. Фортанга, р. Джол, соляные точники, соляные ключи, соляные колодцы, соляной промысел, выварка поваренной соли.

Общие сведения. Соляные ключи и соляной промысел селений Верхний и Нижний Даттых. Русские путешественники XIX-XX вв. (Броневский С. (1823 г.), Берже А.П. (1859 г.), Грабовский Н.Ф. (1868 г.), Иванов И.А. (1902 г.), а также исследователи советского периода М.Л. Тусиков (1926 г.), Л.А. Гречишкин (1928 г.) и др.) при описании местностей Кавказа обращали самое пристальное внимание на наличие полезных ископаемых в предгорной и горной частях Ингушетии¹.

Особое место в природном богатстве недр Ингушетии всегда занимали источники пищевой соли, – как одного из древнейших стратегических продуктов жизнедеятельности человека. Отметим, что за исключением трех месторождений (Мерджой-берем, г. Вердук и источника вблизи Мужичинского поста), мимоходом упоминаемых некоторыми из перечисленных авторов, речь всегда идет о соляных колодцах (или источниках) селений Верхний и Нижний Даттых. Источники эти носили названия МагIа БерхIа («Верхний соляной источник») – у селения Верхний Даттых; ЭгIа БерхIа («Нижний со-

ляной источник») – у селения Нижний Даттых.

Еще в первой половине XIX в. известный ученый-кавказовед С. Броневский, описывая соляные источники в Ингушетии, отмечал, что «...В земле Ингушей или Карабулаков есть соляной ключ, из-под горы выходящий, коего разсол так силен, что из двух мер разсола выходит одна мера соли. Сей ключ, по сказаниям, впадает посредством другого ручья (р. Джол, правый приток р. Фортанги – автор) в Фартам» [2. С. 169].

Из данного текста явствует, что речь идет о мощном солевом источнике вблизи селения Нижний Даттых или, как его называют ингуши, *БерхIатIе* (от инг. «*берхIа*», «*берхIам*», – рассол), который располагался на берегу реки Фортанги.

Сведения А.П. Берже о соляных колодцах Даттыха довольно скудны и составляют всего несколько строк. Он отмечает, что «...На левой стороне Фортанги, в расстоянии 26 верст от ее верховьев, близ бывшего аула Даттых, есть небольшие соляные родники, называемые Бер (Шавгун)»².

В другом месте автор упоминает «соляные колодцы Шавгун (в долине Фартанги)» [1. С. 9, 24].

Во второй половине XIX века исследователь Кавказа Н.Ф. Грабовский, упоминая соляные

¹ В связи с его важным для местного населения значением, упоминается Даттыхский соляной источник и в военных донесениях периода Кавказской войны. Так, в одном развернутом докладе генерал-фельдмаршала Паскевича-Эриванского говорится: «Народы сии [горцы – автор] не имеют никакого обзаведения, кроме домашней утвари, хлебопашеством занимаются только для своего годового пропитания, но часто такового недостает до нового урожая и потому покупают хлеб у живущих на плоскости, от туда получают и соль, которого сверх того вываривают из небольшого озера Датыха, находящегося в землях Галашевцев» («Доклад главнокомандующего Отдельным Кавказским Корпусом генерал-фельдмаршала Паскевича-Эриванского управляющему главным штабом Е.И.В. генерал-адъютанту Чернышеву об итогах военной экспедиции в Горную Ингушетию под командованием генерал-майора Абхазова», 31 августа 1830 г., №56, Кисловодск [7. С. 294].

² Очевидно, что под названием Бер, приводимом А.П. Берже, следует однозначно понимать современное название этой местности – *БерхIатIе* (см. выше). Этимология второго названия этой же самой местности Шавгун несколько затруднительна. В обиходе современного языка этот топоним не сохранился. Нам кажется, что происхождение его может быть связано как с наименованием соляного ключа в ингушском языке (родника) «шовда», так и с названием крутого и высокого утеса (от «шув» – «обрыв»), образуемого скалой из песчаного камня. Скала эта примечательна тем, что она величественно возвышается над всем поселением Нижний Даттых.

колодцы в землях мереджинцев, заключает, что «Мереджинцы... выгодно пользуются соляными колодцами, выменивая в Чечне и других соседних местах соль на хлеб. Нужно полагать, что этот промысел для мереджинцев и в самом деле очень прибыльный, ибо они, как оказалось при собрании сведений, совсем не занимаются хлебопашеством». [3. С.11].

Как явствует из работы Н.Ф. Грабовского, добыча и продажа соли для мереджинцев в упоминаемую эпоху имело приоритет над земледелием и скотоводством.

О соляном промысле жителей селения Даттых писал в начале XX века и другой известный исследователь Кавказа М.А. Иванов. Путешествуя в горах по бассейнам рек Фортанги и Аргуна, он обращал пристальное внимание на хозяйственную деятельность населения края. Он пишет, что «...главное занятие жителей Датыха составляет выварка соли. Соляной источник находится на берегу р. Джола; это колодец до 1 ½ кв. аршин поверхности, глубиною около 2 аршин, в который опущен дубовый сруб. Рассол всегда держится на одном уровне, даже в том случае, если его не вычерпывают; питается же колодец двумя бьющими со дна сильными ключами.

Выварка соли производится в котлах, в 2–3 ведра ёмкостью. 3–4 таких котла помещаются на общем очаге, в котором топка производится снизу. О степени насыщенности Датыхского источника можно заключить из того, что два средней величины ведра дают 15 фунтов чистой просушенной соли, наблюдения же показали, что объём полученной соли равен одной трети объёма взятого рассола.

После каждой выварки на дне котла получается твердая соляная кора; по выгрузке остальной соли кору предварительно растворяют речной водою и только тогда начинают выварку вновь; мне говорили, что в больших котлах выварка не удаётся, так как получаемая на дне корка, не пропуская сквозь себя жидкость рассола, препятствует ещё теплопроводности, выпаривание на поверхности прекращается, а нижние части котлов, подверженные непосредственному действию огня, лопаются. <...>

Между прочим, не лишним будет заметить, что добыча соли может считаться, да на самом деле и считается у туземцев, довольно выгодным предприятием: пуд соли на месте продаётся за 12–15 копеек, а на плоскости за 34 копеек; в среднем же Нижне-Датыхский хутор

вырабатывает в сутки не менее 150 пудов при всей примитивности способов. Сбыт соли преимущественно меновой, и за нею на место приезжают не только из ближних, но и дальних окрестностей. <...>³ [5. С. 35–36].

О промышленной значимости даттыхского соляного источника говорит тот факт, что данный источник после покорения края русскими был в ведении Ставропольско-Терского Управления Государственных Имуществ, а с 1892 года состоял в заведовании Горного Управления и сдавался им в аренду [6. С. 38].

В 1928 году, уже в период советской власти, известный русский геолог и исследователь кав-

³ М.А. Ивановым была записана интересная история открытия и использования Даттыхского соляного источника. В изложении автора она связана с прошлым башенных руин, которые расположены на скальном уступе невдалеке от названного источника.

По местным преданиям, в башнях жил со своими родичами карабулак Белхарой, приходившийся зятем Гандалою, остатки башни которого находятся на поляне Гандал-босс. По преданиям, башня служила жилищем и оплотом некоего Гандала, из племени карабулаков, который со своим обширным родом ещё в дошамилёвское время держал в страхе ущелье до местонахождения современного Верхнего Датыха включительно.

Женившись на дочери владельца ущелья, Белхарой продолжал нести прежнюю службу пастуха своего тестя и через три года после того открыл по-соседству со своим жилищем обильный солевой ключ. В этом деле, как рассказывают, ему помог вожак стада – козёл, который начал часто исчезать сам, а потом увёл на солонцы всю свою армию. Сметливый Белхарой сообразил, что не худо было бы оттягать у тестя клочок земли, где находился столь богатый источник: земля в окрестностях считалась собственностью Гандалоя. Прямым путём действовать было невозможно, и вот, выждав время, когда к тестю приехал в гости его присяжный брат, Белхарой отправил к нему в дом жену, которая за хлебом-солью сумела при посредстве гостя выпросить у отца большой участок земли вокруг своего жилища в собственность мужа (прим.: у горцев существует обычай, в силу которого данное гостю перед трапезой обещание непременно должно быть выполнено хозяином). Подарок, согласно обычаю, укрепили за новым владельцем в присутствии четырёх посторонних свидетелей. Какова же была ярость Гандалоя, когда он узнал, что его хитро провели, и он лишился целого богатства! У бывшего владельца возникла мысль отобрать подарок назад, и он, несмотря на данное присяжному брату слово, решил забрать в свои руки дорогую землю у коварной дочери и её вероломного супруга. Возгорелась распря, чуть ли не война; но Белхарой, как видно, предугадал наперёд последствия своего ловкого манёвра: успел достаточно укрепиться в башнях со своими родичами и отстоял свои владения. Спустя некоторое время спорный вопрос о владении Белхароя полученным подарком был предоставлен разбирательству почётных стариков-судей, и по их решению дар закреплён за новым владельцем. Гандалою же, как льгота, было предоставлено право бесплатного пользования источником. Посторонние лица, желавшие заниматься вываркой соли, обязывались вознаграждать владельца одной седьмою частью добытого ими продукта. Такой порядок пользования богатством Датыха соблюдался по отношению уже к потомкам Белхароя даже и после покорения края русскими... [6. С. 37–38].

казских недр Гречишкин Л.А. в своем отчете о геологической разведке окрестностей селения Даттых отмечает: «...К этому горизонту [чокракско-спириалисовые геологические слои – автор] приурочены соляные источники и колодцы, эксплуатирующиеся местным населением на выварку соли (сел. Н. Даттых, Мереджой-берем, г. Вердук и др.) [4. С. 847]. (См. приложение № 1. «Обзорная карточка юго-восточной части Датыхского района». – [4. С. 845]).

Основной задачей геологической разведки Гречишкина Л.А. был поиск новых нефтяных месторождений и их запасы. Однако геолога интересуют и другие полезные ископаемые Датыхского района, в частности, соляные источники. Автор отмечает, что «...из других полезных ископаемых [кроме нефти – автор] нужно отметить соль, добычей которой, путем выпаривания рассола, занимаются целые аулы (Нижний Даттых, Мереджой-берем, г. Вердук и др.). Соляные колодцы приурочены к соленосной и гипсоносной толще чокракско-спириалисовых слоев и расположены в четырех местах: Нижний Даттых («БерхIатIе»), Верхний Даттых («ДавтIагIе»), Мереджой-берем («Мержой-берхIам») и к северу от г. Вердук («Вир-дукъ»). Глубина колодцев всюду около четырех метров. В день выпаривается (в самых примитивных котлах) свыше 100 пудов соли (с. Н. Даттых)» [4. С. 852].

Другой исследователь Кавказа Тусиков М.Л. в 1926 году в своем экономическом очерке об Ингушском крае уделяет пристальное внимание описанию соляного промысла сел. Даттых. Он отмечает, что «...из полезных ископаемых в настоящее время на территории Ингушетии добываются только поваренная соль, известь и охра, причем добыча их производится исключительно кустарным способом.

Соляной промысел в Датыхском районе Ингушетии существовал с давних пор, где соль в масштабе местного потребления получалась примитивным способом из соляного раствора, выходящего на поверхность колодца.

...Соляные источники Датыхского района получают из пластов каменной соли, лежащей на 20-30 сажень ниже горизонта воды.

Нормальной эксплуатации указанных источников мешают осыпи и завалы в месторождении соли, отсутствие колесной дороги до соляных источников, солеварницы и прочего необходимого оборудования.

При правильной организации соляного промысла можно получать большое количество соли, так как соляные источники содержат не

менее 20% соли, – из 100 ведер воды получается 15 пудов поваренной соли...

<...> Из имеющихся 245 кустарных предприятий только 41 (примитивные кустарные солеварни) сосредоточены в селении Даттых, до 25% населения которого занимается добычей соли, остальные кустарные предприятия разбросаны по области в разных населенных пунктах» [8. С.42-43]. <...>

Наибольшее количество кустарно-промышленных заведений падает на мукомольную промышленность. <...>

Далее, по количеству заведений следует соляной кустарный промысел, сосредоточенный в селении Даттых, где насчитывается 41 солеварня. С числом работников в 151 человек. Добыча соли производится примитивным способом путем выпаривания соли в котлах. Промысел этот совершенно не организован, кустарных объединений не имеется, каждая семья работает отдельно; полученная соль обычно обменивается в других селениях на кукурузу и кукурузную муку. <...>» [8. С.142-143].

Таковы сведения исследователей о соляных ключах и соляном промысле Даттыха.

Соляные источники и соляной промысел поселения Мужичи.

По свидетельству М.Л. Тусикова и по собранному нами полевому материалу выясняется, что соляной промысел, помимо датыхского, имелся и в близлежащем селении Мужичи (удаленность от с. Верхний Даттх 12 км). Так, М.Л. Тусиков упоминает о солидном соляном промысле купца Сытова на р. Ассе в конце XIX в. Автор отмечает, что «...В конце прошлого столетия, вблизи Мужичьего поста, на реке Ассе, существовал более или менее правильно организованный соляной промысел, принадлежащий Владикавказскому купцу Сытову и дающий ежедневно не менее 1000 пудов соли. Солью снабжалась бывшая Терская и Дагестанская области» [8. С. 42-43].

Путем опроса местных жителей нам удалось установить место дислокации Мужичинского караульного поста, упомянутого М.Л. Тусиковым. Оказалось, что за этим местечком до сих пор сохраняется название «Пост лаьтгача» («Место, где стоял пост»). Таким образом, нам удалось точно установить место дислокации упоминаемого поста – оно находится на северной окраине с.п. Мужичи, на левом берегу р. Асса (информатор М. Гандаур-Эги, с.п. Мужичи).

По свидетельству М. Гандаур-Эги, место с названием «БерхIаче» («(Место) соляных ключей», или же «Рассольное»), где имеется соляной источ-

ник, находится на правом берегу р. Ассы, в полутора километрах к юго-востоку от сельского поселения.

Ценные сведения о соляном промысле в с. Мужичи были получены нами от жителя с.п. Мужичи Баркинхоева Магомеда Хусеновича (1967 г.р.). Он поведал, что поблизости от села, в местечке БерхIаче некогда добывалась соль (источником информации является его дед Баркинхоев Геннали Аксагович (умер в 1944 году).

Более того, оказалось, что на топографической карте 1889 года это урочище отмечено как Соляной завод. [См Приложение №2. – 9. РГВИА. Ф. 386. Оп. 1. Д. 2912. Л. 14]. Посему выходит, что заводская добыча соли здесь производилась.

Вероятно, в память о былом наличии соляного завода в этой местности южная окраина села до сих пор носит русское название «Завод». Иного объяснения этому микропонимому мы не находим.

Далее, при опросе жителей выявилось, что у истока речки Муж-хий (букв. «Теплый ручей»), в 3-х километрах к западу от того самого места, где некогда располагался казачий караульный пост (восточный склон лесистого хребта «Сай вийна дукъ» («Хребет, где был убит Сай»), расположено урочище, которое также носит название БерхIаче. По показаниям местных жителей здесь также имеются соляные ключи. К сожалению, нам не удалось установить, был ли соляной промысел в прошлом в этой местности.

Однако нам стали известны некоторые подробности, касающиеся месторождений соляных источников. Выяснилось, что в недавнем прошлом у этих источников еще стояли длинные деревянные корыта («ний») и жители с.п. Мужичи периодически гоняли туда отары овец на водопой, с тем, чтобы они напоялись солью (информатор М. Гандаур-Эги, с.п. Мужичи).

Принимая во внимание данные М.Л. Тусикова о количестве добываемой соли в этих местах, попробуем произвести несложный расчет. Тысяча пудов или 16 тонн соли ежедневно, в месяц же выходит около пятисот тонн выработки. Эти показатели указывают на солидное предприятие и потому возникают сомнения о достоверности сведений соляного промысла купца Сытова, изложенных М.Л. Тусиковым. В чем заключаются наши сомнения? Бесспорно, для доставки такого солидного груза во Владикавказ, необходима была дорога с твердым покрытием. Между тем, транспортное сообщение с. Мужичи с г. Владикавказ велось по колесной грунтовой дороге (вплоть до 1944 года), которая шла по сильно

пересеченному лесистому участку с глинистыми почвами. Притом, по имеющим у нас сведениям, в упоминаемое время жители этих мест традиционно использовали только гужевой транспорт. Несомненно, только эти обстоятельства должны были прослужить серьезным препятствием для транспортировки такого большого количества добытой соли до города Владикавказа. Исходя из такой ситуации, мы предполагаем, что данные о выработке соли на этом заводе сильно преувеличены. Пока же причины завышения остаются для нас неясными. Однако, мы не склонны усматривать здесь вину или умысел автора, он правдиво приводит статистические данные. Тем не менее, сведения М.Л. Тусикова по соляному промыслу в районе с.п. Мужичи важны для нас, но, на наш взгляд, они должны быть подвергнуты тщательной перепроверке. Восстановить достоверную картину о былом производстве соледобывающего предприятия возможно только путем скрупулезного изучения архивных материалов г. Владикавказа. Конечно, если интересующие нас материалы еще сохранились.

Предание о соляном промысле на хуторе Даттых близ Эрши. Название ныне покинутого хутора Даттых созвучно с названием упомянутого выше селения Даттых [См. 9. Ф. 386. Оп. 1. Д. 2912. Л. 14]. Хутора Даттых, Нивель, Ерш]. Естественно, что возникает вопрос, почему же созвучны названия этих населенных пунктов? Этимология топонима селения Даттых связана с его недрами, а точнее с естественными выходами нефти на земную поверхность. Название нефти на ингушском языке звучит как «мехка-дайтта» – букв. «страны (края) масло». Очевидно, что название селения Даттых происходит от ингушского «дайтта» – «масло» («нефть»), и буквально означает «масляное» (или нефтяное). Имелись ли, или имеются ли естественные выходы нефти на поверхность на хуторе Даттых, что именно могло способствовать сложению топонима, мы не знаем. Но именно название хутора подвигло нас начать поиски о наличии выхода нефти на поверхность в этой местности. Нам удалось путем опроса людей, которые до момента депортации ингушей в 1944 года проживали на близлежащих хуторах, установить, что по преданию здесь некогда имелись соляной ключ и соляной промысел. Это же самое предание объясняет, что соляной ключ в этой местности чудесным образом скрылся от людского глаза и попал под власть джиннов («укхазара тух-берхIа джиний мукъа баха дIакъайлабаьннаб») (информатор Аушев Муса Эльбердиевич, 1930 г.р., с.п. Орджоникидзевское; до 1944 года проживал на близлежащем хуторе

Нивель). Конечно, в этой информации много неясного.

Существовал ли соляной промысел на этом хуторе или нет в действительности? Если же он прекратился, что именно послужило тому причиной?

Особенности процесса солеварения. С древних времен в окрестностях селения Даттых (Верхний Даттых и Нижний Даттых) местным населением производилась выварка соли из соляных рассолов («*тух-берхIа*»), получая при этом мелкозернистую пищевую соль. Соль при выварке получалась отличного качества, без присутствия посторонних включений, в иных источниках содержание соли в рассоле достигало до 500 грамм на 1 литр.

При этом в отдельные годы эти источники, как свидетельствуют письменные источники и полевые материалы, снабжали солью всю Ингушетию, а также Чечню и прилегающие районы. По устным сведениям специалистов-геологов, глубина залегания соляных рассолов в окрестностях селений Верхний и Нижний Даттых достигает от первых десятков метров до естественных выходов на поверхность земли в виде источников.

Соляных источников в окрестностях села Верхний Даттых довольно много. Автор некогда насчитал более двенадцати таких месторождений. Буровой мастер В. Н. Столбовский, который более десяти лет непосредственно руководил бурением нефтяных скважин в районе Даттыха, рассказывал автору, что такого рода соляные ключи тянутся по обоим берегам реки Фортанги, начиная от окрестностей с. Верхний Даттыха и вплоть до южной окраины с. Бамут (протяженность 25 км) (информатор Столбовский Владимир Николаевич, 1937 г.р., хутор Кочубеевка, Кочубеевского района, Ставропольского края, уроженец станицы Слепцовой).

Вблизи селения Верхний Даттых в активной эксплуатации были только два источника: один из них был уступлен сельским обществом односельчанину («*ЛурIалий берхIа*») ввиду незначительности его (источника) дебита и низкой крепости рассола, другой же, мощный и более насыщенный солью, находился в общественном, долевым пользовании⁴.

⁴ В середине 90-х гг. прошлого столетия данный источник был благоустроен и здесь производилась пробная выварка соли. Соль получалась отличного качества без постороннего привкуса и отличалась снежной белизной.

Одновременно известный врач-бальнеолог Ингушетии Б. Эсмурзиев в течении двух сезонов тут же на месте, возле самого источника, проводил исследование лечебно-оздоровительных свойств соляных ванн путем набора группы больных, страдающих сердечно-сосудистыми болезнями. С его слов, соляные ванны этого источника оказали заметное

По рассказам старожиллов даттыхская соль была очень ценима в Ингушетии и прилегающих районах и носила название «*доаттаIой тух*», т.е. «даттыхская соль».

Упоминание Даттыха в связи с широко известным солевым промыслом вошло в ингушский фольклор через старую поговорку, определявший возраст мальчика-подростка: «*ДоаттаIой тух да вахийттал воккха ва*». Часто, когда пожилые люди начинали рассказ о былых событиях, они определяли свой возраст по принципу: «*ДоаттаIой тух да ваххал воккха вар со*».

Общественный соляной колодец располагался в полукилометре от селения в юго-восточном направлении, в береговой части р. Фортанги. Место носит несколько названий «*МагIара тух-берхIа*», «*Тух-берхIа*», «*Тух даьха моттиг*», – что означает «Верхний соляной источник», «Соляной источник», «Место, где добывали соль». Недалеко от этого соляного ключа имеется еще железистый источник, место выхода и сток которого окрашен в ярко-оранжевый цвет. Имеется ли какая-либо взаимосвязь между этими двумя минеральными источниками не ясно.

По сведению Л.А. Гречишкина, глубина соляных колодцев всюду (Нижний и Верхний Даттых, Мереджой-берам) около 4 метров [4. С. 852]. Колодезные срубы, по всей видимости, были дубовыми [5. С. 35]. Соляной колодец с. В. Даттых был благоустроен следующим способом. В одном случае рассол по подвесной рельсовой дорожке развозили в бадье, в другом – по наземным рельсам в вагонетках. Судя по наличию металлических труб, здесь был оборудован и водопровод, по которому рассол доставлялся к месту выварки. На памяти автора остатки этих рельс и труб ржавели на берегу реки, пока их окончательно не занесло песком и щебнем.

Соль вываривали в однотипных котлах с низкими бортами («*тух доаккха яй*»), которые были сделаны из углеродистой клепаной стали. Котел был изготовлен из цельного листа стали без применения сварки и клепки. Размером он был приблизительно 1,3 м x 1,3 м x 0,20 м. Надо отметить, что все котлы, которых довелось видеть автору, были единого образца⁵.

По размерам котла можно определить, что вместимость его была около четверти кубического метра. Борты у котлов были низкими, а в

положительное воздействие на здоровье всех больных без исключения.

⁵ М.А. Иванов дает описание солеварных котлов (солеварня Н. Даттых), емкостью в 2-3 ведра [5. С. 36].

углах они были своеобразно сплющены, причем однообразно у всех котлов. При этом площадь поверхности рассола была максимально великой, что давало возможность выпарить соль с экономией тепла и времени. Вообще, исходя из формы, его стоило назвать не котлом, а своеобразной ванной. Такие котлы находились во многих дворах сельчан и использовались в памятное время не по прямому назначению, а для различных хозяйственных нужд. К сожалению, в данное время не удалось найти и сохранить ни одного, – ими завладели вездесущие охотники за черным металлом.

Работа на солеварне была тяжелой и изнурительной. Она начиналась с рассветом и прекращалась только поздним вечером. В процесс выварки входили следующие трудовые операции: рубка, подвозка и колка дров, поддержание огня, а также подвоз рассола к месту его выварки, сама выварка и просушка соли. Постоянный контакт с агрессивным соевым рассолом сильно портил одежду и разъедал открытые участки кожи и т.п.⁶

Потому более зажиточные жители сел. Верхний Даттых, в отличие от своих соседей, старались сдать на время в аренду любому желающему свою очередь и место (*«арзла йохка»*) на солеварне. Взаиморасчет с владельцем доли (пая) обычно производился деньгами, зерном или добытой солью по обоюдному соглашению.

Для измерения соли у ингушей существовала так называемая солевая мерка – *«туха сахъа»*. К сожалению, установить точную вместимость этой меры нам не удалось.

Дров для топки расходовалось много, и потому местность вокруг солеварни и на некото-

ром отдалении от него была полностью оголена от леса. В период депортации ингушей, когда работа на солеварнях прекратилась, места прежней вырубки леса вокруг солеварен вновь заросли кустарником и на памяти автора граница стыка молодого и старого леса сильно выделялась.

В начале процесса закипания солевой рассол дает обильную пену, которую надо снять дуршлагом (*«чоптбоахарг»*). Для того, чтобы ускорить процесс выделения пены и постараться очистить рассол от посторонних включений в него, в качестве адсорбента, добавляли яичный белок (*«фуа шод»*) или кровь животного. Белок, будь то яичный или кровяной, является хорошим *адсорбентом*, он вбирает в себя большинство посторонних примесей. Так как добавление крови в соевый рассол порицалось (по канонам ислама употребление крови в пищу запрещено (*тух-берхлах цлуй тохар хъарам да*), то обычно использовали яичный белок. После окончания процесса выварки, горячую и сыроватую соль откидывали на дощатые подмости (*«тархе»*), установленные покато и досушивали вблизи открытого огня или на солнце. При работе с выпаренной и просушенной солью использовали только деревянные лопатки и совки. Выпаренная таким образом соль отличалась выраженным вкусом и белым цветом.

При транспортировке вьюками соль затаривали в кожаные меха (*«лабжгаиш», мн.ч.*). Это предохраняло груз от намокания, а вьючных животных – от солевых ожогов [Полевой материал автора. Информаторы: Оздоев Умар Ибрагимович, 1923-2013гг, с.п. Галашки; Аушев Муса Эльбердиевич, 1930 г.р., с.п. Орджоникидзевское].

В военные годы, когда прервалась доставка украинской и астраханской соли, спрос на даттыхскую соль резко возрос. По рассказу Якуба Бузуртанова (приблизительная дата рождения 1919 г.), жителя с. Гвилети Казбегского района Грузии, в то время за даттыхской солью ездили не только из его родного села, но ее вывозили и во внутренние районы Грузии.

Мы не располагаем точными сведениями специалистов о количестве добываемой соли в селении Верхний Даттых. Потому для подсчета количества добываемой здесь соли мы вынуждены довольствоваться сравнительным анализом, а также полевым материалом. Так, по данным геолога Л. А. Гречишкина, как было сказано выше, на солеварне селения Нижний Даттых в день вываривалось свыше 100 пудов соли – это более полутора тонн продукции. (Напомним, что по данным М.А. Иванова Нижний

⁶ В своем путешествии по горам М.А. Иванов имел остановку в с. Н. Даттых и воочию наблюдал работу на солеварне с. Н. Даттых. Автор сердобольно замечает, что «...Всем процессом добычи соли ведают исключительно женщины, с помощью подростков, большей частью девчонки, жаль и смотреть на этих бедных созданий, сгибающихся под непосильной тяжестью ведер, в которых они тащат рассол из колодца по крутому подъему вверх. Женщины же собирают в лесу и вывозят на вьюках дрова, а за отсутствием четвероногих помощников таскают их и на своих спинах... Какие изможденные, измученные лица у этих тружениц!.. А одежда? При всём внимании, мне кажется, трудно было бы определить не только цвет, но даже и материал, из которого она изготовлена: до того она сильно покрыта грязью, копотью и всякими наслоениями. Между прочим, не лишним будет заметить, что добыча соли может считаться, да на самом деле и считается у туземцев довольно выгодным предприятием: пуд соли на месте продаётся за 12–15 коп., а на плоскости за 34 коп.; в среднем же Нижне-Даттыхский хутор вырабатывает в сутки не менее 150 пудов при всей примитивности способов. Сбыт соли преимущественно меновой, и за нею на место приезжают из ближних, но и дальних окрестностей. Вывоз на продажу к плоскости производится на вьюках, и этим делом занимается мужской элемент хутора» [5. С. 36].

Даттых вырабатывал не менее 150 пудов соли [5. С. 36]. В данном случае мы отдаем предпочтение цифрам, приводимым специалистом Л.А. Гречишкиным.)

Если принять к сведению, что соляной источник в селении Верхний Даттых по сравнению с источником Нижний Даттых был менее мощным, то можно предположить, что здесь добывалось более тонны соли. Общий итог дает нам солидную для Ингушетии цифру – 3 тонны выпаренной соли в сутки, или 90 тонн в месяц, или около 1000 тонн чистой пищевой соли в год. При этом необходимо учесть, что выварка соли производилась в весьма примитивных условиях. Трудно даже предположить, насколько увеличится производство соли при использовании современных технологий.

Перспектива возрождения соляного промысла. По информации специалистов Министерства сельского хозяйства и продовольствия Республики Ингушетия, в данное время только для удовлетворения нужд населения, без учета

потребности промышленности и животноводства, в республику завозится около 1 тысячи тонн пищевой соли. Рыночная стоимость (оптовая) 1 килограмма пищевой соли составляет 13 рублей. Розничная стоимость соли, соответственно, гораздо выше. Таким образом, население Республики ежегодно расходует около 13 млн. рублей на приобретение вышеуказанной соли.

На наш взгляд, дальнейшая разработка и модернизация соляных источников в селении Даттых сулит республике немалую экономическую выгоду: 1) добыча местной соли обойдется значительно дешевле, чем его покупка за пределами края, 2) обеспечит местное население дополнительными рабочими местами, и 3) обеспечит продовольственную (солевою) безопасность нашего региона.

Выражаем искреннюю благодарность краеведу М. Гандаур-Эги и сотруднику ГосАрхива РИ И.Г. Алмазову за оказанную помощь в сборе сведениях и предоставленные материалы.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Берже А.П. Чечня и чеченцы. (Репринтное издание 1859 г.). Элиста, 1990.
  2. Броневский С. Кавказцы. М., 1823.
  3. Грабовский Н.Ф. Экономический и домашний быт жителей Горского участка Ингушевского округа // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 1. Тифлис, 1870.
  4. Гречишкин Л.А. Геологические исследования в планшете «Даттых» (Черные горы) // Известия Геологического комитета. Т. 47. Л., 1928.
  5. Иванов М.А. В горах между рр. Фортангой и Аргуном // Известия Кавказского отдела Императорского Русского Географического Общества. Т. XVII. Тифлис, 1904.
  6. Иванов М.А. В горах между рр. Фортангой и Аргуном // Известия Кавказского отдела Императорского Русского Географического Общества. Т. XVII. Тифлис, 1904.
  7. Ингушетия в политике Российской империи на Кавказе. Сб. док. (Сост. М.М. Картоев). Ростов-на-Дону, 2014. С. 294.
  8. Тусиков М. Л. Ингушетия. Владикавказ, 1926.
  9. Фрагмент топографической карты Сунженского отдела Терской области, 1889 г. // РГВИА. Фонд 386. Оп. 1. Д. 2912. Л. 14. Соляной завод с. Мужичи.
-

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ВАХА ИРАЗ ХИЛАНЗАР ЦУН

*Глалглай къаман сийдола во1 Зязиков Бейсултана Идрис
ваь 120 шу дизад 2016-ча шера январь бетта.*

ТАНКИЕВА Л.Х.

Ингушский научно-исследовательский институт
гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева

Лилманхоша, йоазонхоша, историкаша кле- зига таьхкад сийдолча, цлихеца волча глалглай халкъа турпала Зязиков Бейсултана Идриса вахар, глалглай къаман паччахьалкхе влшаг1йоллара духьа цо хьийга къа.

Цу вай къаман турпалхочоа хетаяь я Чахкиев Саида язъь «Террор» яха драма. Драма т1а дукха темаш, проблемаш увтгаю автора: революцех, граждански т1ема турпалхоех, Глалглай паччахьалкхе влшаг1йоллар духьа глалглай къаман интеллигенце лоаттабаьча къовсамах. Сталинеи цунна мутлахьа хиннача г1озарои глалглай къаманна духьала лелабаь тийшаболх бувцаш. Къаьстга бувц автора Сталина политика ч1оаг1ъелча мехка т1акхьяча бала. Набахта, дагадохар тамаш йолча г1ирсаца, лазап озийташ, боабаь къаман эзараш дикаг1а бола къонгаши мехкарийи бувц автора.

Глалглай мехка этта халонаш ювцаш Чахкиев Саида хьаьокх керттерча турпалхочун Зязиков Бейсултана Идриса хьийга къа. Цун вахарца, г1улакхашца хоттаенна я драма сюжет а. Зязиков Идрис дукха дийша, к1оарга хьаькбал долаш, эттача хьалах дика кхеташ саг хиннав. Глалглай къам дезаш, цун парг1ато, кортамукъале бахьан вала кийча волаш хиннав из. Советий лаьдал эттачул т1ехьаг1а, 1918 шерагара 1924 шерага кхачалца из юкъе хилар Терски облревкомей Терски облисполкомей доакъашка, Назрановски окрисполкома председател, эггара хьалхара Лоаманхой Республика юкъярча г1улакхий къаман комиссар, Лоаманхой Республика ЦИК председател, Лоаманхой обкома ВКП (б) бюро секретарь, ВЦИК СССР доакъашхо. Драматурга драма ешачоа гучабоалл Зязиков Идриса вахара сийдола никъ. Глалглай Автономни область влшаг1ъеллача 1924 шера 7 июле из Глалглай обкома парте хьалхарча секретаралла хорж. Цу хана денз ше укх дунен т1ара д1аваллалца глалглай къаман бокъо яккхара духьа Зязиков Идриса караг1даьнна г1улакхаш а, цо эза лазап а дувцаш я драма.

Драма т1а бувцаш ба бокъонца хинна, цу хана баьха, глалглай къаман истореца дакъа лаьца, тайп-тайпара лар йита бола нах. Сийрда лар йитараш ба къаман курал я аьнна ала йиш йола турпалаш. Царех эггара хьалха хьоахабе боаг1а Глалглай обкома хьалхара секретарь Зязиков Идрис, цун фусам-нана – паччахьа эскара полковника Хантыг-наькъан Ярыча йо1 Жанетта. Глалглай облисполкома председател Горчханов лаьла, парте обкома шоллаг1а секретарь Дахкильгов Сергей, Глалглай мехка революцен викалаш Албогачиев Ювсап, Орцханов Хизар, Костоев Бексолта, Альмурзаев Хьусен, Гойгов Абдул-Хьамид, Ростове лорий говзал юмаеш хинна глалглай студенташ Точиев лалаудин, Тутай-наькъан йижарий Аьсети, Нинаи, иштта кхы а. Х1аьта, исторе т1а блеха лар йитараш ба глалглай къам лазапе оттадаь мехка «дерригача къаман «баьчча» Сталин, ший политика д1аяхьа вайцига цо вайта хинна парте Къулбаседа Кавказа крайкома хьалхара секретарь Андреев, глалглай къам шоаш яххача хьат1адоаладар духьа Сталинеи, цун г1озарои 1929 шера сентябрь бетта, Зязиков Идрис балхара д1а а ваьккха, цун когаметта вайта хинна Черноглаз, иштта кхыбараш а. Драма т1а къаьстга дика бувц Серго Орджоникидзе, С.М. Киров.

1998 шера «Террор» яха драма ше язъеш, С. Чахкиева ларде лаьцай 1990 шера, къаьстга книжка долаш араьнна «Идрис Зязиков: тешамцеи бакъдолчунцеи» яха Зязиков Идрисах язъья очерк.

Автора драма д1айолаю глалглай паччахьалкхенна боккха кхерам т1аэтта хинна ха ювцарца. Къулбаседа-Кавказа парте крайкомо т1аийца хиннаб х1ирийи глалглайи паччахьалкхен столица йола Владикавказ яха город глалглашкара д1а а якккха, х1иришта д1але, аьнна, соцам: х1ирий кулгалхой цу т1а кхача г1ерташ лийнна дукха ха хиннай. Х1аьта 1924 шера денз къайлаг1а доацаш, шоашта могоар даьд цар Сталина г1онца из блеха политика чакхьяккхара.

Шийх бубенна ва парте Къулбаседа-Кавказа крайкома хьалхара секретарь Андреев. Глалглай обкома хьалхарча секретарага Зязиков Идрисага телефон етгаш ва из, шоаш баь соцам глалглашка длакхайкабар духьа. Идриса кхетаду, Андреева из гулакх шийгара ца леладелга, цунна тлехьашка кхыбола боккха низ латгалга. Ший сесагаца Жанеттаца къамаьл деш, цо йоах: «Сога хьатгача, Андреева шийгара лелаш яц хланз цо лелаю политика. Кинто (Сталина псевдонимех ца) ва деррига из доладар... Орджоникидзеца а Кировца а къамаьлаш хиннад са... Кинто... вайна хета саг вац».

Идрис а цунца болх беш бола цун тешаме новкъостий а нийсхо йоацаш даьча хламо корзаг-лаьбаха эглазбига ба. Тайп-тайпара уйлаш дагаух Идриса. Цо кхетаду, чехка цхьа хлама де дезалга. Глалглай обкома бюро влашагтехача бакьахьа я эггара хьалха, аьнна, хет Идриса. «Вайца дагаьнна тлаийцабац крайкомо ший соцам. Иштта ер дладоладенна долаш, вай а йоаергьац ха, цунца дагадувлаш.

Кхоана бюро чакхьяьлча, со крайкоме глорва», – йоах цо ший новкъосташка.

Хлаьта глалглай корзаглаьбаьнна хьувз. Массанена а ха лов, мишта чакхдаьннад из блеха хлама, обкома кулгалхоша духьяле хлана яьац, фуд хиннар? Идриса кхетаду, эггара хьалха наха жоп дала дезар ше волга. Чакхийев Саида влаштлехьдоал Зязиков Идрис клоаргга политически хьаькьал долаш, ший къам дезаш цун викал волаш хьаьхьокха. Къамашта юкьера хьал дика довзаш волча Идриса хов, из соцам чакхбоале, хлираштег лалглаштег юкье машар цлаккха хургбоацилга. Крайкомо баь соцам – уж ши къам-лоалахой шоайла моастаглий хургболаш йола политика лелаяр долга, вешта аьлча, цхьа къам лотладеш, вож хьалкхедеш, цун хьал тоадеш йола политика йолга. Хлаьта, мишта длакхетабергба нах?

Шийх бубенна, тешаш болча наьхадегашка шеко йоссийта йиш йоацилга хов цунна. Чакхийев Саида дика влаштлехьдоал Зязиков Идрис ший гулакх ховш, кхеташ, хьинар долаш, ший къаман духьа са лодуларгдолаш саг волга гучадаккха. Цу дийнахьа дукха нах ба къаьстта Идриса тлакхача, этгача гулакхах цо фубоах ладугла глешаш. Хлара минут лорхламе йолаш ше сагота воллаше, йоах цо: «Ди, ши ди хьалха уж баьхкабаларе, длабахийта мегаргбар. Цхьабакьда, тахан вай кабинетий налараш йийла хила еза, хлана аьлча, наха бакьдар хац. Вай фу уйла я а хац. Хланз этта гулакх, цхьаккха хлама къайла ца хьош, мадарра дладувца деза нахага».

Идриса глабоагла Тоасбот-моллеи цун юртахо Берснакьеи. Кура, сонта воацаш, ше мехка да а воацаш, мугларера глалгла волаш санна, сийдеш эздедаца тлаэц цо уж. Клоарга малан долаш къа-

маьл да Тоасбот-моллас дер. Цо йоах: «Дагадоагла сона, ер лаьдал доаккхаш турпала лаьтгача глалглашта оттаяь сийленг хьаеллаш, ла даь къамаьл. Малх хьалбаьннаб вайна, – аьлар ла. – Парглато яьннай вайна! Сердалонга кхача хьожаргда вай! Дешарца, хьаькьалца, цхьоаглонца мара яргьац вай котало! Вай дерригаш влаший кхотадала деза! Цхьана хила деза! Дахалда вай!..».

Хлаьта хланз, Глалглай мехка боад тлаенача дийнахьа, Тоасбот-моллас дагадохийтаца цу къамаьло хьагойт дешачарна, фу саг хиннав Зязиков Идрис. Вайна гу Идриса къамаьл клоаргга чулоацам болаш, хлара дош малан долаш хинналга. Цу лоацгача дешаша гучадоаккх ер лаьдал доаккхаш глалглаша лаьца даьча а, нах сапарглатонга сатувсаш хинналга а, сийрда кхоане хьальяра Идриса хинна уйлаш а. «Тлаккха тахан этгар фуд? Буро хлираша длаьаьккхай! Из фу яхилга да?! Из мишта хьадаь, мишта чакхдаьккха хлама да?» Из хаттар да глалгла мел волчунна дег чу латтар. Цхьабола, дукха кхетама дай боаца нах, тайп-тайпара къамаьлаш де баьннаб. Из Идрисага длаьоах Берснакьас. «Наха йоах..., – эглазлонца аратосс цо, – оаш Буро ехкай! Вай хьакимаш хлирашка маьре бахаб, йоах! Кхааш ийцад, йоах! Лелхаде деза, йоах, шо дерригаш а!»

Идриса дувцеи-алеи чот йоацаш хала да из къамаьл. Хлаьта, гулакх сов ира этгалга а ховш ше а ший новкъосташа а де лаьрхлар дладувц цо царга. Из лаьрхлар ва, фуннагла хуле а, ше вуйвоале а, из блеха политика чакх ца ялийта. Тоасбот-моллас дика кхетаду цун дега чу дар, хлаьта Берснакьас кхетадац. Цо кхьдар дувц. Цудухьа шийга влалла йиш йоацашехьа, уж ши къоано чу а волаш, цу дийнахьа ше волча цхьацца шоай гулакхаш дахьаш баьхка бола нах тлаэца волавеннав Идрис. Цига гучадоал мел кьиза, блеха хул цхьабола нах. Масала, ше къоастаду цо Лорсаи Маднатаи юкье этта гулакх. Дешачарна гуш да, мишта принцип йолаш, фу оамал йолаш саг ва Идрис. Клоаргача хьаькьалца Лорсий тийшаболх гучабоаккх цо. Лорсас даь хинна ца лшоллагчул халагла дола зуламаш майрра юхьдуххьал, из бехке а веш, дладувц Идриса. Ала доагла, тлехьагла Идрис лаьца лазап озаш, набахта воаллача хана, къаьстта Лорс, харцо а ювцаш, цунна тлалеткьаш хинналга. Лорсаца къамаьл деш, эза мерз санна, гложе ерз цун оаз. Хлаьта, Маднатаца, тлехьагла чубаьккача, Ростове лорий институте деша баглача глалглай студенташца-Пошев лалаудинаца, Тутаева Аьсетаца къамаьл деш, из лимерза, велавенна, безаме хул. Идриса цар гадоаккх. Маднатага, хланзчул тлехьагла со хургва хьа вол, цхьаккха сагага хьона цатоам байтаргбац аз, – йоах цо.

Глалглай студенташ институтера длабаха, аьнна, оттабаь хиннаб. Уж паччахьа хана хиннача эпсарий, е бандитий, е контрреволюционерий

къонгаши мехкарийи ба, аьнна. Царна а оарцаг-
1ваьнна, г1о ду Идриса. Цар а хет Идрисага из
мишта хиннад. Буро г1алг1ай ма хиннайий, –
йоах студенташа а.

Идриса секретарь волча Султана хоам бу
Къулбаседа-Кавказа парте крайкома хьалхара се-
кретарь Андреев телефон етташ ва, аьнна. Тахан
кхозлаг1а тох цо из телефон, – йоах цо. Берригаш
д1абаха тохалу, шоаш новкъа хилар кхераш, х1аь-
та Идриса юхасовцабу уж. Андреевца ший хург-
долча къамаьлага ладувг1ар лов цунна. Трубка
чура къамаьл хьахоз. Андреева бехк боаккх Зязи-
ковх. Идрис Бейсултанович, - хетт цо - Къулбасе-
да-Кавказа парте крайкома бюро т1еххьара засе-
дани йолча хана, хьо х1ана хиннавац?..

Чахкиев Са1ида хьахьоккх Идриса ира хьаь-
къал. Латташ долча хьалага хьежжа, доаг1ача
беса жоп лу цо. «Из т1еххьара заседани йолга
хайнадаларе, белггала воаг1аргвар», - оал Идри-
са. Вайна гу цун жоп бегашта а ц1енхашта а лар-
х1а мегаргдолаш долга. Х1аьта, вай даьша ма
аллара, «бегаш – ц1енхий юхьигаш». Андреевс
уж бегаш ба яхе а, Идриса бегаш биц. Из парте
Къулбаседа-Кавказа крайкома хьалхарча секретаря
Андреев Андрей Андреевича парте Г1алг1ай
обкома хьалхарча секретара Зязиков Бейсултана
Идриса майрра денна жоп да. «Аз бегаш биц, –
парте крайкома заседане со мишта хул, сога хьа
ца хайтача, – йоах Идриса. – Укх т1еххьарча хана
къаьстта г1алг1ай къамах лаьца эггара лоарх1а-
мег1а дола хаттараш увттадеча, царех соцам г1а-
эчача хана, къаман парте кулгалхой теркал ца бе
даьннад шо. Оашош т1аййца соцам наха бовзий-
та. Кулгалхой декхарийла ба саббаре нах д1акхе-
табе «мел бехктокхаме соцам ба парте крайкомо
т1аййцар». Цох г1улакх хургдоацилга майрра д1а-
хойт Идриса.

Андреев цецваьнна ва. Дагадох цунна, ше
укхаза хьожавеш, массане цох лоарх1а ца беш,
хьоахваьр Зязиков Идрис, г1алг1ай партийни
организаци хинналга. Цунна дагадох Сталина
шийца хинна къамаьл а. «Виц ца луш хилалахь,
- аьннад цо, – Къулбаседа-Кавказе г1алг1ай пар-
тийни организаци эггара ч1оаг1аг1а йолга. Цхьан
Зязикова эзар Мамсуров санна барий мах ба» .
Х1анз кхетаду Андреевс шийна цунца къамаьл
дулургдоацилга. Зязиков Идриса Къулбаседа-
Кавказера кхьича моттигий партийни организацией
хьалхарча секретараша санна, духьала х1ама ца
оалаш т1аэцарг ца хилар. Андреев кхералу. «Фу
де воал хьо?» - хоатт цо Идрисага. «Кхоана г1ал-
г1ай обкома парте бюро хургья. Цигга аз амар
лургда дерригача г1алг1ай къаманна д1ахайта,
оаш баь тийшаболх», жоп лу Зязиковс, – т1аккха
воаг1аргва со крайкоме». Андреевс ц1ога детт
трубка чу: «Ма делахь из! Хьем боацаш, сихха
крайкоме кхача. Жоп дала дезаргда хьа!... «Жоп

дала кийча ва со», - яхаш, - Андреевс ц1ога детт-
ташехьа, Идриса трубка 1оюлл. Цу къамаьло гу-
чайоаккх Зязиков Идриса оамал, мел майра, ира
хьаькъал долаш, дунен юкьера хьал дика довзаш,
цхьанна сага хьеста ца луш, из хинналга. Укхаза
доаладе лов ц1ихеза волча политолога Авторха-
нов 1адрахьмана ший «Мемуарь» яхача книжка
т1а Зязиков Идрисах яздаьр. «Г1алг1ай аьттув
баьнна хиннаб, х1ана аьлча, Г1алг1айченна кул-
галдеш хиннав Кавказа исторе боккха лоарх1ам
болаш вола, Орджоникидзе Сергой доттаг1 Зязи-
ков Идрис хиларах. Цо ший кхетамца «Г1алг1ай
социализм» хьальеш хиннай, къамашта юкье
барт ч1оаг1беш, нах набахташка чу ца бехкаш,
ший къаман боккхий нах – шейхаш, моллаш ло-
арх1аш, царца дагавувлаш хиннав из... Лоалахой
хьогаш хиннаб Г1алг1айченнах, цар селлара ма-
шаре «падишах» хиларах. Чекисташ Ростове а
Москве а оакхал деш хиннаб. Зязиков «классови
моастаг1ашца» бувзам болаш ва яхаш. Цар яздер
тахка, аьнна, Сталина т1адиллад крайкома секре-
тарь хиннача Андреева. Цу г1улакха Владикав-
казе венача Андреева геттара сиха обкома бюро
заседани еча хана, куро, къовсам баккха г1ерташ
Зязиковга хьаттад: «Хье секретарь волча хана
денз масса моастаг1 лаьца, набахта чувеллав 1а?»
Цул кураг1а а, къовсама ше т1ехьашка варгвоа-
цалга а д1ахайташ, жоп деннад Зязиковс: «Цхьаь
ца1, х1ана аьлча, г1алг1ай мехка г1алг1ай мара
бахач».

Идриса Андреевца хиннача къамаьлага ла-
дувг1аш цига мел хиннар йист ца хулаш, лоаца-
белча санна бисаб. Цар кхетаду, мел кхераме, бех-
ктокхаме ба Зязикова болх. Идриса лаьрхх1а д1а
ца бохийташ битабар уж ший Андреевца хургдола
къамаьл царна д1ахозаргдолаш, цар из массанахьа
нахага д1адувцаргдолаш. Берснакъа дехкевоал
ше аьнначох. Тоасбот-молла йоах: «Идрис, Даь-
ла раьза хилва хьона. Дала низ лолба хьона. Тхо
хьоца да хьона, Идрис, г1алг1а мел вар. Тахан а,
кхоана а, массаза а... Со теш, хьо котваргва, х1ана
аьлча, хьай г1улакха воагаш вац хьо, къаман г1у-
лакха воагаш ва, цудухьа Даьла хьогахьа хургва.
Дала аьттув боаккхалба хьа».

Къаьстта теркам т1абахийта безаш йа Зязи-
ков Идриса Сталинца хиннача къамаьла юкъамот-
тиг. Вай лакхе белгал ма даккхара, Сталина хов
Зязиков фу саг ва. Из майрра духьала оттаргволга
а, из дукха дийша, политика дика йовзаш саг вол-
га а. Моздокски район х1иращта д1аяла лерх1ача
хана Сталина йоах: «Со сагота вац казакаша арг-
долчох, сона дагадоал г1алг1аша цох фу аргда...».
Идрис кхеташ ва из деррига а леладер Сталин
волга.

Ший сесагаца Жанеттаца къамаьл деш
Идриса йоах: «Сога хьаттача, Андреевгара
шийгара йоаг1аш яц х1анз цо лелаю политика.

Кинто ва деррига леладер». Из цо дика кхетаду крайкомо баь соцам юхасоцабе, аьнна, кхъхьга из Москве вахача хана. Сталина Идриса дена г1улакх х1анз кхоачаш-м ду, х1аьта Идриса кхетаду, цу сагагара г1алг1ашта дикадар хургдоацилга.

Идрис аравоаллашехьа, Андреевга сиха ше волча хьакхача, аьнна, телефон тох цо. Андреев к1езигвеш, цунна дистаб1ар лелхаш кьамаьл ду Сталина. «Аз хьалххе д1ахайтадар хьога, Зязиков шох массарел хьакькьал долашаг1а волга. Х1анз кхийтарий хьо? 1а харцахьа баьча балхо еррига Г1алг1айче корзаг1ьяьккхай, хьоаяй... ». Сталина Андреевца деш долча кьамаьлах кхеталу мел 1овдалеи зовзеи саг хиннав Андреев. Цо Сталинга хоатг, вийна д1аваьккхача бакьхьа вецарий из, аьнна. «Аз цхьаккха х1ама яхац хьога, хьайна ловлча бесса д1аваккха. Аз бокьо лу хьона из кхоачашде», – жоп лу Сталина. Сталина лоарх1 г1алг1ай караберзабе, Зязиков Идрис новкьара д1а аваьккха.

Цу хана денз бахьанаш лехаш Идриса гонахьа долалу из б1еха «ловзар». Масала, Андреевс йоах Идрисага, хьа биографи дукха ц1ена яц. Цо дагадохийт 1919 шера Орджоникидзе Серго бандиташа вовхар. Гуржий доазол т1ехбаьнна, 1924 шера дукха рузкьа а, жа а дига хиннад. Цу г1улакха а г1алг1ай бехке баьб. Царца а Зязиков Идрис хиннав, аьнна, хабар арадаьккхад. Идриса юха а, юха а дагадайт г1ерт миссайтаза таьхка а бакьдоацилга хайна а д1адаьнна дукха ха йола х1амаш.

Андреев Идрисаца ч1оаг1а эг1азал йолаш ва. Цунна хет Зязиковс ший сий доадеш санна. Кьулбаседа Кавказа парте крайкома хьалхарча секретара болх бе ше вайтача хана денз, ч1оаг1а шийх б1убенна, шийга ца дулуш х1ама хургдац мотташ, хиннача Андреевна новкьа да г1алг1ай обкома парте секретарь волча Зязиковс шийна иштта духьале еш. К1аьда дийчача а, г1ожа кхерам т1атосаш дийчача а х1ама ца хилча, из кхера ваьннав Идрисах. «Идрис Бейсултанович, аргда аз хьога кьайле йоацаш, - йоах цо, - хьо ч1оаг1а новкьа ва сона. 1а сога сайна ловча бесса болх хьабайтац, масе хана новкьарле ю. Кхьича секретараша шоашка аьннар хьаду. Хьо ца1 ва-кх, нийссача метте баг1а хьастам санна, новкьа волаш. Аз баьча соцамашта масе хана духьала ва хьо. Х1анз крайкомо баьча соцама а духьала ва. Из согара, сайгара даларе-м, ца1 дар... ».

Кьаьстга чуравоал Андреев ший Сталинца кьамаьл хинначул т1ехьаг1а. Цкьа-дале, цунна ч1оаг1а новкьа даьннад ше Идрис бахьан долаш Сталина эсала хетийташ, п1елга т1а ваккхар. Шозлаг1а-дале, из г1адваха ва Сталина шийна пурам денна, мичча беса, кхьиметтел, вийна а Зязиков д1аваккха, аьнна.

Ше Сталинца в1ашт1ехь даьккхача беса, ший б1еха план кхоачашье волалу Андреев. Гуш да,

доккха, лакхера, к1оаргара хьакькьал дола, интеллигентни, ший кхетам болаш волча сага духьала баьннараш хьакькьал доаца, 1овдала х1аьта а 1аьдал, бокьо шоай кара хинна нах болга. Ше «урса дитта т1а» т1аг1олла леллаше, Зязиков Идрис г1ерт ма хулла дукхаг1а ший кьаманна пайдане дола х1амаш чакхдаха. Х1аьта, морхаш йикьаенна т1аяькка, лохлуш латташ хиннай цун керта т1а. Сталина шийна юхеоз ше аьнначунна духьала йистхургбоаца, шийна мут1ахьабараш. Х1аьта, цхьаккха х1амах шек воацаш д1абоах кхьича тайпара политически кхетам болаш, шийна духьале еш бола нах.

Андреев ма хулла сихаг1а Зязиков новкьара д1аваккха г1ерт. Сталин волчара ц1аваог1ашеа Идрис т1авийха, кьамаьл ду цо. «Крайкоме Владикавказ х1ирашта д1аяла еза, аьнна, баьча соцамо корзаг1аваьккха, деррига г1алг1ай кьам г1оттадаь, оарцаг1даьккха лелаш, г1алг1ай парторганизацияна доал дара болх лаьг1баьб 1а, – йоах цо. – Бокьо йоацаш хьай декхарашта юстарваьнна, г1алг1ай парторганизацияне коммунистий дисциплина мельялийтай 1а. Цудухьа 1а партена доккха зе даьд... Г1алг1ай коммунистий кхетам лакхбалийтар духьа крайкомо соцам баьб хьо Москве марксизма-ленинизма курсашка деша вахийта». Идрис кхеташ вар цхьан тайпара та1азар шийна хургхиларах, х1аьта иштта кастта цар из г1улакх чакхдоаккхарг ма-дий, аьнна, цунна дагадацар. Духьале ярах х1ама хургдоацилга гуш дар. Цхьа хаттар мара динзар цо: «Мала вайт оаш са когаметта?»). Андреева жоп лоаца дар: «Черноглаз, Адыгейски обкома хинна хьалхара секретарь».

1929 шера кхоалаг1ча сентябре ВКП (б) Г1алг1ай обкома пленумо мукьавоалийт из, вешта аьлча, балха т1ара д1аваоккх Зязиков Идрис. Цу хана денз Г1алг1ай мехка бокьонца вола кулгалхо хул Черноглаз. Из фу саг хиннав аьлча, г1алг1ай кьам, цар мохк, оамалаш, г1улакх, цар дин - цхьаккха а х1ама довзаш а е довза ловш а воаца саг хиннав Черноглаз, бокьонца Андреева политика г1алг1ай мехка чакхйоаккхаш вола саг хиннав. Андреев цун кулгашца ший Зязиков Идрисаца, г1алг1ай кьаманца хинна моастаг1ал д1акхоачашде эттав.

Дувца хала да, ше вийна д1аваккхалца, г1алг1ай кьама цо т1аоттадаь хинна 1азап. Г1алг1аех в1алла а дош ца хеташ, цар сий деш дагакхьаба дола х1амаш сийдоацча доахаш, эхь даь, б1ехбаь, уж гора овтгабе г1ерташ хьайзав из. Т1аккха бехк бац наьха, уж шоай бокьо лаха балар. Чакхийев Са1ида драма т1а доаладу цхьа масал. Г1алг1ай юрташкара Тоасбот-молла а Бернакьа а волаш цхьа итт саг Москве болх, Черноглаза лелаеча политикана шоаш раьза боацилга д1ахайта. Калинин волча латкьа баха хиннаб. Царна хеташ хиннад, Калинина шоай кьамаь-

ла теркам тлабахийта, шоашта гло дерг ма дий, аьнна. Хлаьта вокхо, Черноглазага юяхьжожадаь хиннад цар каьхаташ. Тоасбот-моллеи Берснакьи шоаш Калинина тлабахалехьа, Зязиков волча боагла, цунца дагабовла, аьнна. Идриса царна дош лу Черноглазаца цу хьакьехьа кьамаьл дергда ше, аьнна.

Зязиков Идрис догцлена, партех тешам ца бовш хинналга гучадоаккх Чахкиев Саида цун Черноглазаца хинна кьамаьл дувцаш. Идриса хет Черноглаз глалгашца иштта гложва, шийна из кьам, цар истори ца довзарах. Из цунна дог тешадеш хьехам бе герт, революци, граждански тлом лаьтгача хана глалгашта дукха дика хламаш карагидийнналга а, ер лаьдал оттадар духьа цар чоагла тлом баьлга а длахойташ. Хлаьта Черноглаза оттаяьр моастаггал долча кьамаьла кеп я. Идриса дувчачох цунна дош хетац.

«Цьхан хана карагидийнна хургда глалгашта дика глулакхаш, хлаьта хланз уж классови моастаггий ба», – йоах цо, «лаца моастагла лаьца чувелла талазар даьдац Андреева а йоах, аз доаглар дергда царна». Андреевс тладила глулакх кхоачашдеш волга лочкьадац цо. Идрис цецваьнна глалглай селлара гоама цунна хиларах. «Ма хила йиш йоацаш хлама да-кх ер», – йоах цо.

«Хлана-д из хила йиш йоацаш дола хлама? Уж ла дикан бувца глалглай Москве сона латкьа баха хиннаб-кх, со балхара длаваьккха, хьохьатлавайта, аьнна. Царга фу аьннад хой хьона? – йоах Черноглаза. Идриса футтаройна, чоагла-гла новкьа хилийтар духьа, велакъежаш. Зязиков во коммунист ва. Из цлаккха а ше хиннача балха тла юхавайтаргвац. Хлаьта, цар новкьостага Калининга енна жалоба сога юхаяйтай, «лайха кьоастаде дош», аьнна, Калинина резолюци тла а йолаш».

«Хланз из глулакх кьоастаде кийчвенна ва-кх со!» – цогла детт Черноглаза. Идрис цец-амагла ваьнна, ура а этта хьеж Черноглаза бе доаккача каьхаташка. «Хила йиш яц?!..» – йоах цо.

«Я даьра, фуннагла хила йиш я, хьона хетар гаьна да», – жоп лу Черноглаза.

Хланз Идриса кхетаду, шийна укх лаьдалах меттар нийсса ца хинналга, адамашта боккха кхерам тлаэтталга.

Черноглаз сов чоагла дорхвенна, глалгашта влалла ца доагла, блеха глулакхаш духьалдаха ваьнна. Хлаьта, Идриса, ше сий долаш хиларга хьежжа, саббаре хоам бу цунга: «Хьо глалглай кьаманца кхы длахо а иштта кьиза хуле, хьайна дикадар хургдоацилга длаховлда хьона», – аьнна. 1930 шера кхоалагича феврале И.М. Черноглаз вув. Зуламхой лийца хиннабале а, Зязиков Идрис бехке ву цу зулама. Из бехке вир сий лотадарца а, политически Черноглаз вер долча глулакха кийчо яьр ва, аьнна.

Гуш да, мел хьакьал долаш, дийша, хламах дика кхеташ хиларах, цу системас саг хлалаквий, воацар мо, длавоаккхаш хинналга.

Идриса амаг гучадаккхар дизза хургдац цун ший гаргарча нахацара, цлен дезала юкьера глулакхаш ца дийчача. Ший фусам-нана Жанетта езаш йоалаь хиннай цо, хьоасташ Хантоти, оалаш хиннад Идриса Жанеттах. Шоаш цьхана бахаш яьккха ха имерза, цьхана товш, влаши безаш, шоайла новкьостал деш хиннаб уж. Идрис а Жанетта а кхетам лакха болаш, хало а, оатто а ловш чакхбаьннаб. Жанетта а лаьца яьллай. Боча йолаш кхехьча йолагара тамашийна чоаггал гучаьннай. Ший цлен-да Идрис санна, йоха ца йохаш, духьаллаьттай из набахта озийташ хиннача лазана. Ший дагардар Жанеттаца дувцаш хиннад Идриса. Ше Сталинца кьамаьл даьча хана денз дега бала хинна, уйла еш лел из. Идрис кхеташ ва глалгашта дикадар хург ца хиларах. Шийна дагадоаллар, хетар Жанеттага дувц цо. «Дика уйла яьийй ла, Центральни Комитета Оргбюрос баьча соцама? – хетт Идриса сесагага. – Крайкомаи крайисполкомаи тладилад, нохчийи глалглайи областаш влашагтохара кийле кийчье, аьнна. Циггара глалгашта боккха тийшаболх хьахилар кхер со. Деррига а хувцаденнад... Джабагиевлар бувцаш вар со, царех бехкаш доахаш. Хланз мехках а баьнна длабахабале а, уж сайла хьакьал долашагла хилча санна хет сона», – йоах Идриса. Жанеттас а мар бакьву.

– Топаш тега хургьяр царна, – жоп лу цо.

– Со-м тамаш яь а валац... Мел чоагла дезаш, са, ружкьа – цьхаккха хлама ца кходеш, даьккха лаьдал дар ер... – яхаш. ший дег тлара бала бувц Идриса.

– Лаьдал-м во дацар... – Жанеттас аьлча, Идриса жоп лу.

– Во-м дацар ер, цьхабакьда, блехача наха кара-м дахад.

Цу кьамаьло драма ешаш вар дукхача хламах кхетаьву. Шоашта а кьаманна а лаьржа боад юхе герталга ховш хиннаб Идрис а Жанетта а. Жанеттас во хлама ца хилийтара хьалххе а терко еш хиннай массе хана. Цо хланз а йоах марага: «Идрис, сага дла ма хозалда вай кьамаьл». Хлаьта, цу хана, Москвера цлабаькка хиннача Тосбот-моллеи Берснакьаси шоай наларах хлама техача, шаккхе оагалу. Селлара кхерам тлатесса хиннаб царна. Бехк а бац, вай лакхе ма аллара, Идриса ца даь зуламаш хьатладехкаш, массайтаза набахта чуваллав из. Черноглаз вийналга шийна хоззаше, Идриса аьннад: «Из зулам а сона хьатладоагларгда-кх». Цо аьннар хила а хилар.

Эггара хьалха цу глулакха лийца хиннаб Зязиков Идриси, цун сесаг Жанеттаи, ГПУ спискаш-та юкье тешам боацаш ба, аьнна, длаязьбаь хинна цун доттагийи. Жанетта мукьаялийтай, из зулам

цо даъд, аьнна, члоагI деш, бакъдеш духъалдаккха цхъаккха хIама ца корадарах. ХIаьта, Идриса топаш тоха суд е соцам баъб. Дукхача наха Идриса гадоаккхаш дехардарах, кхыметтел Г.К. Орджоникидзес а А.И. Микояна а къахетам бар дехарах, топаш ца тохаш набахта валла итт шу суд яьй Зязиков Идриса.

Цига Iазап эза цIавеначул тIехъагIа, кIезига ха йоаккх Идрисеи Жанеттаси кортамукъа болаш. Юха а 1937 шера октябрь бетта уж шаккхе лийца чубохк. Идрис Тулерча НКВД-ера болхлоша члоагIа лоравеш дIавуг Шолжа-ГIалийтIарча набахта. Цу деношка Идрис Москве лаьца вьллада набахта чуйоал Жанетта. ХIанз Идриса духъалдаккха дола гIулакх дагадохар тамаш йолаш хIама хиннад. Из бехкеваьв къаьстта кхераме йолча статьях.

Чахкиев Салида доалладу Г. Ерешенкос ший «Зязиков» яхача статья тIа яздаь хиннар: «Цу Зязиковах лаьца суде дувца дезаш дош да яхача гIулакхах лийца хиннад дезткънел совгIа тайп-тайпарча балхаш тIа хинна нах. Уж бехке беш хиннад къайлагIа йолча буржуазно-националистически организацена юкъе бахаб, аьнна. Из организаци хиннай, яьхад, 1926 шера Нохчий обкома хьалхарча секретара Ефрем Эшбас вIашагIтех, керттера декхар Нохчийчеи ГIалгIайчеи СССР-ах дIакъоаста а яь, тIаккха Къулбаседа Кавказа федераци кхыча, члоагIагIа паччахьалкхенна кара вIашагIайолларгъя», - аьнна.

Идрис ший ма хулла бехказа вала гIийртIав. Цхьанна тайпара бехк хьатIайцабац цо. ХIаьта цох хIама хургдолаш хиннадац. Цу хана НКВД болхлошта официално бокъо енна хиннай, каракхьача наха шоашта ловча бessa низ бар. Бийца вала хала дар цар лелабаь хинна, шоай каравача сагага Iазап озийтара бола гIирс. Йоазонхочо доаладаьца цхьан масало гучадоаккх дешачарна мел члоагIа духовни низ болаш хиннав Зязиков Идрис.

Чахкиев Салида вIаши дистара духъа дувц цIихеза хиннача режиссера Мейерхольда набахте тIаоттадаь хинна Iазап. Сов члоагIа тIаоттадаьча Iазапа тоха са доацаш, цар мел яхачоа кулг яздаь хиннад цо. ХIаьта а цунна топаш техай. Дийнахь а бус а ца социйташ Мейерхольда тIаоттадаьчул къизагIа дола Iазап озийташ лоткъамаш ийдаьд Идрисагара. ХIаьта а цун низ эшабе, цунгара дош даккха мегадац царна. Идрис ше дегIаца дукха низ болаш хиннавеце а, ший дега низаца хIалакбеш хиннад цо уж. Массайта бетта дIаьхденна хиннад Зязиков Идриса «зулам дара наькъаши, бахьанаши тахкар», вешта аьлча, эггара

къизача тайпара лоткъамаш ийдеш, цунга бехк хьатIаэцийта уж гIерттар.

Политолога Авторханова ма аллара, цу хана бехк боацаш лийца баьхкача нахах 90 процент бараша сов члоагIа НКВД болхлоша лоаттадаьча Iазапа тоха са доацаш, цар мел яхачун кIала кулгаш яздеш хиннад, шоаш ца даьча зуламах бехк хьатIаэцаш. Иштта, «зулам дара наькъаш, бахьанаш тахкар» чакхдалалехъа, сов члоагIа тIаоттадаьча Iазапа чолакх ваь, 1938 шера 5 июле Шолжа-ГIалийтIарча НКВД набахте венна дIаваьннав Зязиков Бейсултана Идрис.

Ший маро санна, из Iазап эза чакхъаьнна хиннай цун тешаме хинна новкъост, сесаг Хантыгова Жанетта а. Ше Казахстане йолаш а сацийта хиннабац цо ший мара Зязиков Идриса политически реабилитаци яр духъа беш хинна болх. Эггара тIехъа 1956 шера 15 августе цунга хоам баьб: «Iа яйта заявлени таьхкача, ЦК КП Киргизе 1956 шера 6 августе соцам баьб, 1918 шера денз КПСС доакъашхо хиннача Зязиков И.Б., партийни бехк тIерабаккха, аьнна (велча)». Кхы цхъаккха дош тIатеха хиннадац. ХIаьта Жанеттайна дагадаьллар из цаI мара дацар, - ший маьра, Зязиков Идриса сийдола цIи юхаметтаоттаяр.

Чахкиев Салида ший драма тIа гучадоаккх шийна ловр леладеш, адаманшта Iазап тIаоттадаьча системо Зязиков Бейсултана Идрис вийна хинналга. Зязикова «бехк» хиннад цар санна боацаш кхыча тайпара политически кхетам болаш из хилар.

Зязиков Идрис бера хана денз вовзаш хиннача, цIихезача гIалгIай йоазонхочо Базоркин Идриса яздаьд: «Саг велча, цун дика гIулакхаш дувц. Мальсагов Дошалкъий таьзете наха аьнна хиннад, вай дIаволлар Дошалкъа вац – къаман хьаькъал да. ХIаьта, Мальсагов Оарцхо дIаволлаш, наха аьннад, вай тахан Iадика ювц гIалгIай тешамца. ХIаьта, Зязиков Идриса валар гIалгIай къаманна юкъе хиннадаларе, наха аргдар, вай Iадика ювц эггара тешамегIа, бакъахъара, эздел долаш хиннача сагаца».

Ший «Террор» яхача драмаца Чахкиев Салида дешачарга йоах: «Вай тахан декхар да Зязиков Идриса селлара деза леладаь, цар духъа, ший са Iодилла дола гIулакхаш диц ца далийтар, сий деш дагакхаба, гIалгIай къаман паччахьалкхел лорае. Вай хьаьнала, тешаме, догIена хила деза воайла а, укх дунен тIа машаре баха гIертташ мел болча нахаца а. Зязиков Идриса вахарца, из санна хиннача турпалхой вахарца, шоай вахар диста, уж санна яха гIертташ хила еза вай хьалкхувш йола тIехъе».

НАРТЫ В ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКЕ ИНГУШЕЙ

Танкиева Л.Х.

Ингушский научно-исследовательский институт
гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева

Аннотация: В статье прослеживаются вопросы, связанные с нартами в устном народном творчестве ингушей. Доминирующее место отведено проблеме взаимоотношения нартского эпоса с волшебной сказкой. Исследуются общие мотивы этих жанров: непорочного зачатия, чудесного рождения, чудесной неуязвимости, закалывания и испытания героя и другие.

Ключевые слова: нартский эпос ингушей, волшебная сказка, непорочное зачатие, чудесное рождение, чудесная неуязвимость, закалывание героя, героическая смерть.

NARTS (HEROS OF FOLK INGUSH LEGENDS) IN INGUSH FAIRY-TALES

Tankieva L.Kh.

Annotation: The research article includes subjects connected with narts in Ingush oral folk arts. The main accent puts on problem of relation between narts epic and fairy tales. The common ground of these genres are investigated: the virgin birth, miraculous birth, invulnerability, endurance and trials of hero and etc.

Key words: nart epic of Ingush, fairy-tale, virgin birth, miraculous birth, invulnerability, hero endurance, heroic death.

В работе речь идёт о проблеме взаимоотношения героического нартского эпоса с волшебной сказкой ингушей.

По названной проблеме у многих народов мира написаны работы такими видными учеными-фольклористами, как В.М. Жирмунский, В.Я. Пропп, Е.М. Мелетинский, М.Я. Чиковани, Л.Г. Бараг, А.М. Астахова, В.П. Аникин, А.Ф. Анисимов, Б.О. Долгих и др.

Наиболее выраженной, нам представляется, связь ингушских сказок с нартским героическим эпосом. Ученые-кавказеды, говоря о нартском эпосе ингушей, ссылаясь на заметку Ч. Ахриева «Несколько слов о героях в ингушских сказаниях», отмечали как отличительную особенность эпоса ингушей то, что здесь наличествовало два типа героев - нарты и орстхойцы.

В 1970 г. в своей кандидатской диссертации и позднее в изданной монографии «Нарт-орстхойский эпос вайнахов» ингушский исследователь эпоса А.О. Мальсагов отмечал, что суждения Ч. Ахриева ошибочны. Он сделал попытку доказать, что нарт-орстхойцы являются одной этнической группой, что это единый тип героев.

Однако, в вышеназванной работе Ч. Ахриев писал, что во всех ингушских сказках и песнях героями являются нарты и орхустойцы с противоположными характерами. Первых изображают как людей в высшей степени добрых и нравственных, а потому не удивительно, что слово нарт сделалось между ингушами нарицательным именем.

Эту же мысль подтверждал известный ингушский фольклорист профессор И.А. Дахкильгов, который отмечал, что нарты в народной памяти остались рыцарями, защитниками слабых, поэтому «они постоянно вели борьбу с орстхойцами, являющимися в народных сказаниях как люди злые, коварные, завистливые» [1, с. 9]. Считаем, что данная версия наиболее верная и дальнейшее исследование ведется, исходя из этой версии.

В эпосе ингушей, как и в сказках, наличествуют великаны. Здесь мы наблюдаем и богатырский облик героя, и умных говорящих коней, и других животных, чудесное рождение, закалывание героя, потусторонний мир, чудесную неуязвимость, оживление при помощи волшебных предметов и др.

чами жителей. Лисица повадилась грызть жилу брошенной кости, и аул стал сотрясаться.

Жители аула убили лисицу, содрали шкуру, с одного ее бока сшили из этой шкуры шубы всем жителям аула, а другую половину лисьей шкуры оставили в поле, так как не могли перевернуть лисицу. В это время одна женщина родила сына. Она-то и перевернула лисицу и содрала вторую половину шкуры, чтобы сшить шубу для своего сына. Но шкуры не хватило, и шуба вышла без рукавов.

Теперь вот и отгадай, гарбаш, или пусть сыновья твои отгадают - кто был больше и сильнее: бык, орел, козел, пастух или женщина? Гарбаш с сыновьями стала разгадывать предложенную загадку. Между матерью и сыновьями разгорелся спор. В конце концов они схватились за ножи и перерезали друг друга. Тогда Ботоко Ширтга развязал орстхойцев и отправился с ними домой.

Из сюжета, приведённого нами, видно, что не только отдельные мотивы имеются и в нартском эпосе, и в сказках, но в эпосе используются и целые сказочные эпизоды.

Великаны страшны, сильны, но не отличаются умом и хитростью и, вследствие этого, умирают. Они предстают в фольклоре хозяевами различных стихий. Но великаны, как отмечал В.Я. Пропп, «с культурным», техническим прогрессом становятся ненужными и даже вредными и уничтожаются героями эпоса. У разных народов в позднейших стадиях развития эпоса эти чудовища воплощают различные враждебные народу начала» [7, с. 3].

В эпосе и в сказках мы наблюдаем постоянное стремление героев состязаться в силе, могуществе, уме. В сказании «Пхьагала баьрийи Сеска Солсеи» («Мужичок с ноготок и Сеска Солса») [1, с. 131] они собираются драться, чтобы испытать силу друг друга, но жены предотвращают этот бой.

Герой северокавказского нартского эпоса представляет собой воплощение народного идеала. Он один может истребить несметное количество врагов. Идеализированные эпические и сказочные герои преследуют одни и те же цели. Расходятся они лишь в том, что сказочные герои обычно защищают личные права, а эпические - интересы рода.

В эпосе ингушей рядом с нартскими богатырями действуют разные родовые богатыри. По преданиям, это рыцари, защитники слабых. Они тоже жили рядом с ними и погибли вслед за ними. Это Колой-кант, Борога Бексултан, Чапа Бороган, Гокак, Наур, Охкыр-кант, Барким-кант,

Ахмед - благодетель. Народ им симпатизирует.

По преданию «Как погибли нарты эрстхо» выходит, что орстхойцы не могли одолеть могучего безобидного великана Колой-канта в открытом бою и решили по совету Ботоко Ширтки послать к нему злую, коварную, безобразную алмас. Она обладает способностью иногда превращаться в обольстительную красавицу, с ее помощью они ослабили силу Колой-канта и пленили его.

В сказаниях типа Колой-кант народ - создатель и эпоса, и сказки, показал одного из любимых своих героев, при помощи такого распространенного способа художественного обобщения, как поэтическая идеализация. Но этот герой не всемогущ и народ, не желая мириться с ограниченными возможностями даже идеализированного героя, прибегает еще к помощи мифологических, волшебных помощников. Таковы говорящий козел Колой-канта, говорящие кони орстхойцев, волшебная точилка Кинда - Шоа и др.

Широко распространен и в эпосе, и в волшебных сказках ингушей мотив чудесного рождения героя.

В мировом фольклоре по данной проблеме написано много работ. В эпосе различных народов мира герой рождается от съеденного яблока, от солнечного света, проникшего внутрь, от запаха цветов, от воды, от постороннего неодушевленного предмета, попавшего в тело женщины.

В нартском эпосе Северо-кавказских народов мотив непорочного зачатия носит оригинальные черты. В эпосе абхазов, адыгов, кабардинцев, ингушей, чеченцев, осетин герой рождается из камня, оплодотворенного мужчиной.

По осетинскому преданию нарт Сосруко родился от того, что «Уастырджи, увидев Сатану..., оплодотворил камень. Сатана узнала и стала считать месяцы, из камня вышел Сосруко» [3, с. 34]. О рождении нарта Баграза рассказывают, что некий пастух, соблазвившись красотой недосыгаемой для него Сатаны, пустил свое семя на камень, внутри которого развился зародыш - Баграз.

У абхазов герой выдалбливается из камня, оплодотворенного пастухом Зартыжвом.

Довольно широкое распространение мотив чудесного рождения из камня получил и у ингушей. Так, согласно преданию, родился, предводитель нартов знаменитый Сеска-Солса. В записях XIX века имеется такое предание: «Одна девушка доила корову, недалеко был синий камень. Молодой человек, любивший ее, сел на этот камень и в камне образовался зародыш Се-

ска-Солса. Об этом знала святая женщина Сели Сата, она и взяла его оттуда» [3, с. 35].

Аналогичный мотив имеется и в предании о рождении ингушей рода Газдиевых (Базоркиных): «Один молодой человек, любивший девушку, лег на камень. Девушка прошла мимо него. Он имел во сне с ней сношение, а когда проснулся, камень сомкнулся и наверху образовалась шишка. Она росла и оттуда вышло дитя» [3, с. 36].

Интересные данные по этому поводу приводит Н.С.Трубецкой при сравнительном изучении древнемалоазиатской культуры с кавказской. Автор приводит ингушские параллели к мифу, записанному Повзанием. Он рассказывал, что «по преданию пессинунтийцев, Зевс во сне пролил свое семя на землю, из которого через некоторое время вышло демоническое существо Агдистис, с мужским и женским половыми органами.

Подобное предание встречаем и у Арнобия, который повествовал, что на фригийской границе был горный хребет Адолис, там из камня произошла Кибела. Зевс долго домогался ее любви и, потерпев неудачу, пролил свое семя в скалу, которая родила ужасное двуполое существо Агдистис» [6, с. 83].

С этим мифом автор сравнивает ингушские предания о рождении нарта Сеска-Солса и происхождении упоминавшихся выше Газдиевых (Базоркиных).

Миф о рождении Сеска Солса из камня дает возможность говорить о глубокой древности происхождения и этого образа, и всех преданий, связанных с ним. Он может быть увязан с эпохой неолита, породившей его.

Мотив чудесного рождения героев ингушской сказки получил традиционную разработку, характерную для международного сказачного репертуара. В сказке «Даьна ца ваь Паьрпах» («Гарпах, рожденный не от своего отца») говорится, что муж и жена до старости прожили вместе и было у них несметное богатство, но не было детей. Они уже смирились с этим, как вдруг во сне к жене явилась Жерабаба и дала ей вкусить сердцевину яблока. Так родился Гарпах.

По другому сюжету «Кхо воша» («Три брата») жена, съевшая рыбу, гарбаш (слуга), откусившая украдкой хвост этой рыбы и корова, выпившая воду, в которой мыли рыбу, родили одновременно двух мальчиков и бычка.

В чеченской сказке «Над чем смеялась рыба» [8, с. 213] наблюдается видоизменение сюжета: мачеха решила опорочить падчерицу и говорила всюду, что она беременна; девушка решила отпра-

виться, проглотила склянку с пеплом и действительно забеременела.

Как видим, мотив чудесного рождения распространен и в эпосе, и в сказках ингушей. Мотив этот восходит к глубокой древности и, как указывают фольклористы и этнографы, сказания о чудесном рождении связаны с представлениями о партеногенезе, то есть девственном зачатии восходящем к эпохе матриархата [4, с. 97].

Также в ингушском нартском эпосе и в сказке не менее распространен и мотив закаливания и испытания героя. С этим связан и мотив чудесной неуязвимости.

Мотив этот широко распространен и в эпосе, и в сказках различных народов мира. Но многие неуязвимые эпические герои все-таки имели какое-нибудь уязвимое место, и они это хранили в глубокой тайне. Например, у Зигфрида уязвимое место находилось между лопатками, а у Ахилла - в пятке. Герои потому и гибли, что эта тайна становилась известной.

В ингушском эпосе героя закаливают с раннего детства или даже с момента рождения, и первое его испытание связано с началом его биографии. В сказке же герой предстает обычно сразу в отроческом или юношеском возрасте.

В результате такой закалки, герой осетинского нартского эпоса Сосрыко приобретает огромную силу и становится неуязвимым. И в нартском эпосе ингушей жена Сеска Солса закаливает сына в железе.

Мотив закаливания героя в железе наталкивает на мысль, что сказания о детстве и закалка эпического героя более позднего происхождения, ибо здесь главную роль играет уже железо.

Особенно популярен и в эпосе, и в ингушской сказке мотив героической смерти.

Все сказания о некотором могущественном, но жестоком племени орстхойцев в конечном счете говорят об их героической смерти. Всюду они творили только зло, и в наказание за это Бог их истребил. Орстхойцы верили в Бога, но всегда вели с ним борьбу.

Ч. Ахриев писал: «В наказание за это Бог постоянно противодействовал их желаниям и предприятиям» [2, с. 4]. Об этом же говорится в одном из преданий об орстхойцах «Нарт-орстхой фу хадар» («Как погибли нарт-орстхойцы»). Бог провалил вместе с ними землю. Оставшись без пищи, они съели своих коней. И, наконец, их предводитель Сеска Солса предложил: «Чем люди будут говорить, что нарт-орстхойцы погибли голодной смертью, давайте выпьем расплавленную медь». Все согласились, выпили по пол-

ной чаше и сразу же умерли. Сеска Солса выпил три чаши, но долго мучился. Он просил глотка воды у многих зверей, и только голубь утолил предсмертную жажду богатыря.

В сказке ингушей мотив героической смерти типологически сходен с подобными же сказочными мотивами других народов мира. Наибольшее распространение получили сказки, в которых смерть героя происходит потому, что он нарушил табу.

Необходимо отметить, что, если в эпосе герой гибнет, то в сказке он может погибать много раз, но всегда оживает и затем живет счастливо. Анализ мотива героической смерти в ингушском нартском эпосе и сказке позволяет говорить, что в этом мотиве эпос и сказка обособлены друг от друга.

Говоря об общности в мотивах эпоса и сказки, можно отметить, что иногда наблюдается и полное совпадение эпических и сказочных сюжетов. Например, нартские сказания «Шестьдесят орстхойцев и Ц1азик» [1, с. 132] полностью совпадают с известными анекдотами о мулле Насреддине.

Как видим, здесь налицо взаимопроникновение сюжетов.

Место действия ингушских сказочных героев, как мы отмечали выше, - бескрайние равнины, горы, бурные реки, девственные леса Северного Кавказа. То же самое можно сказать и о месте действия героев эпоса. Более точно, как отмечал

Ч. Ахриев, местом действия как орстхойцев, так и нартвов является Галгаевское ущелье, где протекает река Асса.

В заключение отметим, что, мы не ставили перед собой специальной задачи полностью исчерпать проблему связи нартского эпоса со сказкой. Это исследование особого порядка и им необходимо заняться специально. Однако из сказанного предварительно можно сделать некоторые выводы.

Причины общности, о которой мы говорили, можно установить в результате изучения самых различных жанров устно-поэтического творчества народа и внимательного исследования каждого отдельного совпадения.

Вполне возможно, что было и некоторое заимствование отдельных образов, мотивов, сюжетов, художественно-изобразительных средств. Но, по-видимому, прямого заимствования, как основной причины сходства не было.

Эпос, сказки, песни, загадки, пословицы, поговорки и т.д. восходят к первобытному фольклору доклассового общества, которому присущ «идеологический синкретизм, т.е. известная нерасчлененность эмбриональных форм искусства, религии, донаучных представлений о природе и обществе» [5, с. 83].

Видимо, отголоском такого синкретизма и являются те самые общие совпадения, которые отмечаются при сравнительном анализе разных жанров.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Антология ингушского фольклора. Т.4. Изд. центр «Эль-Фа». Нальчик: 2006.
2. Ахриев Ч. // ССКГ, вып. 4. Тифлис: 1870.
3. Далгат Б.К. Страничка из северокавказского богатырского эпоса // «Эт нограф. обозрение», вып. 4. Владикавказ: 1901.
4. Жирмунский В.М. Народный героический эпос. Сравнительно- исторические очерки. ГИХЛ. М.-Л.: 1962.
5. Мелетинский Е.М. О генезисе и путях дифференциации эпических жанров. Русский фольклор. Материалы и исследования. Т. 5, АН СССР, М.-Л. 1960.
6. Миллер В.Ф. Кавказские параллели к фригийскому мифу о рождении из камня (земли) // Эт-нограф. обозрение № 3. М.: 1808.
7. Пропп В.Я. Русский героический эпос. Гослитиздат. М.: 1958.
8. Россикова Р. Путешествие по центральной части горной Чечни // Записки Кавказского отдела императорского русского географ. общества. Тифлис: 1886.

СУБЪЕКТ МОДУСА С ЭПИСТЕМИЧЕСКИМ СТАТУСОМ

Тариева Л.У.

Ингушский научно-исследовательский институт
гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева

Аннотация: В данной статье рассматривается функция субъекта с эпистемическим статусом высказывания, контролирующей функцию субъекта смысла лица Созерцающего, как одного из компонентов парадигмы лиц. Субъект с эпистемическим статусом высказывания удостоверяет две формы информации из области перцептивного мышления индивида.

Ключевые слова: эпистемический, персуазивный, лицо Созерцающее, модальный эгоцентрик, интенциональный, экспериенциальный, авторизация.

Язык и интеллект антропоцентричны [1, с. 47; 3; 6] в силу того, что генерируется индивидом. Антропоцентричность как лингвистическое явление проявляется, прежде всего, в семантической модальной сфере языка посредством эгоцентрических элементов эргативного языка. Базой для проявления эгоцентричности ингушского языка (и других нахских) является запуск механизма функции нескольких антропоцентриков: «хоалу саг / homo sensus» [14], т.е. человека чувствующего, представляющего в нахских языках перцептивную область мышления (*сона хоалу / я ощущаю, чувствую*), на основе которой обуславливается запуск механизма функции homo sapiens / человека разумного. Антропоцентрическая категория ингушского эргативного языка *сакхета саг* 'homo spirits', т.е. человек-дух, лингвоцентрически представленный эргативной формой личного местоимения первого лица единственного числа, наряду с *кхета саг* 'homo sapiens' и *хоалу саг* 'homo sensus', соотносится с эгоцентрическими компонентами парадигмы лиц постулированной семантики.

Учитывая тот факт, что индивид присутствует во всем пространстве языка, и в особенности его присутствие, по мнению Арутюновой отражается на лексическом, синтаксическом и семантическом уровнях языка [3, с. 3], в данной статье лица парадигмы ингушского языка [11, с. 356-365; 13, с. 84-88], экспонирующие модального эгоцентрика, представлены в семантико-синтаксических конфигурациях – диатезах.

Модальное эпистемическое значение, указывающее на достоверность, или истинность сообщаемой информации, называется в специальной литературе также и термином персуазивная. Квалификативная категория персуазивность (лат. persuadeo, -suasi, -suasum, -ere: 1. убеждать,

уверять, внушать; 2. побуждать, склонять, уговаривать), равно как и авторизация, относится к неизменным семантическим компонентам отдельных высказываний ингушского языка. Категория персуазивности квалифицируется как понятийная категория, связанная с сообщением с позиции автора. С этой точки зрения персуазивность выражает оценку говорящим информации с точки зрения уверенности / неуверенности в ее достоверности / недостоверности.

Персуазивность, согласно концепции Т.В. Шмелевой, наряду с авторизацией и оценочностью, интерпретируется в качестве квалификативной модусной категории, призванной квалифицировать сообщение с точки зрения автора [15].

Для нас в определении персуазивности важно, во-первых, то, что персуазивность – определяется как оценка говорящим объективного содержания предложения со стороны его достоверности / недостоверности [5, с. 683], во-вторых, тот факт, что персуазивность проявляется в противопоставлении «свое / чужое».

Языковым средством представления субъекта персуазивного значения в ингушском языке (и др. нахских языках) является аффективная форма имени (*сонна / я*), а грамматическим экспонентом предиката является глагол восприятия (например, *гу / вижу*), выступающие как составляющие кванта персуазивной коммуникации.

Как одна из основных антропоцентрических обязательных субъективных категорий персуазивность включена в ингушском языке в модусную часть предложения:

Сона (AFF) гу, со (NOM) лув / Я вижу, что я говорю (т.е. обладаю способностью говорить, артикулировать).

Персуазивное значение принадлежит рамочной части приведенного примера. Семантически

субъект восприятия представлен функцией лица Созерцающего, интенционально исходящей из субъективной области мышления. Исходящая из перцептивной области мышления информация, т.е. интенциональность функции лица Созерцающего квалифицируется нами в качестве субъективной информации, представляющей «свое» vs «чужое». Трансценденция лица Созерцающего в объективную область результирует в дистинкции собственного со / эго валентностью лицу Говорящему, об уверенности наличия которого удостоверяет рамочная часть высказывания (*сонагу/я вижу*). Удостоверяемая информация (*со лув/я артикулирую*) извлечена из объективной действительности и экспериенциально направлена в перцептивную область мышления, где она эвиденциально закреплена в форме образа-представления («лицо говорящее»). Такая, доставленная из объективной реальности в перцептивную область мышления информация формирует пропозитивную, или «диктумную» в терминах [4] часть высказывания (*со лув / я говорю*). Именно эту объективную «чужую» информацию, как результат своей модальной функции, удостоверяет (с уверенностью или неуверенностью) лицо Созерцающее (*сонна / я*), представленное в рамочной части высказывания.

Модусная часть может быть имплицитной, т.е. выраженной нулем:

Со (NOM) лув / я говорю (т.е. обладаю способностью говорить). За спиной высказываний подобного рода стоит лицо Созерцающее, или Наблюдатель в терминах [1; 10]

Кваликативная категория персузивность, автором которой выступает модус лицо Созерцающее, обусловлена удачной доставкой объективной информации (пропозитивной части: *со лув / я говорю*) в перцептивную область мышления и ее эвиденциальной закреплённостью в этой области.

Лицо Созерцающее – это модус с персузивным значением, так как оно своей функцией трансцендентно доставляет информацию из объективной действительности.

Авторизация для субъекта смысла лица Созерцающего является обязательной кваликативной категорией, экспонирующей функцию данного лица как способа получения и доставки информации, и соответственно, как источника высказывания:

Сона (AFF) гу, со (NOM) истхул / я вижу, что я артикулирую (т.е. обладаю способностью к речению).

Термин авторизация понимается нами со-

гласно концепции Г.А.Золотовой, когда за сообщением в высказывании, стоит структурно-семантическая информация, представляющая перцептивного «автора» [7], в нашем случае лицо Созерцающее, интенционально указывающее на наличие лица Говорящего, как объективного явления действительности, воспринимающее его, доставляющее его в перцептивную область мышления и оцениваемое персузивно.

Термин авторизация экспонирует механизм выявления, распознавания информации и способ ее доставки. Авторизация, таким образом, есть в нашем случае кваликативная категория модуса, проявляющаяся в форме запуска механизма интенциональной функции сенсорного модуса как способа доставки объективной дискретной информации извне в ментальную область мышления.

Ш. Балли дифференцирует информацию на модусную и диктумную. Под модусом им понимается сочетание модусного смысла и субъекта [4]. Когезия модусного отношения и субъекта смысла в акте познания собственного со/эго обусловливается, как нам представляется, вследствие авторизации лица Созерцающего.

Исходящая из когнитивной области интенциональная информация в форме запуска механизма функции лица Созерцающего толкуется нами как модусная (*сонна гу / я вижу*) представляющая «субъективное», «свое», а доставленная в перцептивную область мышления посредством данного механизма объективная информация (*со лув / я говорю*) истолковывается как «объективная», «чужая», представляющая пропозитивную, или диктумную часть.

Авторизация, в зависимости от характера трансцендентно извлекаемой извне информации, является обязательной кваликативной категорией модуса, в нашем случае лица Созерцающего. Семантически авторизация результирует прямой эвиденциальностью, которая также дифференцирована согласно концепции [16; 8] на косвенную, инферентивную эвиденциальность.

В данной статье рассматривается прямая непосредственная засвидетельствованность объективной информации, приобретенной автором высказывания посредством личных наблюдений в дистинкции собственного со/эго.

Авторизация какого-либо лица парадигмы, например, лица Созерцающего [13, с. 84], обнаруживает соответствующую характеру данного лица информацию, трансцендентно доставляемую и эвиденциально закрепляемую в перцептивной области мышления.

Данный тип авторизации в высказывании экспонируется глаголом-предикатом с семантикой обнаружения: *гу/вижу*, аргументированным субъектом в аффективной форме имени.

Кваликативная модусная категория авторизации лица Созерцающего, как нам представляется, проявляющаяся в запуске механизма интенциональности, т.е. направленности сенсорного модуса субъективного смысла вовне за «объективной информацией», результирует эвиденциальностью. Иными словами своя, или «неотчуждаемая» (термин употреблен в значении [9]) модальная составляющая в форме лица Созерцающего, обладает, на наш взгляд, онтологически обусловленной интенцией, трансцендентно исходящей из области перцептивного мышления со всеми характерологическими составляющими (достигаемость, ограниченность, очерченность, интендирование, трансцендентность, экспериенциальность, эвиденциальность). Если интенциональность лица Созерцающего, по достижении объекта реальной действительности, интендирует его, снимая с него «картинку», затем, поменяв траекторию, экспериенциально доставляет снятую информацию в перцептивную область мышления и здесь результирует сенсорной визуальной эвиденциальностью, мы можем говорить, что авторизация модального субъекта смысла (т.е. лица Созерцающего) благополучно состоялась, что и удостоверяется субъектом с эпистемическим статусом высказывания (*сона хов / я знаю*).

Авторизация как кваликативная категория экспонирует функцию лица Созерцающего как один из способов дискретного распознавания и получения информации из реальной действительности и, соответственно, как источника высказывания, удостоверяющего пропозитивную информацию (*со лув/я говорю*), выхваченную из реальной действительности в дистинкции собственного эго в «рефлексивном режиме интерпретации» [13]. В области перцептивного мышления, таким образом, появляется новая объективная «чужая» информация вдобавок к наличествующей «своей», интенционально исходящей из субъективной области мышления в форме функции лица Созерцающего. Эта доставленная из объективной действительности информация закрепляется в перцептивной области мышления в виде сенсорной визуальной эвиденциальности, образуя пропозитивную, или «диктумную» в терминах [4] часть высказывания.

Субъект с эпистемическим статусом высказывания, контролирующий информацию только в перцептивной области мышления, удостоверяет эти две формы информации:

1. *Сона (AFF) хов, сона(AFF) гу / Я знаю, что я вижу (т.е. обладаю способностью видеть);*

2. *Сона (AFF) хов, со (NOM) лув / Я знаю, что я говорю (т.е. обладаю способностью говорить).*

В первом примере субъект с эпистемическим статусом высказывания (инг. *хоалу саг / homo sensus*), на поверхностном уровне представленный аффективной формой имени и глаголом-предикатом знания (модусная часть: *сона хов / я знаю*), семантически удостоверяет информацию подконтрольной ему функции лица Созерцающего (*сона гу / я вижу*), интенционально исходящей из перцептивной области мышления, как свою, субъективную. Иными словами: интенциональная семантическая информация, охарактеризованная как функция лица Созерцающего, возникшая на базе сенсорного свойства «видение» (вторая часть высказывания), удостоверяется субъектом с эпистемическим статусом высказывания (*сона хов / я знаю*).

Во втором примере субъект с эпистемическим статусом высказывания удостоверяет другую интериоризованную («овнутреннюю») информацию (*со лув/я говорю*), доставленную субъектом персуазивного значения (*сона гу / я вижу*). Источник сообщения: говорящий в лице субъекта с эпистемическим статусом (*сона хов*), квалифицирует эту информацию (доставленную субъектом (*сона гу / я вижу*) с персуазивным значением) как знакомую, так как эта объективная информация удачно доставлена в область перцептивного мышления, и эвиденциально закреплена в ней, в результате запуска механизма интенциональности лица Созерцающего, подконтрольного субъекту с эпистемическим статусом.

Таким образом, кваликативная категория - авторизация лица Созерцающего - это проявление своего, неотчуждаемого, источником сообщения которого является субъект восприятия с эпистемическим статусом, на поверхностном уровне представленный модусом: аффективной формой имени (*сона / я*) и предикатом знания (*хов / знаю*).

Эпистемическое пространство постигается, как нам представляется, субъектом восприятия со статусом знания, контролирующим не только механизм авторизации модусных смыслов (лица Созерцающего, «лица Слышащего» [11, 13]) как кваликативных категорий с персуазивным значением.

Кваликативная категория авторизация модусных смыслов (лица Созерцающего, лица Слышащего) удостоверяется субъектом с эпистемическим статусом.

В рефлексивном режиме интерпретации канонической речевой ситуации функция модальных смыслов обладает высокой степенью релевантности, в силу непосредственной связи между Созерцающим и Говорящим, Слышащим и Произносящим (я – здесь-сейчас).

Уверенность в достоверности (категория персуазивности) пропозитивного смысла (нерабочая часть) контролируется модальным субъектом смысла лицом Созерцающим, доставляющим информацию из реального мира в перцептивную область мышления (*сона (AFF) гу, со (NOM) лув / Я вижу, что я говорю (т.е. обладаю способностью говорить)*).

Уверенность в достоверности авторизации функции модального субъекта смысла лица Созерцающего контролируется субъектом знания с эпистемическим статусом (*сона (AFF) хов, сона*

(AFF) гу / Я знаю, что я вижу (т.е. обладаю способностью видеть)).

Субъект с эпистемическим статусом высказывания (рабочая часть) контролирует эпистемическое пространство перцептивного мышления, где кумулируется информация об авторизации модальной функции лица Созерцающего, интенционально направленного вовне на объекты реальной действительности, удачная интериоризация которых в субъективную область перцептивного мышления результирует их эвиденциальным закреплением в данной области мышления. Другой информацией, кроме как интенционально исходящей (субъективной, своей), и экспериенциально доставляемой в субъективную область перцептивного мышления (объективной чужой) субъект восприятия с эпистемическим статусом не владеет.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Апресян Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. Вып. 28. М., 1986. (Перепечатано в: Ю.Д. Апресян. Избранные труды. Т. II. М., 1995).
2. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: Попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. №1.
3. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. –М., 1999.
4. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Иностранная литература, 1955. – 416с.
5. Белошапкова В.А. Современный русский язык / Под ред. В.А. Белошапковой. – М., 1989.
6. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М., 1999.
7. Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973, с. 263-278.
8. Козинцева Н.А. Категория эвиденциальности (проблемы типологического анализа) // Вопросы языкознания. 1994. № 3. С. 92-104.
9. Мельчук И.А. Курс общей морфологии. Т. II. Ч. 2: морфологические значения. М.; Вена: «Языки русской культуры». 1998.
10. Падучева Е.В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.
11. Тариева Л.У. Парадигма лиц в ингушском языке. Язык, культура, этикет в современном полиэтническом пространстве: материалы III Международной научной конференции. – Нальчик: Каб.-Балк.ун-т, 2013. – 463 с.
12. Тариева Л.У. Слышащий в качестве субъекта восприятия // Гуманитарные исследования. 2013. № 4 (48). Астраханский государственный университет. Издательский дом «Астраханский университет». 2013 – С. 30-34.
13. Тариева Л.У. Рефлексивный режим интерпретации канонической речевой ситуации // Вестник российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2013, № 4. – С. 84-89.
14. Тариева Л.У. Междометия в ингушском языке (онтологическое и референциальное измерения). –Назрань. ООО «Кеп». 2013. – С.74.
15. Шмелева Т.В. Семантический синтаксис: текст лекций. – Красноярск, 1988. – 54 с.
16. Willett, Th. A Cross –Linguistic Survey of the Grammaticization of evidentiality [Text] / Th. Willett // Studies in Language. – Amsterdam, 1988. - Vol.12. – N 1. –P. 51-97.

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ АЛАНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ И РАННИХ ИСТОЧНИКОВ ПРО АЛАН

Мацев А.Д.

Ингушский научно-исследовательский институт
гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева

Аннотация: *Дискуссии и споры, во-первых, о том, кто были аланы - отдельное племя или союз разных племен, какой народ или народы являются потомками алан, не прекращаются с течением времени. Автором в статье рассматриваются две надписи, считающиеся аланские. Подвергается сомнению перевод этих надписей с помощью осетинского языка. В статье также анализируются данные ранних античных письменных источников об аланах. Автор приходит к выводу, что этноним «аланы» имел кавказские племена, так и различные кочевые пришлые группы тюркского и иранского происхождения.*

Ключевые слова: *аланы, письменные источники, Кавказ, скифы, сарматы.*

История алан примечательна не только своей неразгаданной таинственностью, но и тем, что она, оставив заметный след в истории, в то же время скудна своими письменными источниками. Аланы представляли собой один из тех племенных союзов, который в эпоху великого переселения народов смог создать свое государственное образование в союзе с другими племенами, как на Северном Кавказе, так и в Испании и Северной Африке. При этом можно и не перечислять тех сражений, в которых участвовали аланы и вносили вклад, во многом определявший исход битвы.

Письменных источников, содержащих слова аланского языка, написанные греческим письмом, всего два - это ныне не существующая, но считающаяся найденной археологом Струковым в 1888 году надпись на могильной плите - Зеленчукская надпись [4:1999], и слова приветствия в сочинении византийского писателя XII века Иоанна Цеца «Теогония» [14:1930]. При этом, если в первом источнике принадлежность к аланскому языку определяется различными доводами и предположениями, то во втором источнике - приведенные в произведении слова, самим автором названы собственно аланскими.

Зеленчукская надпись, признанная осетинской В.Миллером, на основании того, что в ней приводится много раз слово «фурт» - «фурт», которое он отождествлял с осетинским словом «фырт» - означающее «сын». В работе ингушского ученого Н.Д. Кодзоева «Очерки истории ингушского народа с древнейших времен до конца XIX века» приводится ингушский вариант чтения надписи, а слово «фурт» аналогизируется с ингушским словом «фу» - потомство. [3:2009, с. 82].

Что же касается аланских фраз из «Теогонии» Иоанна Цеца, то относительно них идут многочисленные споры. Фразы состоят из двух предложений [14:1930, с. 352-365]:

1). ταπαρχὰς μέσφιλι χσινὰ κορθὶ καντά, καὶ τᾶλλα;

2). τὸ φάρνετς κίντζι μέσφιλι καίτζ φουὰ σαοῦγγε.

Примерный перевод этих строк на греческий Цец дает следующим образом:

1). καλή ἡμέρα σου, αὐθέτα μου, ἀρχόντισσα, πόθεν εἶσαι -

Хорошего вам дня господин мой, архонтесса, откуда ты?

2). Οὐκ αἰσχύνεσαι, αὐθέντριά μου, να' γαμῆ το μουνὶν σου παλάς -

Не стыдно тебе госпожа быть в отношениях со священником.

Транскрипция на русский язык будет следующей:

1). Тапанхас месфили хина, корти канда, кей талла;

2). То фарнетз кинтзи месфили кайтз фуа саунге.

Рассмотрим первую фразу приветствия. Сторонники ираноязычности алан выдвинули свою версию чтения, путем различных манипуляций со словами и перестановками букв, даже в собственно осетинском языке. Эти комбинации переносятся на возможные архаичные слова в дигорском диалекте, а затем сопоставляется это все с текстом Иоанна Цеца. Свои варианты предлагали В.И. Абаев, Т. Камболов и другие исследователи. Наиболее популярным ныне у сторонников ираноязычности алан является версия прочтения первой фразы, осуществлен-

ная С. Переваловым в 1998 году: «Да бон хоржме'фшини ахшин. Курдигай да?». Что по мнению С. Перевалова на русский язык переводится как: «Добрый день хозяйка моего господина. Откуда ты?» [10:1998, с. 116]. Однако даже такой не очень понятный вариант имеет свои несоответствия. Здесь отсутствует приветствие господину, и присутствует обращение только к госпоже, в то время как Иоанн Цец в предложении приводит обращение сначала к господину, а затем только к госпоже. Кроме того вопросительная часть перевода предложения совсем не соответствует греческому тексту. Определенные соответствия некоторых слов к тексту приветствия «Теогонии» с помощью аналогичных методов, к тому же более подходящих можно найти и в ингушском языке с учетом вайнахских диалектов [9:1962]. Например, к слову «тапанхас» - можно привести вайнахское – «ди» («да») – день, «пана» («панваьн») – беззаботный, «хила» («хал») – быть; или другое слово в тексте «корти» - у ингушей «корт» - означает голова, глава, руководитель, управляющий [3:2009].

Помимо этих аланских надписей, общую картину дополняют различные источники, где встречаются упоминания об аланах. Особый интерес вызывают ранние античные источники, поскольку они показывают самостоятельность этого племени от принятой на вооружение у сторонников исключительной ираноязычности алан цепочки – скифы-сарматы-аланы. При этом сарматы и аланы представляли собой союзы племен и на основании представленных доводов у античных авторов в виде названия горных систем и местностей в честь этих этнонимов, выявляется собирательный характер этих названий, подобно принятому в современности - кавказцы, европейцы.

Некоторыми исследователями аланской истории считается, что впервые аланы и область их обитания упоминается в китайском источнике I века, приведенном в работе Н.Я. Бичурина «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена» [1:1950]. При этом сторонниками ираноязычности алан приводятся различные доводы, что приведенная в данном труде местность – это область между Доном и Волгой. В источнике упоминается область Яньцай, которая располагается от более известного к тому времени владения Кангюя к северо-западу на 2000 ли, то есть около 1000 км. Кангюя, по мнению большинства исследователей, располагалось в районе междуречья Сырдарьи и Амударьи на территории, впоследствии получившей название Хорезм [1:1950, с. 184]. В источнике от-

мечается: «Владение Яньцай переименовалось в Аланьяло, состоит в зависимости от Кангюя. Климат умеренный; много сосны, ракитника и ковыля. Обыкновения и одеяние народа сходны с кангюйскими» [1:1950, с. 229]. Таким образом, судя по данной работе, территория нахождения области Яньцай, с которым отождествляется другое название – Аланьяло, легко определяется как земли между Каспийским морем и Южным Уралом, поскольку даже самые оптимистичные расчеты для сторонников ираноязычности не позволяют определить расселение указанных племен дальше северного побережья Каспийского моря на запад. Многими исследователями название Аланьяло связывается не столько с аланами, а сколько с местностью, где располагалось данное владение. [2:2007, с. 78].

В трагедии римского поэта и философа Луция Аннея Сенеки (4-65 гг.) «Фиест», написанной в начале I века, впервые бесспорно упоминается название алан как отдельной этнической общности. Сенека пишет в своем произведении:

Какой здесь край? Удел ли братьев праведных
Лакедемон, Коринф ли, попирающий
Моря, иль Истр, по чьим водам уносятся
Аланов кони, иль земля Гирканская
Под вечным снегом, иль кочевья скифские?
Что здесь за край, сообщник дел чудовищных?
[12:1991, с. 63].

Как видим из данного источника римского поэта, аланы обозначаются среди прочих народов и стран, при этом, что важно отметить, они отдельно упоминаются от скифов. Из этой работы видно, что аланы и скифы не только были отдельными друг от друга народами, но и, что немаловажно, существовали современниками в определенную эпоху. Это в принципе не исключает того, что скифы в начале новой эры начинают уходить с этнической карты мира, а аланы продолжают фигурировать вплоть до позднего Средневековья в источниках. Однако, это аргумент против сторонников теории преемственности алан от скифов, которые к тому же выделяют, целую переходную между ними группу племен – сарматов. Сенека в своей трагедии часто прибегает к упоминанию многих стран и народов, при этом он, умело используя стихотворные формы, в общем не нарушает принцип поочередного перечисления географических названий в порядке их расположения, как в приведенном отрывке, так и на протяжении всего произведения. Перечисляя сначала греческие местности, он переходит далее на восток к аланам, а затем указывает область

Гирканию, которая соответствует современному Мазендерану, а также располагается восточнее, вдоль южных границ которого проходит высокогорный хребет, покрытый вечными снегами. Примечательно, что скифов Сенека упоминает после Гиркании, называя их кочевниками и, как мы видим, скифы могли располагаться далее, что соответствует территории Средней Азии.

Также в трагедии «Фиест» есть интересные места, где фигурирует этноним сарматы. Они упоминаются несколько раз как населяющие Кавказ, при этом упоминаются и Каспийский хребет, под которым автор подразумевает Кавказские горы. Наиболее интересен из этого произведения относительно сарматов следующий отрывок:

Не дашь меча? Так пусть же под ударами
Застонет грудь; Нет, руку удержи свою:
Не тронь теней. Кто видел злей нечестие?
Сармат ли – житель негостеприимного
Кавказа? Ужас ли земли Кекроповой.

[12:1991, с. 140].

Сенека дает картину общей территории расселения сарматов и алан как область Причерноморья и Кавказа, совершенно отделяя территориально от них скифов. При этом можно с уверенностью заявлять о том, что аланы в данной поэме перечисляются в группе известных к тому времени для античных авторов народностей и земель, и можно полагать, что они были хорошо знакомы автору.

Присутствие в одну эпоху скифов, сарматов и алан, а также их отличие друг от друга можно рассмотреть в произведении другого римского поэта Марка Аннея Лукана (39-65 гг.) «Фарсалия или поэма о гражданской войне» [7:1993]. Автор в своей поэме во многих местах упоминает алан, однако на протяжении всего произведения отмечены как скифы, так и сарматы. Причем, создается общая картина, что аланы и сарматы более близки друг другу и территориально, и в происхождении. Присутствие сарматов на Кавказе показывается в отрывке, где они предстают соседями мосхов – как называли в Античности жителей грузинской Месхетии:

Скифов бродячих орда, которую хладной водою
Бактра поток оградил, а Гиркания – лесом
дремучим.

Лакедемонцы встают, гениохи – свирепое племя
Всадников; вот и сармат, сосед жестокого мосха;
Фасис, который течет по полям изобильным
колхидян.

[7:1993, с. 270].

Как видно, скифы располагаются ограниченные Бактром (Амударья) и гирканскими лесами, что может соответствовать степям Средней Азии. Совершенно отчетливо показана земля алан, которую Лукан связывает с Каспийскими проходами – могут соответствовать либо Дарьяльскому, либо Дербенсткому проходам:

Если, о парфы, стремясь к проходам
Каспийским когда-то
Аланов гоня, загрубелых от вечного Марса
[7:1993, с. 220].

В дальнейшем разнородность аланов, сарматов и скифов мы находим в работе «Естественная история» Плиния Старшего (23-79 гг.), где можно обнаружить следующие моменты относительно этих этнонимов: «За Истром живут почти одни только скифы, но побережье занимают разные народы: то геты, которых римляне называют даками, то сарматы, по-гречески савроматы, и причисляемые к ним темасобы, или аорсы, то ненастоящие и происшедшие от рабов скифы, или троглодиты, затем аланы и роксаланы. Язиги-сарматы занимают расположенные более высоко поля и равнины между Дунаем и Герцинским лесом вплоть до паннонских зимних стоянок в Карнунте и границы с германцами, а теснимые последними даки – горы и лесистые места до реки Патиссы» [11:1953, с. 25].

В данном случае Иофиф Флавий (37-100 гг.), также один из ранних авторов, упоминающий в своих работах алан, не рассмотрен по той простой причине, что, во-первых, он приписывает скифам какое-то мистическое происхождение, во-вторых, как известно евреи в древности называли скифами всех жителей северных земель, ассоциируя их с мифическими племенами Гог и Магог [13:2002, с. 6]. Неудивительно, что он называет многие племена Кавказа и степей скифскими. В подтверждении этому можно привести примеры как авторы, ссылающиеся на Ветхий Завет при обозначении жителей определенных земель, отождествляли скифов с более поздними гуннами. Это говорит о том, что данные обозначения были для них территориальными. Так в «Толковании на Апокалипсис» Андрея Кесарийского мы находим: «Народы скифские, или как мы их называем гунны, самые воинственные и многочисленные из всех земных народов» [5:2007, с. 63].

Аммиан Марцелин в своей работе «Римская история» также определяет алан отдельно от скифов: «В местах, где оканчиваются горы,

называемые Имавскими и Апурийскими, живут в пределах Персии скифы, которые граничат с азиатскими сарматами и соприкасаются с крайними пределами земли аланов» [8:1996, с. 202]. На протяжении всего труда Аммиан Марцелин указывает к тому же и то, что аланы это смесь разных народов объединенных общими обычаями, наподобие современных народов Кавказа. Так, например, интересен отрывок из этой работы в подтверждение тому, что аланы представляли собой союз племен: «Аланы, разделенные по двум частям света, раздроблены на множество племен, перечислять которые я не считаю нужным. Хотя они кочуют, как номады, на громадном пространстве на далеком друг от друга

расстоянии, но с течением времени они объединились под одним именем, и все зовутся аланами вследствие единообразия обычаев, дикого образа жизни и одинаковости вооружения» [8:1996, с. 330].

Таким образом, ранние античные источники показывают собирательный характер рассматриваемого этнонима. Аланы представляли собой союз племен, подобно гуннскому. Несомненно, основой алан были как местные автохтонные кавказские племена, так и различные кочевые пришлые группы тюркского и иранского происхождения, и исключать один из этих этнических компонентов, ровно, как и отдавать предпочтение лишь одному является ошибочным.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. II. М.,-Л., 1950.
2. Дзокаева Т.К. Осетины в плену у аланов. Владикавказ, 2007.
3. Ингушско-русский словарь. Под ред. Л.У. Тариевой. Нальчик, 2009.
4. Исаев М.И. Аланский язык // Языки мира: Иранские языки. III. Восточноиранские языки. М., 1999.
5. Кесарийский Андрей - Толкование на Апокалипсис. М., 2007.
6. Кодзоев Н.Д. Очерки истории ингушского народа с древнейших времен до конца XIX века. Назрань, 2000.
7. Лукан Марк Анней. Фарсалия, или поэма о гражданской войне. М., 1993.
8. Марцеллин Аммиан. Римская история. М., 1996.
9. Мациев А.Г., Оздоев И.А. Ингушско-чеченско-русский словарь. Грозный, 1962.
10. Перевалов С.М. Еще раз о «варварских» фразах в «Теогонии» Иоанна Цеца // Проблемы истории, филологии, культуры. М.-Магнитогорск, 1998. Вып. V.
11. Плиний Старший. Естественная история (фрагменты) / "Античная география", составитель проф. М.С.Боднарский, ГИГЛ, М., 1953.
12. Сенека Луций Анней. Трагедии. М, «Искусство», 1991.
13. Флавий Иосиф. Иудейские древности. Вехи, М., 2002.
14. Moravcsik J. Barbarische Sprareste in der Theogonie des Johannes Tzetzes // Byzantinisch-Neugriechische Jahrbücher. 1930. Bd. VII. N. 3-4.

ГІАЛГІАЙ МЕТТА ТАБРАХЪДЕШАЙИ
ЦІЕРМЕТТДЕШАЙИ КОНВЕРСИВНИ БЕЛГАЛОНАШ

Хайрова Р.Р.

Ингушский научно-исследовательский институт
гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева

CONVERSION FORMATION OF NUMERALS
AND PRONOUNS IN THE INGUSH LANGUAGE

Hayrova R.R.

Аннотация: В статье рассматриваются конверсивные особенности имен числительных и местоимений в ингушском языке, в частности субстантивация данных частей речи. Субстантивированные числительные и местоимения в основном окказиональные, употребляются преимущественно в разговорной речи.

Ключевые слова: конверсия, субстантивация, окказиональный, узуальный, композит.

Abstract: The article discusses conversive features the names of numerals and pronouns in the Ingush language, in particular the substantivation of these parts of speech. Substantivized numerals and pronouns are mostly occasional, are used mainly in colloquial speech.

Keywords: conversion, substantivation, occasional, usual, derivation, composite.

Ціерметтдешаши табрахъдешаши моллаг-ла метта юкье шоай тайпара къамаьла доакъош лоархлаш да, хлана аьлча, цкъа-дале, уж метта юкье дукха дац, шозлагла-дале, уж кхоллаш кхыча дешай лардаша дакъа лацац. Боарамга диллача цу къамаьла доакъошта чуйолха лексемаш клезига яле а, метта юкье цар лоархлам клезига бац.

Ціерметтдешайи табрахъдешайи дошкхоллара белгалонаш ювцаш ала деза цхьаццайола цар формаш уж дешаш шоаш ларде а долаш шин наькъаца кхоллаш хилар – суффиксальнии (*мала – мала-гІа, вож – вож -дар*), композитнии (*со-се, хьо-хье*).

Иштта укх къамаьла доакъой дошкхоллара белгалонаш ювцаш гІалгІай метта хьоаха ца йича ялац конверси. Кхыча дошкхоллара наькъашта юкьера из хьакъаст ший тайпарча белгалонашца. Конверсивни наькъаца дош кхоллаш аффиксаша дакъа лацац, дош ший форма ца хувцаш кхыча къамаьла даькъага доалл. Цу тайпарча конверсе белгалонаш теркам гІаоз дуккхача Іилманхой.

Конверси дикка яьржа я дукхача метташка. ДукхагІболча лингвисташа конверсе кхо тайпа белгалду: субстантиваци, адъективаци, адвербиализаци.

ГІалгІай метта дукхагІа яьржа я субстантиваци. Субстантиваци геттар яьржа йолга хьахьокхаш, эрсий Іилманхочо А.А. Шахматова белгалдаьккхад, моллагла подлежаще е кхоачама синтаксически гІулакх белгалду къамаьла дакъа цІердешага дала йиш йолаш да, аьнна [4; с. 8]. ДукхагІа даькъе субстантиваци хул белгалдешаштеи причастештеи юкье, бакъда, клезига бац цун лоархлам табрахъдешаштеи цІерметтдешаштеи юкье а.

Ала деза, дукха дешаши дешай сочетанеши я гІалгІай метта табрахъдешаши цІерметтдешаши ларде долаш хьахинна. Дикка яьржа я уж къамаьла доакъош ларде а долаш хьахинна субстантивированни формаш а.

Субстантиваци хила йиш я гІалгІай метта лоламеча а лоламзача а табрахъдешай формаех. Масала: *пхиъ яьккхар, шиъ оттайир* ячача сочетанешка эрсий меттала аьлча «отметка» яха номинативни маІан да.

Субстантивни формаш кхоллаш дукхагІа даьржа да гІалгІай метта аргІан табрахъдешаш. А.И. Халидова белгалду, субстантиваташ формага диллача, аргІан табрахъдешаш да, маІанга диллача цхьанкхийтгача дешашта юкье цІердешаш санна лел [2, с.307]. Дар (*йар, вар, бар*) яха

класни формант тлакхийтта хьахинна арглан таьрахьдешай формаш субстантивированни я ала йиш йолаш я (шоллагIвар, виьлагIвар).

ГIалгIай метта цIерметтдешаш субстантивированни формашка доалаш хилча цар гойтара маIан дIа а даьле, номинативни маIан тIаэц. Уж дукхагIча даькъе цIерметтдешай лоIаме формаш я (*вождар, садар, дIаравар*), хIана аьлча, лоIамза цIерметтдешаш номинативни маIан долаш дац (*вож бер, са цIа, дIара кIаьнк*).

МаIанга диллача, субстантивированни цIерметтдешашта юкъе дукхагIдараш «гаргара нах, дезал» белгалбу маIан долаш хул. Масала, тхабараш яхача тIаозара цIерметтдешай лоIаме форма йоалаю гаргара нах, дезал, е доттагIал леладу нах хьоахабеча хана. Масала: *Тхабараш цIабаькка дукха ха я. Савар тахан цIагIа Iийнав. Тхабараш, савар* яхача тIаозара цIерметтдешай субстантивированни формаш йоалаю гаргара нах, дезал е доттагIал леладу нах белгалбеш. Цар номинативни маIан тIаэц.

Иштта субстантивированни формаш хиле лел ер цIерметтдешаш а: *Цхьабараи юхабаьккар. ХIаравар ладувгIаш вар. Берригаи арабайлар.*

Укхаза ала деза дукхагIча даькъе укх тайпара йола формаш окказионални йолга.

ЦIерметтдешашеи таьрахьдешашеи дакъа лоац чоалхане дешаш (композиташ) хьадеш а: *цхьан ден / однодневный, цхьан дешдаькъа / односложный, цхьан тайпан / принадлежащий одному роду, цхьан бessa / одноцветный, шин даькъа / двудольный, цхьан ашарах / в унисон, цхьан хана / однажды, цхьан ханна / одновременный, биьсаьна / четырехугольный, шийх бIубенна / самоуверенный, ший ханна / своевременно, ший тайпара / самобытный, ше-шех ле / говорить про себя, ший лоIаме / свободный.*

Иштта хьахул тайп-тайпара къамаьла доакьошта юкъе долха дешаш: белгалдешаш, куцдешаш, масдараш.

Иштта цIерметтдешашеи таьрахьдешашеи дикка дакъа лоац айттаяьнна сочетанеш кхоллаш а: *ворхI цIока яьккха / сдирать семь шкур, ший пхи пIелг санна / как свои пять пальцев; ши дага хила / сомневаться* и др.

ЦIерметтдешайи таьрахьдешайи санна, кхыча къамаьла доакьой а дошхоллара белгалонаш тохкаш дIахо болх дIабахьар геттара лорхIаме да гIалгIай мотт дегIабара а тахкара. Цу тайпарча балхах пайда эцаргба гIалгIай мотт тохкаш волчо а Iомабеш волчо а.

ПАЙДА ИЙЦА ЛИТЕРАТУРА:

1. Ахриева Р.И., Оздоева Ф.Г., Мальсагова Л.Д., Бекова П.Х. ХIанзара гIалгIай мотт. – Назрань, 1997. – 265 с.
2. Халидов А.И. Чеченский язык. Морфемика. Словообразование. – Грозный: Книжное изд-во, 2008. – 480 с.
3. Чокаев К.З. Морфология чеченского языка. Словообразование частей речи. Ч. 2. – Грозный: Чечено-Ингушское книжное изд-во, 1970. – 152 с.
4. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. – Л.: Учпедгиз, 1941. – 590 с.

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ТЕРМИНОВ ИНГУШСКОГО ЯЗЫКА, ОБОЗНАЧАЮЩИХ ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПОСТРОЙКИ

Костоева Ф.М.

Ингушский научно-исследовательский институт
гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева

Аннотация. В статье предпринята попытка проведения этимологического анализа терминов, обозначающих хозяйственные постройки в ингушском языке, с учетом возможного иноязычного взаимодействия отдельных строительных лексем ингушского языка.

Ключевые слова: этимология, ингушский язык, кавказские языки, наименования хозяйственных построек.

Как известно, при этимологическом анализе слова определяется вся история способа передачи данного слова в данном языке с определенной даты. Г. Шухарт пишет: «То, что мы называем этимологией, представляет собой не что иное, как редуцированную в большей или меньшей степени историю слов, а история слов, в свою очередь, не представляет собой какого-либо автономного фрагмента истории языка в целом, а напротив переходит без каких-либо четких границ в другие истории слов» [1922: 105].

Также известно, что слова легко заимствуются одними народами у других, что позволяет нам судить о контактах и культурных связях между народами, о которых до нас не дошло никаких других исторических свидетельств и памятников. Вместе с тем история слов, их возникновение и развития, является историей многовековых усилий человеческой мысли осознать явления природы и общественной жизни и овладеть ими. Таким образом, этимологические исследования имеют прямое отношение к двум краеугольным проблемам языкознания: к проблеме „язык и история" и к проблеме „язык и мышление".

Изучение ингушского языка в плане происхождения лексики необходимо для проведения сравнительно-типологических исследований с другими кавказскими языками.

В настоящей статье подвергаются рассмотрению с точки зрения происхождения лексемы, обозначающие хозяйственные постройки ингушей.

Названия разных помещений подсобно-хозяйственного назначения в ингушском языке представлены большей частью исконными словами.

Кхий «хлев для крупного рогатого скота». Кажется доказательным предположение Т.Б. Го-

ниашвили, который допускает производность лексемы *кхий* от общенахской основы *кхо* «кызык» [1975: 98], со свойственной для этих языков перегласовкой гласных *о-ий* при словообразовании. Ингушскому наименованию сарая «*кхий*» в чеченском соответствует слово *кхай* или его синонимический вариант *божал* (< *божа* – «скот», *-л* – словообразовательный суффикс) «сарай для крупного рогатого скота», используемое и в ингушском языке как вариативное наименование в значении «отстойник для скота» [ИРС 2009, 132]. Нахский термин *божал* производно от общенахского слова *божа* «скот» при помощи словообразовательного суффикса существительного *-л*. Вероятно, слово *божа* образовано от общенахского глагола *бажа* 'пасть', в котором происходит чередование корневой гласной (*а > о*). Взрывной согласный *б* в анлауте является классным показателем. В чеченском языке под словом *божал* подразумевается также и подсобное помещение для хранения дров [РЧС 2005: 592]. Возможность бытования корня *жа* как обозначения понятия «корова» в северокавказском ареале доказывается материалом абхазского языка, ажэ «корова» [ГФАЯ, 1969]. В ингушском языке при помощи суффикса *-л* от имен существительных, обозначающих сплошную массу, образуются производные термины путем превращения формы направительного падежа в самостоятельную форму производного имени.

Жел «кутан». Слово *жел* производно от лексемы *жа* «стадо овец» с помощью суффикса существительного *-л*, при образовании слова наблюдается переход корневой гласной *а* в *е*.

Жамотт (< *жа* «овцы», *мотт* «место») «кутан, место для овец». Данному композитному образованию ингушского языка, образованному с усечением форманта родительного падежа, в

чеченском соответствует *Ɂloma* в том же значении. Сложения подчинительного типа характеризуются тем, что первый компонент, который может быть представлен разными словами, служит определением по отношению ко второму компоненту. Если первый компонент – имя существительное, то он исторически (диахронно) представлен в форме родительного падежа, показатель которого часто отбрасывается, например: *жакарт* (< *жа* «овцы» + *карт* «забор») «загон для овец».

Іабсий моттиг «телятник (место для телят)». Данное составное название образовано путем сочетания существительного в родительном падеже множественного числа + существительное в именительном падеже: *Іабсий* (< *Іабса* «теленки») *-ий* – аффикс множественного числа генетива) и *мотт* «место», *-иг* – уменьшительный суффикс. Словосочетания данного типа можно считать одним из древних и распространенных сочетаний в ингушском языке. В чеченском языке *кІара* «телятник».

Говра моттиг «место для лошади, денник». Словосочетание *говра моттиг* сложилось из продуктивного сочетания в ингушском языке – существительное в родительном падеже + существительное в именительном падеже (< *говр* «лошадь», *-а* – аффикс генетива, *мотт* «место», *-иг* – уменьшительный суффикс). Приименный родительный падеж в таких сочетаниях имеет определительное значение и обозначает разнообразные признаки (принадлежность, материал и т.д.). Ингушскому терминологическому словосочетанию в чеченском соответствует слово *хъавьда* в том же значении.

Кхоале «соломенный навес». Вероятно, термин *кхоале* является древним отглагольным наименованием от нахского *кхолл* (ср. чеч. – инг. *кхуолл* – «набросить, накинуть, покрыть» (ср. чеч. *кхало*, бацб. *tak-qoillu* – «навес»; «крыша»), *yo* → *oa*). В веденском диалекте чеченского языка *кхоллар* – «навес в поле» (брезентовый, дощатый, железный) [Гониашвили 1975: 23]. В литературном чеченском языке для обозначения навеса служат слова *рагІу*, *лаба*, в бацбийском – *пардул*.

Тхов «сеновал (открытый навес для хранения сена)». Возможно, данное наименование образовано в результате метафоризации значения слова *тхов* «крыша», общего для некоторых кавказских языков (ср. груз. *тхави* «кровля»). Думается, лексема *тхов* в значении «крыша» является композитным образованием, возникшим посредством сложения основ *тхо* «мы» и древ-

неингушского слова *в* «мужчина», восходящее, по мнению Л.У. Тариевой, к глаголу бытия *ва* «есть, существует» [2015, с. 79]. Согласно этому утверждению, в ингушском языке лексема *тхов* дробится на *тхо* «мы» (ср. инг. *тха* «наш» – притяжательное местоимение) и *в* «мужчина».

Карм «огороженное место для скота». В этом же значении данная лексема используется в других кавказских языках (ср. чеч. *керт*, груз. (зап. диал.) *karta, kalta*, *мегр. karta it*, абх. *агарта* «загон», осет. *коерт* «двор», «загон для скота») [Абаев 1959: 104]. Думается, что данное слово относится к словам, к таким как «*ков*», «*кІур*», «*отар*», распространенных во многих языковых семьях (кавказских, угро-финских, индоевропейских и т.д.).

ХъагІар // *хъех* (в лит. чеч. *хъех* «пещера (место исполнения ритуалов)») «естественная пещера». Этимология слова затемнена.

Іун цІа «пастуший дом». Словосочетание *Іун цІа* сложилось из прилагательного *Іун* (< *Іу* «пастух», *-н* – аффикс генетива) и существительного *цІа* «дом». Производными чаще выступают относительные прилагательные, суффиксы которых по происхождению представляют собой форманты родительного падежа и разных форм местных падежей. Необходимо отметить, что относительные прилагательные по отношению к существительному обозначают неизменяемый признак предмета.

Бу «пастуший шалаш на летнем пастбище», «курытник». Думается, данная лексема является заимствованием, поскольку она встречается не только в кавказских языках (ср. каб. *бо* «хлеб», абх. *абора* «буйволятник»), но и в тунгусо-маньчжурских (ср. маньж. *боо* «жилище», «дом» < кит. *буан*, япон. *бо* «жилище») [Константинова 1967: 232]. Во всех языках наблюдаются соответствия гласных фонем (*y* // *o*). Вследствие этого в заимствованиях данного типа наблюдается меньшее количество фонетических изменений [Куркиев 1979: 127]. В чеченском языке данное слово сохраняет назализацию (ср. чеч. *бу^н*).

Чечено-ингушское *бун* // *бу* (й) – легкая постройка с двускатной кровлей, перекрытой камышом или ветками. Ингушам известны следующие разновидности шалаша:

эрзах яь бу «камышовый шалаш». Данное наименование сложилось в результате сочетания слов: *эрз* «камыш» (*-ах* – формант вещественного падежа), *яь* (< *е* «сделать») «сделанный», *бу* «шалаш», буквально означающее «шалаш, сделанный из камыша».

ардакхий бу «шалаш из досок». Составное

название *ардакхий бу* образовано путем сочетания существительного в родительном падеже + существительное в именительном падеже: *ардакх* «доска», *-ий* – аффикс множественного числа генитива, *бу* «шалаш». О продуктивности данного типа сочетаний строительной лексики говорит лексический материал: *хьайр-а кхера* (*хьайра* «мельница» + *кхера* «камень») «жернова мельницы»; *цI(a)-ен кIийле* «глиняный пол (основание) дома старинного типа» и т. д.

Отмечая фонетические различия среди лексем вайнахского словаря, необходимо отметить, что они возникли также в связи с утерей назализации в ингушском языке (ср. инг. *бу*, чеч. *бун*).

Лексические единицы, обозначающие предметы и явления строительной сферы в нахских языках, правомерно рассматривать как прото-

термины современной ингушской терминологии строительного дела, т.е. как номинации, применявшиеся в дописьменный период развития специальных строительных знаний и номинирующие не понятия, а специальные представления о тех или иных строительных реалиях. Именно на основе прототерминов нахского происхождения началось формирование ведущих сфер строительства – «Строительство башенного типа», «Строительство жилищ типа «*цIа*», получивших дальнейшее укрепление и совершенствование в последующие периоды развития ингушского языка. Возникнув еще в языческий период истории ингушей, данные лексемы отличаются большим семантическим разнообразием, а именно на их основе можно выявить принципы номинации, характерные для нахских народов.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Абаев В.И. Осетино-вайнахские лексические параллели // Известия Чеч.-ИнгННИИ ИЯЛ. Т.1. Вып. 2. Грозный, 1959. – 89-119 с.
  2. Гониашвили Т.Б. Основные термины, обозначающие строения в нахских языках // Ежегодник ИКЯ. Тбилиси, 1975.
  3. Константинова О.А. Тунгусо-маньчжурская лексика, связанная с жилищем // Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. Л., 1972. – 224 - 256 с.
  4. Куркиев А.С. Основные вопросы лексикологии ингушского языка.
  5. Schuhardt H. Ein Vademecum der allgemeinen Sprachwissenschaft. Halle, 1922. S. 105.
  6. Ингушско-русский словарь / Сост.: А.И. Бекова, У.Б. Дударов, Ф.М. Илиева, Л.Д. Мальсагова, Л.У. Тариева Магас, 2009.
  7. Русско-чеченский словарь / Сост: И.Ю. Алироев. М.: Академия, 2005.
  8. Тариева Л.У. Лингвопрагматический аспект высказывания // Филологические науки / Международный научно-исследовательский журнал. Выпуск № 6-2 (37) / 2015. – 78-80 с.
-

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

ГАРМОНИЯ ЭСТЕТИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ ИНГУШЕЙ (по материалам экспозиции «Ингушское подворье»)

Акиева Х.М.

Ингушский государственный университет

Аннотация: В статье рассматриваются представленные ингушской делегацией на VI-ом Фестивале культуры и спорта народов Кавказа в г. Махачкала объекты, демонстрирующие особенности народной культуры, в частности передвижная выставка – экспозиция интерьера «Ингушское подворье», предметы декоративно-прикладного искусства и одежды. Автором определяются положительные моменты представленной выставки, концептуально новые подходы – мастер-классы и театрализованные мизансцены.

Ключевые слова: экспозиция, эстетическое своеобразие, интерьер, подворье, мастер-классы, предметы быта, одежда, музей.

Кавказ – удивительный по своей природе, географическому ландшафту, историческим событиям, этнографическому разнообразию уголков мира. Интерес к нему проявлялся с древнейших времен и усиливается на современном этапе. Одним из проявлений такого интереса стал фестиваль культуры и спорта народов Кавказа «Кавказские игры», проходящий ежегодно в различных субъектах Северо-Кавказского федерального округа Российской Федерации. Данный фестиваль – уникальное явление современного времени, так как способствует не только сохранению и популяризации традиционной культуры и национальных видов спорта, но и является основой консолидации различных народов. «Одним из конструктов культурной идентичности новейшего времени, наряду с музыкой, изобразительным искусством, архитектурой, живописью, кинематографией, стал выступать спорт» [1, с. 87].

Недавний VI-й Фестиваль культуры и спорта народов Кавказа прошел в г. Махачкала, приуроченный к знаменательной, исторической дате – «2000-летию» Дербента – одного из самых старейших городов Северного Кавказа. Участниками «Кавказских игр» были все представители субъектов СКФО, гости, жители, туристы. Народы Северного Кавказа на материалах разных исторических эпох демонстрировали особенности своей культуры, традиции и обычаи. Спортсменами были показаны свои спортивные достижения, для любителей искусства были от-

крыты экспозиции, в которых было представлено многообразие видов культур, искусств и декоративно-прикладного творчества.

Республика Ингушетия представила участникам передвижную выставку – экспозицию интерьера «Ингушское подворье». В экспозицию выставки вошли произведения изобразительного и декоративно-прикладного искусства ингушского народа. Экспозиция «Ингушское подворье» включала особенности экстерьера – окружающая среда у входа в жилую башню, и интерьер гостиной. Эстетическое своеобразие предметов быта ингушей: войлочные ковры ручной работы – «истанг, хетта ферта», водоносный кувшин – «к1удал», стол на трех ножках – «шу», керамические миски, сосуды ручной работы – «топарахьякхабилг», «кад».

Посетителей экспозиции встречал интерьер гостиной жилой башни. У входа в башню была воссоздана панорама занятости членов семьи бытовыми хозяйственными работами. Представленные предметы быта – войлочные ковры ручной работы, медные изделия – водоносный кувшин, кумган, деревянные предметы – таз для замешивания теста, тарелка для национальной пищи, сосуды из обожженной глины различной формы, привлекали внимание зрителей, посетителей выставки своей формой, орнаментальным декором, цветовой гаммой. Рациональность предметов быта, умение расположить их так, чтобы каждый предмет отражал не только его утилитарную функцию, но и его эстетическую,

художественную форму – красоту было главной задачей экспозиционера «Ингушского подворья».

Шляхтина Л.М. отмечает, что «актуальным в экспозиционной работе является вопрос об объеме экспозиции, о количестве представленного в ней материала, правильном отборе экспонатов, соотношении подлинников и вспомогательного материала... важным этапом при этом можно считать ее научное проектирование» [7, с. 15] Экспозиция временной, передвижной выставки «Ингушское подворье» была создана на оригиналах музейных предметов Государственного музея краеведения им.Т.Х. Мальсагова (г. Назрань), систематизированные соответственно историческим периодам, а также произведений живописи и прикладного искусства Государственного музея изобразительных искусств (г. Карабулак).

Археологические и этнографические ценности материальной и духовной культуры в сочетании с произведениями изобразительного и декоративно-прикладного искусства, а так же, сам процесс производства вызвали большой зрительский интерес. «...Экзотика и обаяние Кавказа были настолько велики, что дилетантско-художники не могли отказаться от того, чтобы в меру своих способностей запечатлеть виды природы, человеческие «кавказские типы» и батальные эпизоды» [3, с. 5]– верно отметили музеологи В.А.Кореняко, А.П. Акопьян.

Автором данной статьи была сделана попытка соединить в одном экспозиционном поле различные виды декоративно-прикладного искусства. У каждого мастера свои индивидуальные черты работы над произведением, которые вызывают особый интерес у посетителей. «Дизайн-объект «Ингушское подворье» был включен в жизнь пользователя, подчинен законам бытового времени» [6, с. 214].

В ходе экспозиции представителями ингушской культуры были проведены мастер-классы. Такой способ трансляции опыта приводит к непосредственному обсуждению предлагаемого традиционного продукта, основана на практическом взаимодействии автора и посетителя, это возможность передать и свои авторские идеи. Так, Заслуженный деятель искусств Республики Ингушетия Р. Т. Тангиева провела мастер-класс, продемонстрировав технику работы над ворсовым ковром, рассказала о подборе нитей, выборе сюжета, так что каждый желающий, мог принять участие в процессе. В 1982 на Международной ярмарке в Лейпциге авторский ковер «Мозаика»

был отмечен золотой медалью. Художник М. Я. Мартазанов демонстрировал процесс работы над рисунком в технике пастель. Мастера Л. М.Гиреева, Л.М. Мурзабекова показали свои работы по шелку и провели мастер-классы в технике «батик». Несмотря на то, что техника работы в этом направлении – явление в изобразительном искусстве Ингушетии новое, однако уже есть успехи на этом поприще.

Не оставили равнодушными посетителей работы по металлу, представленные мастерами А.Х. Галаевым и Б.Ю. Торшхоевым. Посетители «Ингушского подворья» увидели инструментарий, с помощью которого мастера создают горельефное, барельефное тематическое изображение образа. Перед посетителями в режиме реального времени разворачивался сюжет истории из металла.

Разнообразные предметы из войлока народных мастериц А.Х. Даурбекова, Р. М. Ахильгова с воссозданными этническими орнаментами стали достойным продолжением экспозиции «Ингушское подворье». Концептуально новым было использование во время мастер-класса авторской техники А. Даурбековой «мокрое валяние».

Новым видом декоративно-прикладного искусства ингушского народа является «кап» или «капо». Мастерство А. Д. Цуроева, выраженное в особом видении форм растительного мира, в тонкой лессировке древесной структуры и итог работы – созданный образ вызывали всеобщий интерес посетителей подворья. Композиция А.Д. Цуроева, созданная из предметов быта: кресло, стол, ваза напольная, созданная в технике «кап», особо привлекала внимание посетителей «Ингушского подворья» и была отмечена руководителем официального открытия «Кавказских игр» – главой Республики Дагестан, профессором, доктором философских наук Р.Г. Абдулатиповым. Представленные произведения декоративно-прикладного искусства мастера в резьбе по дереву Хамчиева Ю.М., такие как «Сенокос», «Дорога домой», «Косарь», «Стадо» и др. также не оставили посетителей равнодушными, выражая яркие эмоции.

На «Кавказских играх» в «Ингушском подворье» была представлена открытая экспозиция ювелирных украшений ингушей: холодное оружие, газыри, мужской кожаный пояс, женские украшения: нагрудник, пояс, серьги, височные подвески. Новая форма нагрудника к свадебному платью ингушской невесты и женские украшения мастеров Б.А. Дахкильгова, М.З. Мурзабекова вызвали не только интерес, но и огромное

желание их приобрести. Посетители выставки могли так же попробовать свои способности в процессе изготовления того иного вида украшения.

Таким образом, зрителям была предоставлена возможность видеть сам процесс работы мастеров декоративно-прикладного искусства. Демонстрация рабочего процесса привлекала молодежь возможностью определить свои творческие способности, а для некоторых – совершенствования своего мастерства.

Основная задача экспозиционера – раскрывающая особенности национальной культуры, эстетические ценности традиций, обычаев, этикета ингушского народа, воспитывать человека и пропагандировать самобытную культуру народа. Н.Ф. Федоров, определяя программу гармонизации отношений человека с его окружением, отвел в ней «вполне определенную и притом весьма важную роль музею, однако не реально существующему в то время, а новому, идеальному... музей должен будет воспитывать, формировать нового, гармоничного человека, созидателя, способного существенно видоизменить мир, готовить его к будущему воскрешению ушедших поколений и их всеединству на братской основе» [5, с. 381].

Позволим себе отдельно остановиться на представленной в экспозиции «Ингушское подворье» национальной одежде. Общность исторического развития народов Северного Кавказа, разнообразные культурные связи, уходящие своими корнями в далекое прошлое, способствовали появлению общих форм во многих областях материальной культуры, в том числе в одежде, украшениях. Исторические формы одежды народов Северного Кавказа XVIII – XX вв. – результат длительной эволюции сферы материальной культуры, для которой характерны как спонтанная динамика саморазвития, так и адаптации иноэтнических заимствований при сохранении индивидуальных черт.

Своеобразие нравственных норм и эстетического вкуса заметно сказалось в одежде ингушей, как впрочем, и у многих других народов Кавказа. Эстетическое в одежде выражает в определенной мере самобытность народного духа, традиций и обычаев. Красота одежды позволяет выявить физическую красоту и духовное богатство человека, осуществить гармоническую связь образа человека с внешней, окружающей средой. Горский костюм и раньше был знаком русскому читателю по произведениям художественной литературы А.С.Пушкина, М.Ю.Лермонтова,

Л.Н. Толстого. Но поэтические образы «горцы», «горянки», естественно, не могли передать всей красоты, многообразия, различий одежды народов Кавказа, а «Ингушское подворье» позволяло каждому посетителю в непосредственном общении выявить специфические особенности, как конкретного элемента, так и в целом всего национального костюма. Еще этнограф Е.Н. Студенецкая ставила вопрос о необходимости «историко-этнографического изучения такого подвижного и изменчивого элемента культуры, как одежда...» [4, с. 11].

Праздничную традиционную и новационную одежду ингушей представили модельеры З.А. Инаркиева, М. Албагачиева, И. Ильясова, М. Мужухоева. Манекены в традиционной одежде, свадебном наряде, с измененной формой кроя, цветовой гаммой в ингушских головных уборах «курхарсах» и обуви ручной работы из кожи вызвали много вопросов.

Живой отклик нашли авторские модели одежды, которые были использованы актерами в мизансценах, что позволило посетителям наглядно увидеть колорит и гармонию традиционной одежды ингушей в сочетании с интерьером гостиной жилой башни в окружении предметов декоративно-прикладного искусства. Экспозиционер предоставил ведущую роль артистам «Барт» под руководством А. Сусуркиевой и государственному ансамблю «Ингушетия» – художественный руководитель И. Гадаборшев, которые подготовили театрализованные мизансцены: «вход невесты в дом жениха», «занятия девушек в свободное время», «диалог невесты с другом жениха». Эстетическое проявляется в моделировании основных конструктивных деталей, поисках пропорций всего ансамбля, фурнитуры, в умении расположить на определенных деталях одежды басонные изделия ручной работы, придающие костюму ингуша изысканный вкус. В эстетике поведения ингушей существует четкая определенность возраста, социального положения, что непосредственно находит отражение и в одежде.

Ученый-этнограф Е.Н. Студенецкая справедливо отмечает, что «эстетические и практические цели совпадали и диктовали формы одежды» [4Б с. 147]. Разнообразие видов комплекса при довольно примитивной технологии, образная передача силуэта, основных и дополнительных деталей, цветовой гаммы – процесс для мастерицы сложный, требующий опыта и художественного мышления. Поэтому неудивительно, что «секреты» своего мастерства мать пере-

давала дочери, отец – сыну. Эти особенности наблюдаются в различных ремеслах, которые с успехом возрождаются и дают положительные результаты.

Традиционные формы одежды, головных уборов, предметов быта постоянно совершенствовались, но вносимые изменения не нарушали гармонию изделия и, в общем, гармонию интерьера и экстерьера.

«Ингушское подворье» разрешило на «Кавказских играх», которые проходили 27 сентября 2015 году в г. Махачкала, основную задачу программы 11 Межрегионального форума тематической площадки № 3 «Образование и культура как основы национальной идентичности». Участников «Кавказских игр», гостей, туристов, жителей привлекало «Ингушское подворье» новой формой музейной экспозиции, отражающей этическое-эстетические ценности материальной и духовной культуры ингушского народа, а экскурсионное обслуживание – оригинальными индивидуальными чертами национальной культуры.

Уникально-историческая территория – концепция, разработанная Российским НИИ культурного и природного наследия, явилась основой экспозиции «Ингушского подворья». Интерьер «Ингушского подворья» – один из отделов музейной экспозиции планируемого историко-этнографического музея Ингушского государственного университета. В экспозиции музея в соответствии с его профилем в тематико-экспозиционном плане на базе археологического, исторического, археологического, этнографического материала будут включены новые дизайнерские

проекты. Музей станет фундаментальной основой инновационных технологий образовательного, патриотического, гражданского воспитания молодежи. Концепция «Историко-этнографический музей» Ингушского государственного университета» была обсуждена на тематической площадке № 3 «Образование и культура – основы национальной идентичности».

24-25 января 2016 г в г. Ставрополе состоялся Межрегиональный форум Общероссийского Народного Фронта, на котором члены тематической площадки единогласно одобрили один из разделов музея «Ингушское подворье». Проект «Историко-этнографического музея» Ингушского государственного университета вызвал большой интерес и готовность принять активное участие в церемонии его открытия. Участники Межрегионального форума выразили ректору Ингушского государственного университета профессору, доктору филологических наук Мартазанову А.М. и проректору по научной работе профессору, доктору химических наук Султыговой З.Х. благодарность за введение такого инновационного объекта как музей в учебный процесс.

В целом, «Кавказские игры» и передвижные выставки открыли всем посетителям, участникам, туристам, что тема «двора» XXI века может стать предметом специальных исследований, в которых городской двор будет рассматриваться как продуманное и организованное средовое пространство с точки зрения высоких образцов, как полноценная часть культурного пространства города» [2, с. 245].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Абдулкаримов С.А. Спорт и культурная идентичность в обществе: история и современность. Жур. Этнографическое обозрение. М. №5, 2004
2. Ершова М.Г. Предпосылки гуманизации среды современного города. Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник МГХПА. М. №3. 2013
3. Коренько В.А., Акопян А.П. Горцы Северного Кавказа глазами художников. Каталог выставки. Ставрополь. 1997
4. Студенецкая Е.Н. Одежда народов Северного Кавказа XVIII-XX вв. М. 1989
5. Федоров Н.Ф. Музей, его смысл и назначение //Собр. Соч. в 4т.- Москва. Т.11.1995
6. Фрейверт Л.Б. Хронологические аспекты художественной формы в дизайне //Сб. ст. Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник. МГХПА. М. №3 2013
7. Шляхтина Л.М. Основы музейного дела. Теория и практика. М. 2005

ИЛЛЮСТРАЦИИ

1. Глава Республики Дагестан Р.Г. Абдулатипов и экскурсовод Х.М. Акиева обсуждают предметы вооружения ингушей. Холодное оружие. КонецXVII – нач. XIX вв.

2. Сотрудники музея краеведения и музея изобразительных искусств (Акиева Х.М., Хамхоева М.Б., Евлоева Л.Х., Местоева З.М-Г.)

3. Галаев А. Панно. Виноград.
Художественная обработка металла

4. Кукла в национальном костюме. Автор Инаркиева З.А.

5. Дорога домой, дерево, липа. Автор Хамчиев Ю.М.

6. Ворсовый ковер. Примирение. Автор Тангиева Р.Т.

ПЕДАГОГИКА

ОСОБЕННОСТИ ОБУЧЕНИЯ И ВОСПИТАНИЯ ДЕТЕЙ В ЯПОНИИ

Танкиев В-Г.Х.

Ингушский научно-исследовательский институт
гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева

Аннотация: в работе предпринята попытка показать особенности обучения и воспитания детей в Японии. Приводятся примеры воспитательного воздействия родителей на детей, показаны формы, методы и особенности воспитания детей в дошкольных учреждениях Японии.

Ключевые слова: поведение ребенка, эмоциональный контакт с ребенком, вербальное общение, умственное развитие детей, учет индивидуальных способностей ребенка, детский сад, школа.

PECULIARITIES OF JAPAN CHILDREN TEACHING AND EDUCATION

Tankiev V-G.Hk.

Annotation: the work tries to show the peculiarities of Japan teaching and education of children. There are shown examples of educational parents influence on children, presented forms, methods and specialities of children upbringing at Japan pre-school institutions.

Key words: child behaviour, emotional contact with child, verbal communication, child mental development, taking into account individual capacities of children, kindergarten, school.

Основной смысл первичной социализации детей в Японии может быть сформулирован несколькими словами: отсутствие для маленьких детей каких-либо ограничений.

Воспитательная доктрина в Стране Восходящего Солнца, отмечал Г. Востоков, применяется к детям с такой мягкостью и любовью, что не действует угнетающим образом на душу детей.

«Никакой ворчливости, никаких строгостей, почти полное отсутствие телесных наказаний; давление на детей оказывается в такой мягкой форме, что кажется, будто дети сами себя воспитывают, и что Япония – детский рай, в котором нет даже запрещенных плодов» [2, с.29]. Подобное отношение к детям, существовавшее в Японии на протяжении столетий, в основе своей не изменилось и сегодня: родители ведут себя с детьми так же, как и раньше.

Основную роль в воспитании ребенка в Японии играет женщина. Японка склонна регулировать поведение ребенка посредством воздействия на чувства и на возможные последствия поступка. Она избегает конфронтации с волей

и желанием ребенка и чаще выражает свое недовольство косвенно. Она пытается расширить эмоциональный контакт с ребенком, рассматривая его как основное средство контроля.

Японская мать избегает утверждения своей власти, поскольку это ведет к отчуждению ребенка от матери. Для нее самым важным является демонстрация на собственном примере правильного поведения в обществе, а не вербальное общение с детьми [13, с. 69].

Японская женщина делает акцент на проблемах эмоциональной зрелости, податливости, гармоничного взаимоотношения с другими людьми. Именно для этого ребенка и отправляют в дошкольные учреждения.

Японские дошкольные учреждения рассчитаны на детей от 1 года до 5 лет. Эти учреждения не разделяются на ясли и сад и поэтому воспитательная стратегия в них единая.

В отличие от наших детей японские дети идут в школу в шесть лет. В детский сад детей принимают, так же как и в школу, только в начале учебного года, в апреле. В результате обеспечи-

вается возможность планировать и осуществлять общую для детей всех возрастов программу развития и обучения [3; с. 25].

Детский сад и ясли в Японии - это места, где дети проводят большую часть своего времени и где, соответственно, оказывается влияние на формирование их характера.

Основная задача дошкольного воспитания в Японии, как и у нас, это общее развитие и подготовка детей к школе. При этом много внимания здесь уделяется развитию трудолюбия, самостоятельности, дисциплины и творческой инициативы [14, с. 57]. Чего не скажешь о наших дошкольных учреждениях.

Эти задачи японские педагоги решают средствами главных видов деятельности на каждом возрастном этапе - в играх, на занятиях (литература, музыка, изобразительное искусство, общественная жизнь, природа и окружающий мир, физическое развитие), при подготовке к праздникам и развлечениям [6, с. 32]. Существенной разницы между государственными и частными детскими садами в содержании педагогической работы нет.

Для определения ребенка в ясли и детский сад (работающий, как правило, с 8 утра и до 6 вечера) нужно доказать, что оба родителя работают больше четырех часов в сутки [8, с. 41]. Причем доказать это нужно с документами в руках, а потом два раза в год подтверждать, что служебная нагрузка остается на прежнем уровне.

Это требование - согласно проведенным в стране опросам - является, по мнению самих японцев, главным недостатком дошкольного образования в Японии.

Основной целью, ставящейся перед детским садом, является «умственное развитие детей, укрепление их физического здоровья, обеспечение благоприятной окружающей обстановки, в которой дети могли бы чувствовать себя комфортно, безопасно, и которая способствовала бы раскрытию их индивидуальных способностей в полной мере» [4, с. 43].

Такая общая цель ставится перед всеми детскими садами страны.

Несколько слов о японских педагогах, об их работе. В отличие от наших педагогов, это люди, беззаветно преданные своему делу, любящие детей. Их волнует многое: этическое, эстетическое воспитание детей, будущее японских детей, положение в стране, бесконечное множество профессиональных, методических и иных проблем.

Воспитатели, помимо обычных медицинских сведений, данных о составе семьи, профес-

сии родителей и прочего ведут карту наблюдения за развитием ребенка: тщательно регистрируют особенности поведения малыша в коллективе, контакты в группе, его характер, особенности поведения в той или иной ситуации и т. д. Все эти наблюдения доводят до сведения родителей, обсуждают с ними. Хорошо бы внедрить эту систему и у нас в республике.

В качестве важных направлений дошкольного воспитания в Японии выделяется «укрепление взаимоотношений взрослых с детьми, формирование у них навыков самостоятельной деятельности, обладание педагогическими технологиями, образование в дошкольном учреждении доброжелательной среды для развития ребенка» [6, с. 34].

Следует отметить, что повышенное внимание к группе как эффективному фактору в воспитании дошкольников получило довольно широкое распространение в профессиональных и общественных кругах Японии.

Разработкой воспитательной доктрины дошкольного обучения и воспитания в Японии занимается Всеяпонский центр по координации деятельности дошкольной педагогики.

В Токийском муниципалитетном институте воспитания есть дошкольное отделение, которое оказывает методическую помощь педагогам детских садов. В отделении работает 9 человек. Каждый из них совместно с одним из воспитателей разрабатывает рекомендации по вопросам умственного развития, взаимосвязи коллектива и личности, воспитания в семье, организации окружающей среды и т.п. По этим вопросам выпускаются сборники, методические разработки [5, с. 84-86]. Эта общая цель в свою очередь распадается на вполне определенные задачи, которые ставятся перед наставниками в воспитании детей определенного возраста.

Так, основной задачей для самых маленьких является «пробуждение уверенности в себе, своих силах и приобретение ими необходимых жизненных навыков путем обучения их языку в благоприятной обстановке» [15, с. 48].

Японские педагоги считают, что целенаправленное формирование навыков общения нужно начинать именно с годовалого возраста, когда дети в буквальном смысле едва встают на ноги. Реализуя эту цель, японские воспитатели придерживаются следующих принципов:

изучать и учитывать возрастные особенности (что в этом возрасте ребенок может делать, что он хочет делать и чему его можно обучать);

изучать и учитывать индивидуальные осо-

бенности (что нравится ребенку делать и что он делает легко, что не любит делать и что дается ему с трудом);

максимально использовать для обучения различным навыкам конфликтные ситуации, которые постоянно возникают в естественной жизнедеятельности группы [11, с. 23].

Конкретные задачи обучения годовалых детей тоже вполне определенные: научить ребенка выражать свои желания и потребности словами; научить элементарным умениям - самостоятельно есть, пользоваться горшком и т.п.

Привить первичные навыки общения: приветствие, приглашение играть, выражение благодарности и т.п. [2, с. 29].

В Японии очень популярен групповой метод - «воспитывать, обсуждая», то есть обсуждать в группе с детьми все их поступки и действия, которые они совершают или могут совершить, а также более совершенный метод «воспитывать, убеждая», то есть проводить обсуждения таким образом, чтобы дети сами, на собственном опыте, убедились, что поступать или действовать нужно так, а не иначе, хорошо, а не плохо [14, с. 107-109].

У годовалых детей часто возникают «конфликтные» ситуации из-за игрушек. Однако даже ссоры, по мнению японских педагогов, являются важным элементом межличностных отношений, так как по мнению Мисару Ибука (автора новейших концепций воспитания и обучения детей в раннем возрасте), «ссоры важны потому, что они развивают личную инициативу. Вмешиваться в ссоры детей – значит мешать развитию инстинкта, жить в коллективе» [4, с.165].

Итак, уже на первом году общения у детей стараются выработать стабильные групповые отношения, когда каждый может «высказать свое критическое отношение к тому, что ему не нравится, выслушать совет, осмыслить реакцию товарища и т. д.» [4, с. 58]. К сожалению, в наших яслях и детских садах воспитатели это делают крайне редко.

Известно, что два года это такой возраст, когда происходит развитие речи, в игровых ситуациях формируются основные двигательные навыки.

Эффективность воспитательного воздействия, по мнению автора статьи о двухлетних детях, зависит от двух важнейших условий: «использование игры в процессе обучения и поощрение стремления детей делать все самим» [15, с. 21].

Задачи, стоящие перед воспитателями двух-

летних детей: бережно относиться к каждому ребенку, привить всем детям элементарные умения и навыки в таких жизненных сферах, как еда, сон, одевание, поддержание чистоты;

в перспективе научить ребенка самого себя обслуживать, деликатно помогая ему делать первые шаги на пути к самостоятельности;

научить детей понимать и запоминать слова, необходимые им в игре и самостоятельной деятельности, чтобы в случае возникновения каких-нибудь потребностей или конфликтных ситуаций они умели словесно выражать свои желания;

развить в детях основные двигательные способности – правильно ходить, бегать, прыгать, перешагивать через препятствия и т.п.;

сделать жизнь детей в саду приятной и счастливой, бережно относиться при этом к стремлению каждого ребенка к самостоятельности;

с помощью игр привить детям навыки общения и совместных действий, радость от которых они должны научиться ценить.

Итоги психологических исследований в Японии свидетельствуют о том, что манипуляция тесно коррелируется с интеллектом. Поэтому в этом возрасте дети активно вовлекаются в манипулятивную деятельность.

Большое внимание уделяется прикладному творчеству: рисованию, аппликации, *оригами*, *оятори* (умение плести из натянутой на пальцы тоненькой веревочки замысловатые узоры и узелки).

Такие занятия, по мнению японцев, прекрасно развивают мелкую моторику пальцев рук, которая особенно необходима японскому школьнику для написания иероглифов [5, с.127].

Целью воспитания трехлеток является интенсификация работы по формированию представлений об обязанностях и их распределении путем различных игровых ситуаций, имитирующих разнообразные стороны жизни.

В группах трехлетних детей продолжается закрепление навыков индивидуальной самостоятельности, но теперь обучение происходит в форме взаимопомощи и, если так можно выразиться, взаимообучения.

Особое внимание уделяется развитию навыков группового взаимодействия и совместной деятельности. Начинается работа по формированию представления об обязанностях и их распределении, что в будущем должно стать основой группового самоуправления [9, с. 36].

Поскольку с течением времени самостоятельность детей возрастает – они все хотят делать сами, воспитатель постепенно подводит

детей к такому виду общественной работы, как дежурство.

Детям предоставляется возможность обдумывать и обсуждать вопросы дежурства. Для кого нужна работа дежурного? Кто может быть дежурным? Что нужно делать во время дежурства? Как должен вести себя дежурный?

В отличие от наших воспитателей, их японские коллеги демонстрируют удивительное терпение при выслушивании всех предложений, иногда совершенно невероятных.

Но еще более удивительно, что для самих воспитателей это не великомученический подвиг, а осознанная стратегия – будить детскую мысль и формировать устойчивую мотивацию к активной групповой деятельности.

Новым в этой возрастной группе является совместная самостоятельная деятельность. Например, самообслуживание, когда группа трехлеток впервые остается на ночь в детском саду. У нас такого нет.

Тщательная подготовка детей к этому событию как бы «программирует» их поведение. И ничего страшного не происходит, само событие затем подробно анализируется, и это, конечно, служит наглядным и осознанным уроком развития самостоятельности.

Особый интерес представляет кропотливая работа воспитателей по организации «общего дела», цель которой – дать трехлетним детям возможность испытать чувство радости от совместных усилий, которые успешно завершаются [5, с. 22].

Едва ли не самым важным инструментом воспитания маленького японца является хоровое пение. Именно хоровое, так как выделять отдельного японского ребенка из группы, по японским меркам, крайне непедагогично.

Детское хоровое пение – один из основных методов развития чувства единства с коллективом, и поэтому оно играет такую большую роль в воспитании полноценного члена будущего японского общества.

Четырехлетних детей обучают отличать хорошее от плохого, доброе от злого, быть оптимистами, уверенными в себе, в свои способности и возможности [7, с. 32].

Японские воспитатели считают, что в четырехлетнем возрасте можно начинать формирование еще одного индивидуального качества – чувства общественного долга.

А подготовительная работа к этому началась, как мы видели, раньше – с четкого определения круга обязанностей дежурного в младших группах.

Само по себе дежурство преследует главным образом сугубо психологические цели: сначала сформировать представление об обязанностях дежурного, а затем при помощи групповых процедур обсуждения и оценки закрепить эмоциональное отношение к деятельности дежурного как к чему-то в высшей степени «полезному» и «хорошему» [10, с. 19]. Нетрудно себе представить, что наш принцип учета особенностей детей для японского воспитателя покажется, по меньшей мере, странным.

Японский воспитатель (да и не только воспитатель, а каждый японец) твердо знает, что все учесть невозможно. Учитывать, считает он, необходимо только то, что, как уже говорилось, служит цели деятельности [2, с. 221].

Для воспитания четырехлетних детей очень важны обязательные ежедневные дежурства. В обязанности четырехлетних дежурных входит следующее: «Утром, придя в сад, прикрепить значок дежурного. Проверить число детей в группе. Раздать материал для занятий. При подготовке к еде вытереть столы, накрыть их, обслужить сидящих за столом, убрать посуду после еды. Перед возвращением домой снять значок дежурного и передать его следующему» [7, с. 28].

Основной задачей в группе пятилетних детей является дальнейшее углубление и расширение навыков совместной деятельности. В качестве средства ее решения используется большое мероприятие – «общее дело», которое планируется не менее чем на один месяц. Все это время жизнь в детском саду предопределяется «общим делом» [12, с.17]. Дети что-то предлагают, обсуждают, выбирают, решают, делают, потом опять обсуждают, оценивают, опять предлагают и т. д. При этом каждый раз выделяется стереотипная последовательность: решили, сделали, получили результаты. «Замечательно! Молодцы!» Все друг друга поздравляют, устраиваются праздники, фейерверки... Радость искренняя для каждого и для всех [16, с. 36].

Здесь стоит обратить внимание на одинаковые схемы деятельности детей. Они и делают все, и обсуждают в одной и той же последовательности, которая, конечно же, не случайна, она продумана в соответствии с научной методологией. Методология, как известно, занимается теорией и практикой организации деятельности, в том числе мыслительной, а также разработкой схем и норм деятельности, которые и используются японскими воспитателями.

Но вернемся к «общему делу» пятилетних

детей. За время его проведения дети учатся помогать друг другу выполнять тщательным образом (и обязательно до конца) разного рода работу, учатся контролировать друг друга.

Самым важным условием воспитательного успеха «общего дела» является достижение полной самостоятельности детей. Но это не стихийная самостоятельность, когда дети делают что-то без ведома педагога. Каждый ребенок что-то делает для достижения успеха в выполнении общего дела под руководством педагога.

Для японского воспитателя «самостоятельность» – это определенным образом организованная ситуация взаимодействия, при которой ребенок обретает полную уверенность в том, что он «сам» хочет осуществить заданную воспитателем деятельность.

Обычно ребенок оказывает сопротивление прямому приказу, стремясь к независимости и самостоятельности. Японские воспитатели в таких случаях предлагают психологически продуманную тактику даже при самой обычной процедуре, например, при одевании малыша. Чтобы ребенок не возражал и не произносил извечное «не хочу», нужно вместо «надевай штанишки» сказать: «ты с какой ножки начнешь, с этой?», то есть дать возможность выбора. «Нет, с этой», – упрямо и независимо ответит ребенок и надеет штанишки со своей ноги. При такой тактике воспитателя, по мнению японцев, у ребенка действительно формируется активная жизненная позиция, но в рамках содержания, строго заданного взрослыми. А как в такой ситуации поступают наши воспитатели?

Для пятилетних детей предлагается еще одна проблема - проблема лидерства в группе. Психологическая задача здесь состоит в том, чтобы каждый член группы почувствовал, что может стать лидером.

Ролевая деятельность оказывается очень эффективным способом развития и воспитания, дающим возможность ребенку посмотреть на себя и свое поведение со стороны, понять на собственном опыте, что делает, став на его место, другой. «В результате дети начинают относиться друг к другу с большим сочувствием и доверием, а это, естественно, улучшает отношения в группе» [2, с. 226].

По мнению японских воспитателей, каждому пятилетнему ребенку необходимо достичь следующего:

Есть все, что дают, нравится или нет. В хорошую погоду играть на воздухе, чтобы закалиться. Обязательно спать днем. Не пропускать

посещения детского сада. Самому себя обслуживать. Самостоятельно намечать планы какой-нибудь деятельности и выполнять их. Смело браться за дело (умение), с которым сталкиваешься впервые, и прилагать все силы, чтобы научиться этому делу (умению). Не только самому хорошо делать, но и обдумывать, как научить этому товарищей. Не забывать, что решение проблемы легче найти сообща, самых лучших результатов можно добиться только совместными усилиями. Дружно, весело заниматься разнообразными делами, чтобы всем вместе продвигаться вперед [12, с. 36-37]. Воспитатель обязан повышать у детей сознание принадлежности к старшей группе. Стимулировать стремление к самостоятельному выполнению любой работы в группе. Постоянно вовлекать новичков в разного рода отношения с другими детьми в группе, налаживая дружеские контакты.

Выявлять лидеров, ориентирующихся в коллективной жизни всего детского сада. «Обогащая жизненный опыт детей, систематически руководить развитием их индивидуальных способностей и готовности к различной деятельности» [14, с.10]. Пятилетние дети воспитываются под девизом «Каждый может стать лидером!». Для этого перед детьми выдвигаются требования, являющиеся обязательными для исполнения: самому себя обслуживать, быть неприхотливым в пище, самостоятельно составлять планы какой-либо деятельности и выполнять их дружно и весело.

Нисино Маюми (доктор педагогики, научный сотрудник Государственного института педагогических исследований при Министерстве просвещения Японии) рассказывает, что «у японцев понятия философии образования, воспитания, формирования человека самым тесным образом связаны между собой. Традиционно цель обучения в японской школе больше воспитательная, чем образовательная, ибо в народе считается, что намного лучше быть хорошим человеком, чем ученым» [2, с. 230]. У нас же, скорее, наоборот.

Эта цель реализуется в учебном плане государственных начальной и младшей средней школ посредством таких специфических предметов, как *дотоку кейку* – моральное воспитание, и *гакко токубэцу кацудо* – специальная школьная деятельность. В европейских же странах и в нашей стране, и в нашей республике преобладает исключительно предметное обучение.

Процесс становления человека как личности, вхождение его в традиционную культуру на-

рода, приобщение к принятым нормам в раннем детстве дает, несомненно, свои положительные результаты.

В Японии проводится целый ряд праздников для детей, которые позволяют формировать у них чувство сопричастности к традициям своей страны, своего народа. «Традиционные религиозные синтоистские и буддийские обряды сопровождают маленького японца с момента рождения и до самой смерти» [6, с. 24].

К числу подобных обрядов относится и таковой, который совершается на седьмой день после рождения и называется *сития* - «седьмая ночь» или *надзукэ-но иваи* - «праздник по случаю выбора имени ребенку».

При выборе имени внимание обращается на значение и благозвучие иероглифов, которыми оно записывается. Выбранное имя пишется на бумаге, которую помещают либо в изголовье кровати, либо отдают родственникам вместе с двумя *моти* - рисовыми лепешками красного и белого цветов.

В некоторых районах страны в этот день новорожденного впервые выносят из дома, кое-где это делается позже.

Спустя 100 дней после рождения ребенка впервые несут в храм. Когда ребенку исполняется год, перед ним раскладывают различные предметы (например, счеты, серп, кисточку для письма и т. д.) И по тому, какую вещь он возьмет первой, говорят о его будущем [11, с. 18]. Кстати, такая традиция существовала раньше и у ингушей.

Традиционно в Японии отмечают большое количество детских праздников. Это и *хинаматсури* - праздник девочек, и *кодомо-нохи* - «праздник мальчиков» и церемонии по случаю достижения детьми трех, пяти и семи лет (*ситигосан*) [7, с. 16].

Именно в этот день на девочек, достигших 3-хлетнего и 7-илетнего возраста, надевают кимоно (часто впервые), пышно украшают волосы. Мальчиков 3-5 лет одевают в *монцуки* - короткое верхнее кимоно с фамильным гербом, и *хакама* - часть японского официального костюма в виде широких шаровар.

Дети вместе с родителями идут в храм, где совершается праздничное богослужение с целью умиловить богов, для предоставления ими права на дальнейшее существование ребенка.

Особых рецептов физического воспитания японских детей нет. Просто ему (как и заботе о здоровье учеников) уделяется большое внимание.

Преимущество отдается большому объему физической нагрузки, разнообразным подвижным играм.

Особо популярными у японских детей являются такие спортивные игры, как салки, скакалки, догонялки, эстафеты.

Причем, самое удивительное заключается в том, что и воспитатели, и учителя участвуют в этих играх наравне с детьми. И даже не всегда выигрывают.

Обычным явлением в детских садах и школах являются ежедневные (в хорошую погоду) экскурсии, походы, *осанто* - пешеходные прогулки по окрестностям.

Особо тщательно разрабатывается также меню для детишек - пища очень разнообразна и обязательно включает в себя молоко, молочные продукты, овощи, фрукты, морепродукты.

Рассчитывается - даже витаминно-минеральный состав блюд и их калорийность (она не должна превышать 600-700 калорий за один обед) [8, с. 49]. Как нам далеко до этого!

Советы о «вкусной и здоровой пище» даются родителям воспитателями и даже заведующими детских учреждений.

В частности, указывается, что в *обэнто* - в коробочке с обедом, которую каждая мать должна приготовить ребенку утром - должно быть не менее 20 видов продуктов, рис не должен разваливаться, а быть липким [14, с. 17].

В Японии в каждом учебном заведении работает целый коллектив медицинских работников: доктор, медицинская сестра, стоматолог, фармацевт, куратор здоровья. Излишне задавать вопрос о том, будет ли у нас такое отношение к здоровью детей когда-либо.

Особое внимание в Японии уделяется закаливанию детей. Японский метод закаливания заключается в том, что ребенок должен быть максимально приближен к природным условиям выживания, то есть зимой стойко переносить холод, а летом терпеть жару, и в целом оправдывает себя.

Наряду с повышением природной сопротивляемости детского организма одним из основных и очень привлекательных элементов воспитания является приучение ребенка к телесной чистоте.

Куль чистоты проявляется не только в чистых руках, но и в чистом теле, чистом белье и одежде, чистых волосах и зубах.

Таким образом, воспитание маленьких детей в Японии умело формирует в ребенке понятие о человеческом общежитии, воспитывает физические и психически здорового человека, умеющего

работать в коллективе, четко выполняя предписания и не мешая окружающим.

В 2005 г. на международной конференции в Токио было принято решение об организации Азиатской ассоциации сравнительной педагогики. В Японии только в 2010 г. было опубликовано свыше 300 книг и статей по этой тематике [3, с. 321].

Исходя из этих данных, можно сделать вывод, что нельзя рассматривать японскую практику воспитывающего обучения как нечто раз и навсегда сложившееся и неизменное. Японцы с большим интересом и несомненной пользой для себя изучают традиции, нормы, воспитательные приемы других стран, в том числе и России. Перенимая их в допустимой степени, учатся на чужих ошибках, стремясь максимально уменьшить свои.

В ходе реализации образовательной реформы, проводимой в стране с 2005 г., гораздо больше внимания уделяется личности, индивидуальности каждого ученика. Это ведет к определенной трансформации воспитательных традиций японского общества. Но лишь к частичному изменению, а не к отказу от них.

Японская система образования весьма эффективно готовит молодых людей, хорошо разбирающихся в математике, технике, компьютерах, информационных технологиях. В 2010 году 97,5% юношей пошли учиться в колледжи. В 2014 г. около 48% молодых японцев и 29% японок поступили в университеты [3, с. 167].

Школа в Японии – это место, где большинство учеников получают хороший набор умений и навыков овладения знаниями, определенный набор фактов, и хороший уровень знаний в определенный отрезок времени. Но есть в японской школе и некоторые недостатки, о которых следует сказать.

В обществе, где каждый должен быть во всем похож на всех, малейшее отличие становится поводом для издевательств и преследований: например, неуспехи в спорте или провал на экзамене, или даже факт проживания с семьей за границей. Издеательства (*идзим*) – настоящая проблема в Японии, особенно в школах. Ученики компенсируют свое напряжение тем, что избирают жертву среди своих школьных товарищей и превращают ее в объект для насмешек и физических мучений [12, с. 94]. К счастью, у нас этого нет.

В 2003 году было отмечено более 50 тысяч случаев издевательств над детьми в начальной и средней школе [2, с. 127]. Порой травма оказы-

валась столь сильной, что школьники отказывались посещать класс.

Оскорбление, насмешки, бойкот, вымогательство – список не слишком приятен. Учителя тоже позволяют себе оскорблять учеников, причем иногда в физической форме.

Кстати, в начальной и средней школах экзаменов нет (за исключением особо престижных школ), ежемесячно проводятся тесты (аналог наших контрольных), оценки за которые ставят по шкале от 0-100. Чаще всего в одном заведении находятся и средняя и старшая школа.

Почти во всех японских государственных школах требуется ношение школьной формы. Во многих школах форма для девочек похожа на матросский костюм. Этот тип школьной одежды (как для мальчиков, так и для девочек) происходит от формы матросов императорского военного флота эпохи Мэйдзи (1868-1912 гг.).

Каникулы: весенние – 1 неделя в конце мая, летние – с 21 июля по 1 сентября, зимние – 2 недели в декабре.

Попасть в университет – вот к чему стремятся все японские дети. Университетское образование – необходимое условие для получения хорошей работы.

Как только цель определена, все начинает прокручиваться назад. Чтобы попасть в хороший университет, нужно ходить в хороший колледж, чтобы попасть в хороший колледж, нужно ходить в хорошую среднюю школу.

Хорошая средняя школа невозможна без хорошей начальной школы, а хорошая начальная школа подразумевает специализированный детский сад.

В специальный детский сад невозможно попасть без специального (и очень дорогостоящего) обучения в многочисленных частных заведениях, которые существуют для одной единственной цели – протащить детей через все вступительные экзамены.

Поскольку такое вспомогательное обучение на каждом уровне образования является насущной потребностью и средством достижения заветной цели, его уже сложно считать вспомогательным.

Дети, которые намерены заниматься серьезным делом, в альтернативной школе так сильно обгоняют школьную программу, что им нет нужды слушать учителей на обычных занятиях.

В классе они делают домашнее задание на завтра. Или спят, поскольку у них не хватает сил на посещение двух школ одновременно.

Если вы провалились на экзаменах в универ-

ситет, несмотря на усиленную подготовку, альтернативная школа – /дзюку/ мгновенно становится основной. В дзюку есть ежедневные курсы для молодых абитуриентов, намеревающихся сдавать экзамены в университет на следующий год, а также через год. Вы обречены посещать дзюку, пока не добьетесь поставленной цели.

Университет – стартовая площадка к успеху в жизни. Это прекрасно понимает каждый японский ребенок.

Повторные попытки поступления в вуз стоят затраченных усилий, ибо однажды вы, наконец, попадете в университет, и «ада» больше не существует. Японский университет с лихвой вознаградит за пролитые ради него пот и слезы.

В Японии давно внедрена бально-рейтинговая система оценки знаний студентов, на которую вузы нашей страны стали переходить совсем недавно.

Экзамены во время сессий – по большей части формальность. От докладов тоже требуется форма, а не содержание. Можно целыми днями играть в теннис и все равно получить диплом, если ты в течение года напряженно занимался, упорно и настойчиво шел к намеченной цели. Что, как правило, присуще каждому японскому ребенку.

Студенты университетов с мобильными телефонами в руках бегают с мероприятия на мероприятие: занимаются спортом, музыкой, искусством, театром, ходят на всевозможные курсы, подрабатывают на стороне. Дружеские связи, которые заводятся в этой стране, частенько поддерживаются всю жизнь, а романы частенько кончаются браком.

Но это не совсем рай. В реальности это напряженный труд, стартовая площадка, на которой вы ожидаете запуска в мир взрослой жизни.

Несмотря на обилие университетов, только несколько из них являются по настоящему престижными, т.е. их выпускник может претендовать на хорошее место в общественной иерархии. В результате – в Токийский и Киотский университеты – небывалые конкурсы, а в какой-нибудь Хиросимский – почти никто не идет.

Поэтому правительство Японии решилось на радикальный шаг – пересмотр всех университетов и научных заведений и сокращение неэффективных. Эта процедура должна занять несколько лет. Сейчас идет процесс анализа имеющихся результатов и ресурсов.

Японские педагоги надеются, что в процессе реализации единой задачи дети смогут преодолеть свои недостатки [2, с. 104].

Много лет японские педагоги обсуждали свой практический опыт по воспитанию детей разного возраста, выступали с различными предложениями на своих конференциях. За это время у них накопился довольно обширный материал, на основе этого материала они подготовили и издали брошюру «Развитие ребенка и группы» [13, с. 87].

Так или иначе, в японских детских садах формируются те качества, которые, при сохранении преемственности, в дальнейшем совершенствуются в школе. В соответствии с программой школьного курса «Моральное воспитание» в детском саду должны закладываться моральные нормы гражданина Японии, формироваться чувство гражданского долга, патриотизма, хранителя национальных традиций, а также воспитываться такие качества, как воля, дисциплинированность и трудолюбие [1, с.38].

Наконец, разберем еще такой парадокс. Начиная с конца 80-х годов прошлого века, в Японии происходит стремительное падение рождаемости. Сейчас одна семья имеет в среднем 1-2 детей. При сохранении такой тенденции социологи предсказывают японцам серьезную демографическую проблему через 20-30 лет.

Дело в том, что сейчас население Японии продолжает расти, но в основном за счет низкой смертности – удлиняется срок жизни, становится все больше пожилых людей. Япония занимает одно из первых мест в мире по количеству долгожителей.

Проблема наступит, когда придет пора переходить к глубокой старости бэби-бумерам, родившимся в 80 – 90-х годах прошлого века. Их некому будет кормить.

В чем же причина столь низкой рождаемости? Один из ответов, который лежит на поверхности, по мнению ученых, – изменение статуса женщины в Японии. Дело в том, что традиционно женщина в Японии после рождения ребенка должна полностью уйти в семью и заниматься только воспитанием детей. На работу ее нигде не возьмут (на престижные должности, конечно; на низкооплачиваемые – пожалуйста). Но!

И здесь самое главное – сегодняшние девушки в университетах получают очень глубокое и всестороннее образование. Для многих молодых женщин уйти с таким багажом в семью и тем самым деквалифицироваться – трагедия (на самом деле в японской традиции женщина должна иметь очень хорошее образование, чтобы потом передать это все детям – хорошая традиция!).

Плюс к тому же японские девочки и девушки

ки смотрят американское кино, видят преуспевающих и беспечных героинь Шаран Стоун и Джулии Робертс и думают: а чем мы хуже?

Результат: японские женщины все реже и реже выходят замуж. В лучшем случае – к 30 годам, ребенка заводят после 30-и. Они спешат сделать карьеру, получить достойную должность.

Многие японские девушки, кстати, предпочитают выходить замуж за иностранцев – американцев, европейцев. Западные мужчины, которых воротит от прагматичных соплеменниц-эгоисток, с радостью берут в жены покладистых и приятных в общении японок. И живут долго и счастливо.

Следовательно, демографический вопрос

в Японии действительно стоит очень серьезно. Речь идет о будущем нации.

Но, верится, что прагматичные, высокообразованные и воспитанные японцы найдут выход и из этой ситуации.

Порукой тому – достижения этого удивительного народа во многих областях науки, техники и технологии.

Думается, не случайно Страна Восходящего Солнца, как часто называют Японию, по целому ряду показателей находится впереди планеты всей. И не последнюю роль в этом, на наш взгляд, играют обычаи, традиции этого народа в обучении и воспитании подрастающего поколения, над которыми и нам всем не мешало бы подумать.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Андрэу У. Дашкольная адукация ў Японіі//Пралеска, 2007, №2, с. 37-38.
2. Востоков Г.Н. В стране восходящего солнца. М., 2009.
3. Детский сад в Японии. Опыт развития детей в группе. Пер. с яп. / Под ред. В.Т. Наниевской. – М., Прогресс, 2014.
4. Инуп Такаси. Несколько слов о развитии и воспитании детей. // Дошкольное воспитание, 1999, №1.
5. Комадо Наоки. Детский сад в Японии. Трехлетние дети. // Дошкольное воспитание, 1997, №5.
6. Комарова Т., Котырло В. Встреча с Японией //Дошкольное воспитание, 2007, №8.
7. Мисару Ибука. После трех уже поздно // Дошкольное воспитание, 2009, №10.
8. Пантелеев Г. Эстетическое воспитание в Японии. М., 2009.
9. Сайто Наоми. Детский сад в Японии. Трехлетние дети //Дошкольное воспитание, 2008, № 6.
10. Сайто Наоми. Детский сад в Японии. Четырехлетние дети. //Дошкольное воспитание, 2009, № 8.
11. Такасэ Кэйко. Детский сад в Японии. Годовалые дети. // Дошкольное воспитание, 1989, №2.
12. Такасэ Кэйко. Детский сад в Японии. Пятилетние дети.//Дошкольное воспитание, 2013, №12.
13. Фролкин В. Япония: детские сады Судзуки в Мацумото. //Дошкольное воспитание, 2014, №7.
14. Хандзе Масами. Обобщать опыт воспитания дошкольников в группе //Дошкольное воспитание, 2011, №10.
15. Ямамото Хикари. Детский сад в Японии. Двухлетние дети. //Дошкольное воспитание, 2008, №4.
16. Ямамото Хикари. Детский сад в Японии. Пятилетние дети. // Дошкольное воспитание, 2015, №10.

ПЕРСОНАЛИИ

ГРУЗИНЫ ИЗ ИНГУШСКОГО СЕЛЕНИЯ БАЗОРКИНО

Дмитрий Амилахвари

Кодзоев Н.Д.

Ингушский научно-исследовательский институт
гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева

Дмитрий Георгиевич Амилахвари (1906-1942)

В 1905 г. жить в с. Базоркино переехал грузинский князь Георгий Амилахвари с супругой Нино Эристави. Они имели родовое имя в селе Отаршени близ Гори. Георгий был сыном генерала Иванэ Амилахвари (из княжеского рода Зедгенидзе-Амилахвари). 31 октября 1906 г. в с. Базоркино в семье Амилахвари родился сын Дмитрий – будущий герой французского сопротивления.

После революции 1917 г. семья Амилахвари вернулась в Грузию. Дмитрий поступил в Тбилисскую гимназию. В годы независимости Грузии отец Дмитрия дослужился до звания полковника. После захвата Грузии коммунистами Амилахвари эмигрировали в Турцию, откуда в 1922 г. выехали во Францию.

Для всей семьи начались тяжелые годы эмиграции. Потерявшему родину юноше особенно трудно было свыкнуться с реальностью новой жизни, но он твердо решил пойти по стопам своих предков, несколько поколений которых были военными. (Фамилия Амилахвари (Амилахори) происходит от арабского названия по-

мощника главнокомандующего государственного аппарата объединенной Грузии. Видимо, это звание изначально носил военачальник Зедгенидзе. Уже в XV-XVI веках его потомки носили фамилию Зедгенидзе-Амилахвари, а позже превратились просто в Амилахвари).

Юношеской мечтой Дмитрия было стать полководцем и освободить родину. В 1924 г. он поступил в военное училище Сен-Сир, готовившее офицеров для сухопутной и морской пехоты. В училище вместе с боевым искусством он в совершенстве освоил французский язык. Отличные интеллектуальные данные и качества лидера снискали ему любовь и уважение будущих офицеров. В 1926 году Дмитрий окончил училище в звании младшего лейтенанта и был направлен в город Сиди-Бель-Аббес в Алжире. Там он начал службу в Иностранном легионе. За героизм в Рифской войне 20-летнему Амилахвари сразу присвоили звание капитана.

В 1934 году Амилахвари был назначен начальником школы профессиональной подготовки в Агадире.

После начала Второй мировой войны, в апреле 1940 г., легион, в котором служил Амилахвари, был переброшен в Норвегию и вошел в состав англо-французского экспедиционного корпуса. Боевой задачей было совместно с армией Норвегии защищать порты от фашистов. Нехватка продовольствия и боеприпасов поставила союзников в тяжелое положение. Решено было эвакуироваться. Генерал Монклар впоследствии вспоминал: «Благодаря фантастическому героизму Амилахвари мы спаслись от тотального уничтожения». За героизм в Норвегии Дмитрия наградили орденом боевого креста и присвоили звание майора. Летом 1940 года Амилахвари находился в Англии. После призыва Шарля де Голля Амилахвари вместе со своими соратниками без колебания примкнул к генералу. Позднее профашистское французское правительство в Виши заочно приговорило Амилахвари к смертной казни.

В сентябре 1941 года, в порядке исключения, Амилахвари присвоили звание лейтенант-колонеля (вице-полковника или подполковника) и доверили командование 13-й бригадой Иностранного легиона в Северной Африке. Именно в африканской кампании полностью проявился его талант полководца. Вначале он воевал на Эритрейском фронте и прославился при взятии порта Массауа на Красном море. Молниеносно ворвавшись в город со своей тысячей, он захватил несколько эскадренных миноносцев, множество пленных, в том числе командующего флотом Эритреи со всем штабом и итальянского адмирала. Вскоре Амилахвари вместе с его частью перебросили в Ливию. Там он разработал и впервые использовал новую противотанковую систему боевых действий. В июне 1942 года в битве при Бир Хакийме была опробована система Амилахвари – за полчаса боя было выведено из строя 20 немецких танков. Немецкий фельдмаршал Эрвин Роммель, прозванный «Лисом пустыни», был озадачен своими потерями, но все-таки похвалил противника. За героизм генерал Шарль де Голль лично наградил Дмитрия Амилахвари орденом Освобождения. В октябре 1942 г. Амилахвари сражался в битве при Эль-Аламейне, вошедшем в историю как «второй Сталинград». Фельдмаршал Монтгомери потребовал от французских союзников до вечера взять стратегический холм Химейната. Выполнение задания возложили на

Амилахвари. Он повел своих солдат и танки к объекту, и в назначенное время захватил высоту. Неожиданно немцы, получившие свежее подкрепление, открыли шквальный огонь по направлению холма. Англичане попытались вывести Амилахвари с поля боя, послав за ним бронемашину, но командир отказался. Утром 24 октября осколком разорвавшегося снаряда он был тяжело ранен, и вскоре скончался. Битва оказалась переломной в кампании, сопротивление армии Роммеля было сломлено.

Амилахвари похоронили с почестями в Эль-Аламейне на французском военном кладбище. У него остались супруга Ирина и двое детей – Отар и Тамара. (Супруга Ирина в 1944 г. погибла в автокатастрофе).

По инициативе Шарля де Голля Амилахвари посмертно был награжден орденом Почетного легиона. Друг и соратник Амилахвари, министр обороны Франции Пьер Кёниг издал указ, согласно которому офицерский выпуск 1956 года училища Сен-Сир (600 человек) был назван именем Дмитрия Амилахвари. В 2006 г. во Франции широко отметили 100-летие со дня рождения Амилахвари, и одной из улиц Парижа присвоили его имя. Память об Амилахвари отметили и в Грузии. Центром торжеств стал Гори. Здесь были проведены различные мероприятия, на которых кроме официальных лиц присутствовали дочь Дмитрия Амилахвари – графиня Тамар Кински, племянник со стороны жены – Мишель Кобиашвили и французские офицеры выпускники Сен-Сира. Одной из улиц Гори присвоено имя Дмитрия Амилахвари. В декабре 2010 года, решением тбилисского Сакребуло, бывшая улица Сталина в Цхнети переименована в улицу Дмитрия Амилахвари.

Андарко Кубаидзе

Мажит Данаевич Ужахов в 1919 г. на рынке г. Владикавказа встретил грузинского парня по фамилии Кубаидзе, который был старше Мажита и не имел ни дома своего, ни родственников. Мажит Данаевич привел его к себе домой в с. Базоркино, и с тех пор, получивший в семье Мажита Данаевича имя Андарко, он стал членом их семьи, принял ислам и считал себя ингушом.

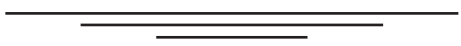
**Сидят (слева направо): Абдул-Вагап Гапурович Ужахов и Андарко Кубаидзе (1893-1977);
стоят (слева направо): Магомед-Сали Мажитович Ужахов, Абдул-Хамид Мажитович Ужахов,
Зелимхан Ахмедович Долтмурзиев; г. Акмолинск Казахской ССР, 1952 г.**

Во время выселения ингушей, Андарко Кубаидзе, которому разрешили остаться дома, не согласился расстаться со своими новыми родственниками, и, хотя его уговаривали остаться и члены семьи Мажита Данаевича, вместе с ними добровольно сел в поезд, который вез ингушей в далекий Северный Казахстан. Ужаховы рассказывали, что, когда они сели в поезд, увидели Ан-

дарко, бегущего босиком по снегу, чтобы вместе с ними уехать в изгнание.

В выселении он делил с ингушами все тяготы – голод, холод, болезни, и вместе с ними вернулся в конце 1950-х годов на родину.

Умер Андарко Кубаидзе в 1977 г. и был похоронен на кладбище с. Базоркино.

ПРЕДСТАВИТЕЛИ РОДА УЖАХОВЫХ – УЧАСТНИКИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Кодзоев Н.Д.,

Ингушский научно-исследовательский институт
гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева

После начала войны в 1941 г. около семи тысяч ингушей были призваны в армию.¹ Многие ушли на фронт добровольцами. Они сражались на всех фронтах войны 1941-1945 гг.² Брестскую крепость обороняли большое количество солдат, призванных из Чечено-Ингушетии.³

Участвовали в войне и представители рода Ужаховых. Ужаховы – выходцы из древнего ба-шенного поселения Эгикал. Автору удалось найти данные о 46 участниках войны – представителях рода Ужаховых.

* * *

Бембулат Каршеевич Ужахов (1918-2001), родился в с. Барсуки Назрановского округа Терской области. Образование 7 классов. Окончил школу сержантов. 9 сентября 1942 г.⁴ Магаданским РВК. Находился в 101-й стрелковой бригаде. Был старшиной стрелковой роты. Награжден орденом «Красной Звезды», орденом «Отечественной войны» II степени (1985 г., №2817259), медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», шестью памятными медалями.

Илез Идрисович Ужахов (1913-1969) окончил Гатчинскую летную школу. В годы Второй мировой войны служил в звании капитана 2-го ранга в военно-морской авиации Черноморского флота.

Магомед Эльбердович Ужахов (1910-1979) родился в с. Барсуки Назрановского округа Терской области. В 1924-1928 гг. учился в сельской школе. В 1928-1931 гг. был сельским активистом. В 1931-1934 гг. работал экспедитором Ингоблторга. В 1934-1938 гг. был матросом второго класса Советского торгового флота (Ростов-на-Дону). В 1938-1940 гг. работал заведующим производством райпромкомбината Галашкинского района ЧИАССР. В 1940-1941 гг. работал инструктором-бухгалтером районного земельного отдела Галашкинского района.

В 1941-1942 гг. был на фронте в составе 255-го кавалерийского полка. Был ранен, находился на излечении в горнизонном госпитале НКО № 378. После госпиталя был комиссован и вернулся на прежнее место работы.

В 1944 г. был сослан как «враг народа» вме-

сте со всем ингушским народом в Северный Казахстан. Жил в Павлодарской области. В 1944-1949 гг. работал бухгалтером Бескорогайского овцеплемхоза Лебяшинского района Павлодарской области Казахской ССР. В 1949-1954 гг. работал разнорабочим. В 1954-1957 гг. работал в строительной сфере. В 1957 г. вернулся на родину – в с. Барсуки Назрановского района ЧИАССР. В 1957-1959 гг. работал в Мелиоводстрое г. Беслана. В последующие года до выхода на пенсию работал техработником в Барсукинской восьмилетней школе.

Исропил Ибрагимович Ужахов (1919-1949) родился в с. Барсуки Назрановского округа Терской области. Призван в Красную армию в октябре 1939 г. Звание – старший сержант. Служил в 16-й армии Западного фронта. Награжден орденом «Красной Звезды», медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги».⁵

Хамид Бексултанович Ужахов (1917-1941) родился в с. Барсуки Назрановского округа Терской области. Служил в 278 стрелковой дивизии. Погиб 25 сентября 1942 г. под Сталинградом. Похоронен в братской могиле на хуторе Грошки Клетского района Волгоградской области.⁶

Беслан Бексултанович Ужахов (1920-1941) родился в с. Барсуки Назрановского округа Терской области. Пропал без вести.

Або Дзубейрович Ужахов (1916-1941) родился в с. Барсуки Назрановского округа Терской области. На службу в армию призван в 1938 г. РВК г. Назрань. До начала войны служил вблизи г. Лепель Белорусской ССР. На фронт ушел 25 июня 1941 г. Звание – младший сержант. Службу проходил в 360 гаубичном артиллерийском полку в составе войск Калининского фронта. Командир взвода гаубичного орудия. Погиб 3 июля 1941 г. в г. Краслава Латвийской ССР и там же похоронен в братской могиле.⁷

Гамид Ибрагимович Ужахов (1915-1996) родился в с. Базоркино Назрановского округа Терской области.

Ниже приводится отрывок из воспоминаний о своем отце дочери Гамида Ибрагимовича Макки Гамидовны Долаковой.

«... Мой отец Гамид окончил школу и, думая, что «молодым везде у нас дорога», поехал учиться в город Армавир в винодельческое училище, где, выдержав вступительные экзамены, был зачислен на первый курс. Но преждевременной оказалась его радость. Через некоторое время студента Ужахова Г.И. отчислили из училища, как сына кулака. Приехав домой в Ингушетию, он устроился на работу, пока перед самой войной не переехал жить в город Грозный.

В своих воспоминаниях он писал: «23 июня 1941 года по мобилизации Молотовского райвоенкомата был направлен в Грозненское военнопехотное училище».

Это училище было создано по приказу Народного комиссара Обороны СССР, в декабре 1939 года... Первый выпуск Красных командиров училища состоялся накануне войны 12 июня 1941 года. «А второй выпуск был мой», – вспоминал отец...

Только окончивший училище лейтенант был назначен командиром конного разъезда по охране штаба Северо-Кавказского фронта, который передислоцировался из Ростова-на-Дону. Этот разъезд находился в распоряжении начальника гарнизона полковника Волкова, который дал лейтенанту строжайший секретный приказ блокировать все въезды и выезды из города, а после 22 часов никого не пропускать без специального разрешения. Не раз приходилось лейтенанту Ужахову сопровождать и заместителя командующего Северо-Кавказским фронтом генерала Я.Т. Черевиченко.

Впоследствии часть, где служил Ужахов Г.И., была перебросена к Ростову-на-Дону. Развернулись кровопролитные бои, но сдержать напор немецко-фашистских войск не удалось. Они вышли к Дону, форсировали его и в июле захватили Ростов.

Красная Армия отходила на юг, к предгорьям Главного Кавказского хребта. Лейтенант Ужахов тогда недолго прослужил в г. Грозном, где возглавил военкомат, который был расположен в кинотеатре «Челюскинцы» (впоследствии снесенный). Затем по распределению он попал служить в 63-ю кавалерийскую дивизию 4-го Кубанского кавкорпуса, которая отдельно действовала в ногайских степях (командиром был комбриг Белошниченко).

Третий эскадрон, где служил Гамид Ибрагимович, отбивал врага по всей голой степи в черных песках. Укрыться с лошадьми было негде. Не было кормов для коней, да и для солдат подвоз продовольствия был затруднен. 2 декабря

1942 года лейтенант Ужахов получает приказ отбить у немцев населенный пункт Ага-Батырь. Видимо, командование рассчитывало, из-за образовавшиеся здесь клина, обеспечить оперативный простор для армии. Много солдат погибло в Ногайских степях, но конца сражения доблестный воин не увидел, т.к. был ранен (это было его первое ранение) и отправлен лечиться в глубокий тыл – в Армению в город Кировокан.

После лечения в 1943 году он был направлен в Закавказский военный округ – в г. Тбилиси, а оттуда – в Москву в офицерский полк.

Здесь в Москве он участвовал в военном параде 7 ноября 1943 года и прошел в нескольких метрах от трибуны, где стоял И.В. Сталин.

После парада, уже побывавший в боях командир, вновь оказался в своей – 63-й кавдивизии, 223-м полку, в том же дивизионе. Эта дивизия участвовала тогда на Украине в тяжелых и кровопролитных боях. «Особенно нам не повезло, когда отбивали у врага Капитоновку, – вспоминал ветеран. – наших здесь полегло немало. Я потерял почти весь свой пулеметный взвод. Рядом со мной сражался командир эскадрона. Вместе рубили фашистских гадов, радовались, что бой выигрываем, в это время я увидел, как убили комэска Зотова... И сам я был тяжело ранен. За этот бой меня наградили орденом Красной Звезды.

За давностью я многое позабыл, но навсегда в памяти запечатлелись ожесточенные сражения за освобождение Украины. Помню, как за форсирование Днепра был представлен к званию Героя Советского Союза, но наградной лист вернули из штаба с резолюцией в правом углу: «Следующий подвиг приурочить к этому представлению». Это не в первый раз возвращали мои наградные листы без подписи, не раз обделяли наградами, но для меня главным было защитить свою землю и семью от порабощения. Свое третье ранение я получил, когда в эшелоне добирался в запасной полк, который стоял в городе Куйбышеве. Эшелон тогда подвергся бомбардировке фашистской авиацией».

После лечения опять новое назначение, новая часть 27-я дважды Краснознаменная, орденна Богдана Хмельницкого имени СНК Украины кавалерийская дивизия... Его направили в Перемышльский гвардейский полк...

После небольшого отдыха в Польше – снова в бой. Мы освободили Чехословакию и, как предсказал маршал Конев, били врага на его территории. Не могу забыть переправу через Одер. От взрывов снарядов, гула моторов, криков лопа-

лись ушные перепонки. Со своим взводом я первый одолел переправу Одера, и во второй раз был представлен к званию Героя Советского Союза.

Ожесточенные бои шли уже на подступах к Берлину. Под Берлином, в 40 км от него, я был ранен уже в четвертый раз и вывезен в тыл, на Украину в г. Киев, где лечился в госпитале 13-53. После лечения я был отправлен в Казахстан, где в ссылке томилась моя семья. Я так и не узнал, чем закончилось мое второе представление к званию Героя Советского Союза».⁸

Умер Гамид Ибрагимович в 1996 г. Похоронен в с. Базоркино.

Участник Второй мировой войны **Крым-Султан Хаджибекирович Ужахов** (1918-1974) родился в с. Базоркино в семье Хаджибекира Ужахова, сына Батако Ужахова, который принимал участие в войне с Турцией 1877-1878 гг. и был неоднократно отмечен наградами за мужество и отвагу. Помимо Крым-Султана, в семье воспитывались три брата и три сестры.

Окончив восьмилетку, Крым-Султан поступил в Орджоникидзевский дорожный техникум, после окончания которого, проработав короткое время по специальности, был призван на службу в Красную Армию. За шесть дней до окончания срочной службы началась война и Крым-Султан, не вернувшись домой, ушел на фронт. Свой воинский путь он начал рядовым красноармейцем, закончил в звании старшего лейтенанта. К-С.Х. Ужахов воевал в войсках связи 5-ой железнодорожной бригады, командовал отделением, взводом, ротой.

Практически сразу после победы над Германией Крым-Султан в числе первых из офицеров получил приказ и был направлен в Манчжурию для участия в военных действиях с Японией.

После окончания Второй Мировой войны К-С.Х. Ужахов еще некоторое время оставался в рядах Вооруженных сил. После окончания службы, он вернулся к родным, но уже не в родное село Базоркино, а в Казахстан, куда ингушский народ был выслан несмотря на то, что тысячи его сынов и дочерей, не щадя своих жизней, сражались на фронтах второй мировой войны.

После восстановления ЧИАССР К-С.Х. Ужахов работал заместителем начальника строительного-монтажного поезда № 1 в г. Грозном, восстанавливал и строил дороги и мосты в горных районах Чечено-Ингушетии.

Умер Крым-Султан Хаджибекирович 21 июля 1974 года в возрасте 56 лет. Похоронен он в родном селе Базоркино.

Магомед Юсупович Ужахов (1920-1987)

родился в с. Базоркино. В 1939 г. он окончил Орджоникидзевское краснознаменное пехотное училище.

В том же году он начал службу в армии – участвовал в оккупации советскими войсками части Польши – Западной Украины.

В 1941 г. служил 587 стрелковом полку 212 стрелковой дивизии Юго-Западного фронта.

В дальнейшем обучение в разведшколе. Был назначен начальником разведки полка. Неоднократно ходил в тыл врага за «языками». Вместе с частями 2-й ударной армии генерала Власова оказался в плену у немцев. С сентября 1941 г. долгое время он числился, как пропавший без вести.⁹ До конца войны он был военнопленным, а потом сидел в сталинских лагерях. Только в 1957 г. он освободился и встретился с родными. Умер в 1987 г.

Ляля Батырбековна Ужахова (1923-2013) родилась во Владикавказе. Ее дед по матери был генерал Тонта Укуров.

«Окончила среднюю общеобразовательную школу, поступила в театральный институт, успела окончить первый курс. В самом начале войны, после учебы на курсах медсестер, добровольно ушла на фронт и с 1941 по 1945 годы служила в составе зенитного батальона. Вначале Ляля Ужахова была наводчицей, потом командиром орудия. Пришлось участвовать в ожесточенных сражениях под Керчью, затем под Москвой. Эта мужественная девушка вместе со своими боевыми подругами прошла фронтовыми дорогами всю войну».¹⁰

Во время войны вышла замуж за однополчанина – кабардинца Березикова. В последние годы жила в г. Кисловодске. Умерла после тяжелой болезни 25 апреля 2013 г.

Ибрагим Козлович Ужахов (1915-1941) был призван на военную службу в октябре 1940 г. До начала войны от командования части, где он служил, родители получали благодарственные письма. Последнее письмо от него пришло из-под Курска. Участник битвы на Курской дуге. Пропал без вести.

Иналук Козлович Ужахов (1922-1982) родился в с. Базоркино. После окончания 9 классов базоркинской школы поступил на подготовительные курсы Чечено-Ингушского педагогического института, а через год – на первый курс физико-математического факультета того же института.

В октябре 1939 г., приписав себе 4 года, добровольцем ушел в армию. Участвовал в войне с Германией, воевал на Северо-Западе СССР. С

августа 1945 г. участвовал в войне с Японией на Сахалине и Курильских островах. Был политруком. Награжден орденом Славы III степени, медалью «За победу над Японией», юбилейной медалью «20 лет Победы над фашистской Германией», юбилейной медалью «50 лет Вооруженных Сил СССР». Имел благодарности от Верховного главнокомандующего И. Сталина.

Орденом Славы III степени Иналук Козлович был награжден за участие в операции против японцев на Дальнем Востоке. В разделе наградного листа «Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг» написано: «При высадке десанта при 2,5 м глубине воды не бросил станок с двумя коробками боеприпасов, догнал взвод, храбро сражался и разил противника станковым пулеметом. Вывод: за проявленную доблесть, мужество и героизм достоин правительственной награды Славы III степени.

Командир 138 стрелкового полка
подполковник Меркурьев. 6. 09. 1945 г.»¹¹

Иналук Козлович возвратился на Кавказ в 1946 г. Оттуда сразу уехал в Казахстан к своей семье. После восстановления ЧИАССР жил в г. Грозном. Умер в 1982 г. Похоронен в с. Базоркино.

Ужахов Аюп Хасолтович (1910-1988) имел высшее юридическое образование. Работал адвокатом, прокурором. В начале войны окончил авиакурсы и прослужил всю войну пилотом бомбардировщика У-2. Участвовал в обороне города Малгобек.

Магомед Батокоевич Ужахов (1896-1944) до установления советской власти был предпринимателем. В период гражданской войны – красный партизан. До начала второй мировой войны работал строителем, занимался бригадными подрядами. В конце 1930-х гг. был арестован. После выхода из тюрьмы был направлен на фронт. Пропал без вести.

Магомед Сосламбекович Ужахов (1918-1986) родился в с. Базоркино в семье офицера царской армии, участника первой мировой войны в составе «Дикой дивизии», георгиевского кавалера Сосламбека Товботовича Ужахова. В начале 1941 г. был призван в армию. Участник Сталинградской битвы. Прошел всю войну. Умер в 1986 г.

Когда немцы были на подступах к Кавказу, герой гражданской войны Товси-мулла Шадиев вновь организовал партизанский отряд для борьбы с новым врагом. «Еще один партизанский отряд из ингушских «красных партизан» был сформирован в 1942 году. Командиром двухсот

конных партизан-ингушей был Тоуси Шадиев. Лошадей, оружие и все снаряжение ингуши приобрели за свои деньги, а не за счет государства. Отряд Шадиева совершал глубокие вылазки в тыл противника, добывая информацию и нанося ощутимый урон противнику. В 1943 году отряду было приказано прибыть в г. Кропоткин Краснодарского края, где формировалась отдельная чечено-ингушская дивизия. Отряд был расформирован, а все бойцы представлены к высоким правительственным наградам, которые они так и не получили.

В партизанском отряде Тоуси Шадиева воевали: Кази Гантемиров, Айдемар Долаков, Ковди Шибиллов, Карши Газдиев, Саад Гучериев, Ислам Гагиев, Ахмед Хаштыров, Билан Ужахов, Исхак Чапанов, Сейт Султыгов, Ахмед Шадиев, Боппан Шадиев, Джош Чахкиев, Джабраил Гагиев, Багаутдин Арсанов, Бейсолт Таркоев, Бексолт Таркоев, Яни Баркинхоев, Ахмарза Нальгиев и другие».¹²

В этом отряде участвовал также старый красный партизан, воевавший еще в годы гражданской войны в России, Мочко Баппинович Ужахов (1869-1962).

В газете «Грозненский рабочий» в январе 1943 г. был опубликован небольшой материал о партизанском отряде Товси Шадиева, который приводится ниже:

«В этот год и зима началась как-то по необычному. Вместо морозов, каменящих землю, осенняя сырость, непролазная грязь. Ингуши спешат к центру села. Не доходя до сельсовета они сворачивают влево, к ограде мечети. С улицы видно, как за невысокой кирпичной оградой волнуется море шапок. А выше, на ступеньках мечети четверо: Кази-мулла, Товси-мулла, Мочко и Магомед Аушев – комиссар отряда ингушей, готовых к битве с гитлеровцами...

Отряд уже давно укомплектован быстрыми, как ветер, храбрыми, как львы, бойцами. Но разве мало в Ингушетии людей, чьи сердца зажжены газаватом, в чьих жилах течет горячая кровь сподвижников Серго. Из других сел приходят сюда люди, требуя оружие.

Достают из сундуков лучшие, береженные удочки с медными удилами, толпятся во дворе у тех, у кого есть хорошие точила – наводить под бритву булатные клинки. 16 человек за свой счет приготовили для себя все – от доброго коня до последнего газыря черкески. Об остальных заботится село, на священную войну готова самых достойных.

Скоро, скоро двинутся они, народные мсти-

тели – 65-летний Берснако Чербижев и 18-летний Ази Ужахов – стар и млад, объединенные жаждой мести, неумным чувством гнева. Священную песню – назыму – услышит буйный Терек, услышит звон клинков».¹³

После того, как германские войска стали откатываться на запад, партизанский отряд был расформирован, и ополченцев вернули домой.

Суламбек Сосуркоевич Ужахов (1910-1978) участвовал в партизанском движении на оккупированных немцами территориях. Имел государственные награды.

Тамара Анзоровна Цечоева-Ужахова (1910-1980) родилась в г. Перми. Когда ей было 15 лет переехала в Назрань. Окончила курсы горянок в Ростове-на-Дону. После окончания курсов Тамара Анзоровна работала ответственным редактором в Ачалуках, а потом – в Министерстве юстиции ЧИАССР.

В декабре 1942 г. была допущена к исполнению обязанностей члена Верховного Суда ЧИАССР, избиралась народным судьей в Пседахе. Была замужем за участником войны Суламбеком Сосуркиевичем Ужаховым.

Во время войны, при отступлении советских войск, вывозя секретные материалы, Тамара Цечоева оказалась в армии и два года работала в ревтрибунале. После разгрома немецких войск на Кавказе была отозвана с фронта.¹⁴

Макшарип Казиевич Ужахов (1916-1975) родился в с. Барсуки Назрановского округа Терской области. В армии служил с 1939 г. Служил в пехоте. Участвовал в Сталинградской битве.

После депортации ингушей в Казахстан и отзыва всех ингушей с фронта, в документах изменил свою национальность – записался осетином и продолжал воевать. Награжден орденом «Отечественной войны». 11 октября 1944 г. был представлен к ордену «Красной Звезды».¹⁵ Награжден медалью «За оборону Сталинграда» (серия У № 04012 от 20 июня 1944 г.). Находился на военной службе до 1947 г.

Али Гойсултанович Ужахов (1920-1948 гг.).¹⁶

Хамид (Гамид) Бексултанович Ужахов (1906-1941).¹⁷

Ибрагим Султан-Гиреевич Ужахов.¹⁸

Магомед Товботович Ужахов (1910-1977).

Магомед Товботович Ужахов (1910-1977) родился в с. Базоркино Назрановского округа Терской области. Окончил среднюю школу в с. Базоркино, рабфак в г. Орджоникдзе, совпартшколу, Юридический институт в г. Саратове. Работал зав районным финансовым отделом При-

городного отдела ЧИАССР.

В 1938 году женился на Яндиевой Рукет Бексултановне. У них родилось 10 детей: Руслан, Осман, Берснако, Фатима, Беслан, Алихан, Хасан, Хусейн, Любовь, Муса.

В 1941-1943 гг. – участник Второй мировой войны. В 1944 г. с семьей был выслан в Казахстан, где работал заготовителем и заведующим магазином.

Мурад Бексултанович Ужахов (1917-?).¹⁹

Ахмед Юсупович Ужахов (1913-1950).

Аслангирей Баадулович Ужахов (1910-1943).

Ибрагим Сосламбекович Ужахов (1905-1943) погиб на Украине.

Гайрбек Саадулович Ужахов (1917-2001) находился на фронте, в Польше в 1941-1943 гг. В 1943 г., когда готовилась депортация ингушей в Казахстан, он был снят с фронта как «враг народа» и демобилизован.

Юсуп Сосланбекович Ужахов (1910-1977) родился в с. Барсуки Назрановского округа Терской области. Образование среднее. Военный радист. Дошел до Берлина. После окончания войны работал на заводе «Красный молот» в г. Грозном.

Баматгирей Висангиреевич Ужахов (1918-1947 гг.), окончил военно-пехотное училище в г. Грозном.

Во время отступления советских войск часть, в которой служил Баматгирей Висангиреевич Ужахов, остановилась в с. Базоркино. В это время Он встретился с родственниками и ему засватали невесту. Тогда же снята приводимая ниже фотография.

После окончания войны Баматгирей Висангиреевич работал начальником лагеря военнопленных в г. Орске Оренбургской области.

Батарбек Саадулович Ужахов (1910-1943), погиб под Сталинградом.

Осман Алаутдинович Ужахов (1918-1986)²⁰ родился в с. Базоркино Назрановского округа Терской области. Получил по своим временам неплохое образование и до войны работал учителем в Базоркинской школе. С начала войны добровольцем ушел на фронт и к 1943 г. командовал минометным взводом. В 1943 г. отозван с фронта и в 1944 г. выслан вместе со всеми ингушами в Казахстан.

Был старшим сыном в семье (3 сестры 4 брата). Его отец был репрессирован в 1937 г., поэтому был с молодых лет фактически главой семьи.

Халис Керимович Ужахов (1912-1973). Призван в 1934 г.²¹ Служил в 68 Гвардейском стрелковом полку. В июле 1944 г. был представ-

лен к награде. В представлении, подписанном командиром полка полковником Емельянцевым сказано, что Халис Керимович «в наступательных боях с 16 по 23 июля проявил себя бесстрашным воином, всегда находился в первых рядах наступающих бойцов. 18 июля, при отражении контратаки противника огнем своего автомата уничтожил четырех гитлеровцев. В боях за социалистическую родину дважды ранен». ²² Умер в 1973 г. в Целинограде.

Халид Иналукевич Ужахов (1916-1946). (В книге «Ингушетия в Великой отечественной войне» он неправильно назван Хамид Иналкиевич ²³).

Ахмед Мусиевич Ужахов (1920-1941 гг.) в звании лейтенанта он был выпущен из училища и отправлен на службу в действующую армию в июне 1941 г. Командир взвода 539 стрелкового полка. 21 июня 1941 г. он успел написать единственное письмо, в котором сообщал родным, что полк находится в ста километрах от г. Вязьмы, едет на запад. На второй день началась война. Погиб он в том же 1941 г. Но, лишь через 20 лет родные получили известие о его гибели. ²⁴

Ужахов Даламбек Хасламбекович, 1920 г.р., был артиллеристом на пограничной заставе г. Бреста. В 1941 г. пропал без вести.

Кубяди Керимович Ужахов (1917-1941) был старшим политруком. Пропал без вести в 1941 г.

Суламбек Баадулович Ужахов (1903-1942) в 1942 г. пропал без вести под Сталинградом.

Ужахов Осман (Семен) Эльбердиевич ²⁵, 1916 г.р., уроженец с. Базоркино Пригородного района ЧИАССР. Призван в армию в 1943 г. Служил автоматчиком в 7 стрелковой роте, в 117 стрелковом полку 332 стрелковой дивизии Калининского фронта. В сентябре 1943 г. был представлен к награждению медалью «За боевые заслуги». ²⁶ Пропал без вести.

Ужахов Султан Асланбекович ²⁷, 1915 г.р., уроженец с. Базоркино Пригородного района ЧИАССР. Пропал без вести.

Ужахов Осман Асланбекович (1921-1991) служил старшиной дивизионной разведроты. Получил тяжелое ранение в боях под Ворошиловградом в 1943 году, после чего был комиссован.

В начале войны, Аника Козлоевна Ужахова-Оздоева (1912-1990) являлась инспектором реввоенсовета на Малгобекском направлении. ²⁸

Участники Второй мировой войны – представители рода Ужаховых:

1. Ужахов Або Дзубейрович (1916-1941)
2. Ужахов Абукар Исиевич (1918-1946)
3. Ужахов Ази
4. Ужахов Али Гойсултанович (1920-1948)
5. Ужахов Аслангирей Баадулович (1910-1943)
6. Ужахов Ахмед Ибрагимович (1919-1986)
7. Ужахов Ахмед Мусиевич (1920-1941)
8. Ужахов Ахмед Юсупович (1913-1950)
9. Ужахов Аюп Хасолтович (1910-1988)
10. Ужахов Баматгирей Висангиреевич (1920-1950)
11. Ужахов Батарбек Саадулович
12. Ужахов Бембулат Каршеевич
13. Ужахов Беслан Бексултанович (1920-1941)
14. Ужахов Билан Элбердиевич
15. Ужахов Гайрбек Саадулович (1917-2001)
16. Ужахов Гамид Ибрагимович (1915-1996)
17. Ужахов Даламбек Хасламбекович (1917-1941)
18. Ужахов Ибрагим Козлоевич (1915-1941)
19. Ужахов Ибрагим Сосламбекович (1905-1943)
20. Ужахов Ибрагим Султан-Гиреевич
21. Ужахов Илез Идрисович (1917-1968)
22. Ужахов Иналук Козлоевич (1922-1982)
23. Ужахов Исропил Ибрагимович (1905-1949)
24. Ужахов Крым-Султан Хаджибекирович (1918-1974)
25. Ужахов Кубяди Керимович (1917-1941)
26. Ужахов Магомед Батокоевич (1896-?)
27. Ужахов Магомед Сосланбекович (1924-1980)
28. Ужахов Магомед Товботович (1910-1977)
29. Ужахов Магомед Эльбердиевич (1910-1979)
30. Ужахов Магомед Юсупович (1920-1987)
31. Ужахов Макшарип Казиевич
32. Ужахов Малсаг Латарович (1908-1941)
33. Ужахов Мурад Бексултанович
34. Ужахов Осман Алаутдинович (1918-1986)
35. Ужахов Осман Асланбекович (1921-1991)
36. Ужахов Осман (Семен) Эльбердиевич (1922-?)
37. Ужахов Суламбек Баадулович (1900-1942)
38. Ужахов Суламбек Сосуркиевич (1910-1978)
39. Ужахов Султан Асланбекович (1915-1941)

40. Ужахов Халис Керимович (1912-1973)
41. Ужахов Хамид (Гамид) Бексултанович (1906-1941)
42. Ужахов Халид Иналуквич (1916-1946)
43. Ужахов Юсуп Сосланбекович (1910-1977)
44. Ужахова Ляля Батырбековна (1923 г.р.)
45. Ужахова-Оздоева Аника Козлоевна (1912-1990)
46. Цечоева-Ужахова Тамара Анзоровна (1910-1980).
- Имели удостоверение участника войны следующие лица, трудившиеся в тылу: Алмахсид Магомедович Ужахов, Махмуд Магомедович Ужахов, Хаджимурад Суламбекович Ужахов, Идрис Ибрагимович Ужахов, Султан Ахмедович Ужахов, Беслан Исламович Ужахов, Магомед-Гирей Марзабекович Ужахов и др.

ЛИТЕРАТУРА:

- ¹ Ибрагимбейли Х.-М. Сказать правду о трагедии народа // «Политическое обозрение». – 1989. – № 4. – С. 62.
- ² Яндиева М. Ингуши на фронтах Второй мировой войны. – Назрань-М., 2004.
- ³ Ингушетия в Великой Отечественной войне. (Сост. Т.У. Яндиева). – Кн. 1. – Ростов-на-Дону, 2005. – С. 38-43.
- ⁴ ЦАМО. Ф. 33. Оп. 690155. Д. 315.
- ⁵ ЦАМО. Ф.33. Оп. 682524. Д. 828.
- ⁶ ЦАМО. Ф. 58. Оп. 818883. Д. 1933.
- ⁷ ЦАМО. Ф. 58. Оп. 818883. Д. 57.
- ⁸ Долакова М.Г. Память озаряет сердца // Ученые записки гимназии № 1. – Вып. 3. – Назрань, 2006. – С. 4-8.
- ⁹ ЦАМО. Ф. 58. Оп. 11458. Д. 463.
- ¹⁰ Ингушетия в Великой Отечественной войне. – Кн. 1. – С. 57.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Яндиева М.Д. Ингуши на фронтах Второй мировой войны. – Назрань-Москва, 2004. – С. 12.
- ¹³ Мальсагов А. Возмездие близко // Газ. «Грозненский рабочий». – 1943 г. – 1 января.
- ¹⁴ Ингушетия в Великой Отечественной войне. – Кн. 1. – С. 57.
- ¹⁵ ЦАМО. Ф. 33. Оп. 690306. Д. 1525.
- ¹⁶ Ингушетия в Великой отечественной войне. (Автор-составитель Т.У. Яндиева). – Кн. II. – Ростов-на-Дону, 2010. – С. 190.
- ¹⁷ Там же. – С. 190.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же.
- ²² ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686196. Д. 1857.
- ²³ Ингушетия в Великой отечественной войне. – Кн. II. – С. 191.
- ²⁴ Ужахова Х. С фронта не вернулся // Газ. «Ингушское слово». – 1991. – январь.
- ²⁵ Там же. – С. 191.
- ²⁶ ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686044. Д. 577.
- ²⁷ Ингушетия в Великой отечественной войне. – Кн. II. – С. 191.
- ²⁸ Там же.

РЕЦЕНЗИИ

Рецензия на монографию Т.Х. Матиева

«МАЛГОБЕКСКАЯ ОБОРОНИТЕЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ (СЕНТЯБРЬ-ОКТАБРЬ 1942 Г.). ХОД, ЭТАПЫ, ЗНАЧЕНИЕ»

Танкиев В.-Г.Х.

Ингушский научно-исследовательский институт
гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева

Работа вышла в свет в августе 2014 года в издательстве М. и В. Котляровых в г. Нальчике.

Прежде всего, следует отметить, что это первое серьезное военно-историческое исследование, посвященное одной из важнейших операций Великой Отечественной войны – Малгобекской оборонительной операции.

В своей работе Т. Матиев, на большом историческом материале, раскрыл ход, этапы и показал значение Малгобекской операции, которая на протяжении десятилетий оставалась «в тени» отечественной военной истории.

Заслуга автора состоит в том, что он не только хронологически точно (по дням, а в некоторых случаях и по часам) изложил ход Малгобекской оборонительной операции, но и показал ее стратегическое и историческое значение.

Автор подверг аргументированной и обоснованной критике позиции ряда историков (и российских, и зарубежных) за их ошибочные взгляды на данную операцию.

Логичной представляется структура работы.

Структура книги составлена таким образом, что каждая из ее трех частей имеет не только самостоятельное научное значение, но и способствует глубокому пониманию всей проблемы в целом. Это свидетельствует о высокой исследовательской практике автора, благодаря которой ему удалось воссоздать сложную историческую картину как в целом битвы за Кавказ, так и места и роли Малгобекской оборонительной операции в этом грандиозном сражении.

Во введении автор дает краткую историографию исследуемой проблемы.

Первая часть работы посвящена показу общего положения на южном участке советско-германского фронта к моменту начала Малгобекской оборонительной операции, рассмотрена проблема соотношения сил и средств противостоящих сторон, задействованных на юж-

ном участке советско-германского фронта к моменту начала Малгобекской оборонительной операции (лето 1942 г.).

В трех главах данного раздела изложен обширный материал, касающийся хода боев за Малгобек в сентябре – октябре 1942 г.: форсирование Терека немецко-фашистскими войсками и начало боев на Малгобекском направлении 1 – 3 сентября; расширение немецкого плацдарма на Тереке и военные действия на вознесенском участке фронта 4 – 10 сентября; контрудары Северной группы советских войск 14 – 17 сентября и срыв немецкого плана прорыва в Алханчуртскую долину; попытка прорыва немецко-фашистских войск к Малгобеку с запада и сражение в районе Нижний Курп – Сагопши; танковое сражение под Сагопшами 28 сентября; октябрьские бои и временный захват врагом Малгобека.

Глава содержит обширный материал о мужестве и героизме защитников города: солдат, офицеров, местного населения, героически защищавших город.

Во второй части работы автор показывает проблемы, связанные с развитием военного искусства и действия видов вооруженных сил и родов войск противостоящих сторон в ходе Малгобекской оборонительной операции 1942 г.: на многочисленных примерах автор ярко раскрыл роль пехоты, артиллерии, танковых войск, авиации, разведки в указанной операции.

Третья часть монографии посвящена показу общественно-политической ситуации в Ингушетии накануне и в дни Малгобекской оборонительной операции. Приводится много примеров доброго отношения военнослужащих к местному населению и поддержка и помощь малгобекчан, всего населения региона советским войскам, участвовавшим в боях за Малгобек.

В заключении подведены итоги исследования по Малгобекской оборонительной операции. Показано стратегическое значение данной опе-

рации в битве за Кавказ. Проводится аналогия между Малгобекской оборонительной операцией и Сталинградской битвой. Эта аналогия, на наш взгляд, представляется весьма уместной и обоснованной.

Интересный материал содержат пять приложений к монографии: 1. Боевое расписание 9-й советской армии на 01.09.1942 г.; 2. Боевое расписание 1-й танковой армии вермахта на 02.09.1942 г.; 3. Боевое расписание моторизованной дивизии СС «Викинг» на 24 сентября 1942 г.; 4. Состав танковых сил сторон в ходе танкового сражения под Сагопшином 28 сентября 1942 г.; 5. Изменения численного состава 3-й авиагруппы 52-й истребительной эскадры люфтваффе в ходе сражения за Малгобек (август – октябрь 1942 г.).

При написании работы Т. Матиев широко использовал документы и материалы, хранящиеся в Центральном архиве Министерства обороны Российской Федерации. Это оперативные сводки и донесения штабов частей и соединений Красной Армии, принимавших участие в Малгобекской операции; приказы и распоряжения командиров и начальников различных уровней; сводки разведывательных, тыловых и иных служб и другие архивные документы, позволяющие составить полную картину происходившего в драматические дни осени 1942 г. на одном из важнейших фронтов Великой Отечественной войны – на Северном Кавказе, где без преувеличения решалась судьба страны и народа. Значительная часть использованных автором в исследовании архивных материалов вводится в научный оборот впервые.

Особый интерес для читателя представляют архивные источники фашистского командования, в которых с немецкой пунктуальностью приводятся данные не только о своих силах и средствах, задействованных в той или иной операции под Малгобеком, но и советских войск, в том числе и о потерях с той и другой стороны.

Это в первую очередь касается документов оперативных отделов штабов корпусов и дивизий вермахта, принимавших участие в этих боях, хранившихся после войны в фондах Национальной архивной службы США (NARA), и ставших доступными для исследования сравнительно недавно. Что позволило автору данной работы, путем сопоставления этих данных, уточнить отдельные цифры и факты.

В исследовании широко использованы материалы периодической печати того времени – как центральной, так и местной, в публикациях которой так или иначе освещались различные аспекты битвы за Кавказ, в том числе и сражений под Малгобеком, являвшихся важнейшей составной частью этой битвы. В ряду использованных при работе над исследованием изданий периодической печати особо следует отметить газеты «Красная звезда», «Комсомольская правда», «Грозненский рабочий» и др.

Говоря об источниковой базе рецензируемого труда, нельзя не отметить такой важный источник информации, который использовал автор, как мемуарные работы непосредственных участников рассматриваемых событий, как с советской, так и с немецкой стороны.

Являясь взглядом на рассматриваемые события изнутри, со стороны непосредственных очевидцев и участников рассматриваемых событий, данные работы позволили автору пролить свет на целый ряд подробностей грандиозного сражения, разгоревшегося в малгобекских степях осенью 1942 г.

С интересом читается материал параграфов «Разведка», «Диверсионная деятельность», «Психологическая война», подробно раскрыта общественно-политическая ситуация в Ингушетии накануне и в дни Малгобекской оборонительной операции. Работа написана хорошим литературным языком, легко читается и почти избавлена от опечаток и редакционных погрешностей. Сложные научные аспекты исследуемой проблемы излагаются автором просто, доступно, популярно, логично и последовательно. Говоря в целом о рецензируемой работе, следует особо подчеркнуть, что аргументы и выводы автора, степень их обоснованности и достоверности, а также научная новизна и практическая значимость исследования не вызывают сомнения.

На наш взгляд, автору удалось блестяще справиться со столь трудной как в научном, так и практически-политическом отношении задачей – показу роли, места и исторического значения Малгобекской оборонительной операции в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.

Можно не сомневаться в том, что рецензируемая работа найдет своего читателя и займет достойное место в ряду публикаций о славных страницах Великой Отечественной войны.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Обращаемся к авторам статей, желающих разместить свои публикации в журнале «Вестник Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им Ч.Э.Ахриева», входящем в базу данных РИНЦ, с просьбой сдавать в редколлегию журнала, кроме текстов статей, следующую информацию, согласно требованиям РИНЦ:

- 1) ФИО автора (авторов) полностью на русском и английском языках;
- 2) Название статьи на обоих языках;
- 3) Аннотация статьи на русском и английском языках (минимум 3-4 строки, максимум -10-12 строк);
- 4) Ключевые слова на русском и английском (не менее 5 слов);
- 5) Название учреждения, где Вы работаете;
- 6) Название кафедры на русском и английском языках;
- 7) Если вы работаете в двух или нескольких местах и желаете закрепить статью и за другими организациями, можете указать другие учреждения.
- 8) Название кафедры или иного подразделения, где вы работаете по совместительству, на русском и английском языках.
- 9) Обязательно укажите адрес электронной почты.

Пристатейные библиографические ссылки необходимо оформлять в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5 2008 «Библиографическая ссылка».

Единый формат оформления пристатейных библиографических ссылок в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5 2008 «Библиографическая ссылка» (Примеры оформления ссылок и пристатейных списков литературы на русском языке)

Статьи из журналов и сборников:

Адорно Т.В. К логике социальных наук // Вопр. философии. – 1992. – № 10. – С. 76-86.

Crawford P.J. The reference librarian and the business professor: a strategic alliance that works / P.J. Crawford, T.P. Barrett// Ref. Libr. – 1997. Vol. 3, № 58. – P. 75-85.

Корнилов В.И. Турбулентный пограничный слой на теле вращения при периодическом вдуве/отсосе // Теплофизика и аэромеханика. – 2006. – Т. 13, №. 3. – С. 369-385.

Кузнецов А.Ю. Консорциум – механизм организации подписки на электронные ресурсы // Российский фонд фундаментальных исследований: десять лет служения российской науке. – М.: Науч. мир, 2003. – С. 340-342.

Монографии:

Тарасова В.И. Политическая история Латинской Америки : учеб.для вузов. – 2-е изд. – М.: Проспект, 2006. – С. 305-412

Допускается предписанный знак точку и тире, разделяющий области библиографического описания, заменять точкой.

Философия культуры и философия науки: проблемы и гипотезы: межвуз. сб. науч. тр. / Саратов. гос. ун-т; [под ред. С.Ф. Мартыновича]. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1999. – 199 с.

Допускается не использовать квадратные скобки для сведений, заимствованных не из предписанного источника информации.

Райзберг Б. А. Современный экономический словарь / Б.А. Райзберг, Л.Ю. Лозовский, Е.Б. Стародубцева. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.:ИНФРА-М, 2006. – 494 с.

Заголовок записи в ссылке может содержать имена одного, двух или трех авторов документа. Имена авторов, указанные в заголовке, не повторяются в сведениях об ответственности. Поэтому:

Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь. 5-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2006. 494 с.

Авторефераты

Глухов В.А. Исследование, разработка и построение системы электронной доставки документов в библиотеке: Авторефер. дис. канд. техн. наук. – Новосибирск, 2000. –18 с.

Диссертации

Фенухин В.И. Этнополитические конфликты в современной России: на примере Северокавказского региона : дис.... канд. полит, наук. – М., 2002. – С. 54-55.

Аналитические обзоры:

Экономика и политика России и государств ближнего зарубежья : аналит. обзор, апр. 2007 / Рос. акад. наук, Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. – М.: ИМЭМО, 2007. – 39 с.

Патенты:

Патент РФ № 2000130511/28, 04.12.2000.

Еськов Д.Н., Бонштедт Б.Э., Корешев С.Н., Лебедева Г.И., Серегин А.Г. Оптико-электронный аппарат // Патент России № 2122745.1998. Бюл. № 33.

Материалы конференций

Археология: история и перспективы: сб. ст. Первой межрегион, конф.. Ярославль, 2003. 350 с.

Марьинских Д.М. Разработка ландшафтного плана как необходимое условие устойчивого развития города (на примере Тюмени) // Экология ландшафта и планирование землепользования: тезисы докл. Всерос. конф. (Иркутск, 11-12 сент. 2000 г.). – Новосибирск, 2000. – С.125-128.

Интернет-документы:

Официальные периодические издания: электронный путеводитель / Рос.нац. б-ка, Центр правовой информации. [СПб.], 2007. URL: <http://www.nlr.ru/lawcenter/izd/index.html> (дата обращения: 18.01.2007).

Логинова Л.Г. Сущность результата дополнительного образования детей // Образование: исследовано в мире: междунар. науч. пед. интернет-журн. 21.10.03. URL: <http://www.oim.ru/reader.asp?nomers 366> (дата обращения: 17.04.07).

Рынок тренингов Новосибирска: своя игра [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://nsk.adme.ru/news/2006/07/03/2121.html> (дата обращения: 17.10.08).

Литчфорд Е.У. С Белой Армией по Сибири [Электронный ресурс] // Восточный фронт Армии Генерала А. В. Колчака: сайт. – URL: <http://east-front.narod.ru/memo/latchford.htm> (дата обращения 23.08.2007).

Примеры оформления ссылок и пристатейных списков литературы на латинице:

На библиографические записи на латинице не используются разделительные знаки, применяемые в российском ГОСТе («//» и «—»). Составляющими в библиографических ссылках являются фамилии всех авторов и названия журналов

Статьи из журналов:

Zagurenko A.G., Korotovskikh V.A., Kolesnikov A.A., Timonov A.V., Kardymon D.V. *Neftyanoekhozyaistvo – Oil Industry*, 2008, no.11, pp. 54-57.

Dyachenko, V.D., Krivokolysko, S.G., Nesterov, V.N., and Litvinov, V.P., *Khim. Geterotsikl.Soedin.*, 1996, no. 9, p. 1243.

Статьи из электронных журналов описываются аналогично печатным изданиям с дополнением данных об адресе доступа.

Пример описания статьи из электронного журнала:

Swaminathan V., Lepkoswka-White E., Rao B.P. , *Journal of Computer- Mediated Communication*, 1999, Vol. 5, No. 2, available at: www.ascusc.org/jcmc/vol5/issue2/

Материалы конференций:

Usmanov T.S., Gusmanov A.A., Mullagalin I.Z., Muhametshina R.Ju., Chervyakova A.N., Sveshnikov A.V. *Trudy 6 Mezhdunarodnogo Simpoziuma “ovyeresursosberegayushchietekhnologiyinedropol'zovaniyaipovysheniya-neftegazootdachi”* (Proc. 6th Int. Technol. Symp. “New energy saving subsoil technologies and the increasing of the oil and gas impact”). Moscow, 2007, pp. 267-272.

Главное в описаниях конференций – название конференции на языке оригинала (в транслитерации, если нет ее английского названия), выделенное курсивом. В скобках дается перевод названия на английский язык. Выходные данные (место проведения конференции, место издания, страницы) должны быть представлены на английском языке.

Книги (монографии, сборники, материалы конференций в целом):

Belaya kniga po nanotekhnologiyam: issledovaniya v oblasti nanochastits, nano strukturi nano kompozitov v Rossiiskoi Federatsii (po materialam PervogoVserossiiskogo soveshchaniya uchenykh, inzhenerov i proizvoditelei v oblasti nanotekhnologii [White Book in Nanotechnologies: Studies in the Field of Nanoparticles, Nanostructures and Nanocomposites in the Russian Federation: Proceedings of the First All-Russian Conference of Scientists, Engineers and Manufacturers in the Field of Nanotechnology]. Moscow, LKI, 2007.

Nenashev M.F. *Poslednee pravitel'tvo SSSR* [Last government of the USSR]. Moscow, Krom Publ., 1993. 221 p.

From disaster to rebirth: the causes and consequences of the destruction of the Soviet Union [*Otkatastrofy k vozrozhdeniju: prichiny i posledstviya razrusheniya SSSR*]. Moscow, HSE Publ., 1999. 381 p.

Kanevskaya R.D. *Matematicheskoe modelirovanie gidrodinamicheskikh protsessov razrabotki mestorozhdenii uglevodorodov* (Mathematical modeling of hydrodynamic processes of hydrocarbon deposit development). Izhevsk, 2002. 140 p.

Latyshev, V.N., *Tribologiyarezaniya. Kn. 1: Friksionnye protsessy pri rezanie metallov* (Tribology of Cutting, Vol. 1: Frictional Processes in Metal Cutting), Ivanovo: Ivanovskii Gos. Univ., 2009.

Ссылка Интернет-ресурс:

APA Style (2011), Available at: <http://www.apastyle.org/apa-style-help.aspx> (accessed 5 February 2011).

Pravila Tsitirovaniya Istochnikov (Rules for the Citing of Sources) Available at: <http://www.scribd.com/doc/1034528/> (accessed 7 February 2011).

Научное издание

**ВЕСТНИК
ИНГУШСКОГО НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА
ГУМАНИТАРНЫХ НАУК ИМ. Ч.Э. АХРИЕВА**

№ 1 – 2016

Компьютерная верстка
М.Я. Кодзоев

Сдано в набор 15.06.2016 г.
Подписано в печать 25.06.2016 г.
Формат 30х42/4. Бумага офсетная – 65 г/м².
Гарнитура «Times». Печать ризографическая.
Физ. печ. л. 23. Усл.-печ. л. 11,5.
Тираж – 300 экз.
E-mail: pilgrim-K@list.ru